КЛАВДИЙ

Пьер Ренуччи

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Император Клавдий (Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, 10 до н. э. – 54 н. э.), правивший после порочного садиста Тиберия и безумного чудовища Калигулы и до Нерона, который был и тем и другим одновременно, стал наименее известным из императоров династии Юлиев — Клавдиев. Но недооцененный преемник Калигулы оказался крупным государственным деятелем и талантливым политиком, который не побоялся настроить против себя традиционный политический класс, доверив высокие посты в администрации бывшим рабам, введя в сенат выходцев из провинций и сыновей вольноотпущенников, издав законы в пользу женщин и рабов. Скончавшись в 54 году, он оставит после себя мирную и богатую Империю, расширившую свои границы, с усовершенствованной администрацией и эффективной судебной системой. Его трагедией стало то, что он был женат на двух непомерно властолюбивых женщинах, беспрестанно вмешивавшихся в дела государства.

- Пьер Ренуччи
  - Пролог
  - Часть первая
    - I. Юность нелюбимого дитя
    - II. Пурпур и кровь
    - III. Переворот
  - Часть вторая
    - IV. Клавдий и Мессалина, или Как правильно обрезать родословное древо
    - V. Падение Мессалины
    - VI. Агриппина
  - Часть третья
    - VII. Завоевание Британии
    - VIII. Рейн и Дунай
    - IX. Африка и Восток
    - X. Иудеи
  - Часть четвертая
    - XI. Император, сенаторы и всадники
    - XII. Администрация
    - XIII. Рим и Италия
    - XIV. Судья и законодатель
  - Эпилог
  - Основные даты жизни и деятельности Клавдия

- Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42

- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

Пьер Ренуччи
Клавдий: нежданный император

Venerium in auro bibitur, expertus loquor.

(Отраву пьют из золота, я знаю, что говорю.)

Сенека. Фиест

Пролог

X год до нашей эры. Прошло уже 20 лет с тех пор, как Антоний и Клеопатра, потерпев поражение при Акциуме и Александрии, покончили с собой. Их сын Октавиан, усыновленный Цезарем, стал единственным властелином Римской империи. Этот 32-летний мужчина слабого здоровья взялся преуспеть там, где отступали все реформаторы — от Гракхов до Цезаря. С середины II века до н. э. Рим переживал серьезный внутренний кризис. Если коротко, то затяжная война с Карфагеном разорила средний класс, бывший социальной основой Республики. Небогатые земледельцы, долгое время находившиеся в армии, уже не могли бороться с гигантскими латифундиями, сколоченными аристократией в их отсутствие. Этим новым пролетариям не оставалось другого выбора, кроме как идти в Рим и осесть там. Они влились в городской плебс, уже пополненный беженцами, согнанными с родных мест нашествием Ганнибала. Разрушение класса граждан нарушило гармонию равновесия, на которой зиждилась прекрасная и здоровая Республика. Она медленно умирала в судорогах скрытой гражданской войны, из которой никто не выходил победителем надолго. Ибо в этом распадающемся обществе власть отныне принадлежала полководцам, сумевшим поставить под свои знамена множество новых бедняков. Конечно, у легионеров было уже мало общего с солдатами-земледельцами былых времен. Они были добровольцами, профессионалами, которых интересовали только жалованье и добыча, получаемые в военных походах. Эти воины, преданные честолюбивым командирам телом и душой, проложат им — Марию, Сулле, Помпею, Цезарю — дорогу к личной власти, которую ни один из них не сумеет удержать.

Социальный кризис сопровождался не менее серьезным институционным кризисом. В результате военных завоеваний Рим оказался в ответе за огромную территорию, руководить которой стало не под силу учреждениям древнего города. Можно без преувеличений сказать, что Рим в той же мере грабил, в какой руководил. Умирающая республика жила в основном за счет «дойки» провинций, поскольку эмпирическая система правления без особой щепетильности смешивала политику и администрацию. Конечно, не все правители провинций были монстрами наживы. Кое-кто даже справлялся со своей задачей с честностью — тем более замечательной, что система к ней не предрасполагала. Эти люди были не профессиональными управленцами, а политиками, более занятыми своим «путем

чести» в Риме, чем благополучием ненадолго вверенных им территорий. Но как раз карьера и поглощала много денег, потому что, вернувшись в Рим магистратами, они устраивали зрелища для народа и строили общественные сооружения. При таких условиях было очень соблазнительно воспользоваться пребыванием в какой-нибудь провинции, чтобы поправить свои финансовые дела в преддверии выборов и извлечь из этого личную выгоду. В довершение всех бед наместник оставался на своем посту не более года, а значит, должен был награбить как можно больше за короткое время, прежде чем уступить место коллеге, которым, разумеется, будут двигать те же мотивы.

Забрав всю власть в свои руки, Октавиан теперь должен был преобразовать государство. Не вдаваясь в подробности его правления, богатого перипетиями, скажем лишь, что главной его задачей было установить монархию, которая не напоминала бы ее внешне. Почему монархию? Поэтому что это единственный режим, способный объединить огромную империю из множества народов с разными обычаями и культурой, и единственный тогда способ добиться консенсуса. Республика прошлого, даже если бы она вдруг возродилась, уже не подходила созданному ею объединению. Рим больше не был городом, он превратился в мир. А почему не должно быть внешних атрибутов монархии? Потому что римляне (и вообще италийцы) монархию на дух не выносили. Как объясняет Цицерон в диалоге «О государстве», «из-за нестерпимого высокомерия одного человека — Тарквиния — само имя царя стадо ненавистным для нашего народа».

Наученный более чем вековым горьким опытом предшественников, Октавиан понимал, что реформы надо проводить с крайней осторожностью, и потому продвигался вперед мелкими шажками, понемногу забирая полномочия, к которым как будто бы и не стремился. На первом этапе (30–23 годы до н. э.) он довольствовался тем, что регулярно становился консулом, не принимая диктатуры, которой Цезарь придал чересчур царское значение. Кстати, этот особый вид магистратуры навсегда выйдет из употребления. Благодаря званию консула, которое ему продлевали каждый год, Октавиан обладал высшими властными полномочиями консулов и преторов: мог командовать войсками, созывать сенат и народные собрания, заключать граждан в тюрьму. Но в течение этого периода он также благосклонно принимал почести, которые, не увеличивая его мощи, выделяли его особу. Так, в 29 году до н. э. он получил позволение постоянно носить титул «император», тогда как при Республике это было лишь временное отличие, которое полководец, одержавший победу, получал на время

триумфа. С юридической точки зрения это не наделяло Октавиана никакими особыми прерогативами, однако таким образом в нем признавали носителя высшей власти. В итоге этот титул будет передаваться всем его преемникам, и не случайно в наши дни этим словом обозначают главу нового государства, порожденного Историей. Гораздо важнее то, что в практическом плане Октавиану затем пожизненно присвоили *jus agenda* (право действия) — важный элемент власти трибунов, который наделял народных трибунов законодательной инициативой в народных собраниях. В тот же год сенат проголосовал за введение общественных и частных молитв о здравии нового властителя.

В 28 году до н. э. высокое собрание пошло еще дальше, наделив Октавиана титулом «принцепс сената». Это был древний титул, который раньше носил «первый из сенаторов» — первый в списке, называемом «альбумом». Во времена Республики так называли старейшего из бывших цензоров или консулов, который получал «прерогативу», то есть право первым высказываться во время дебатов. Отныне этот титул будет предназначен императору и новый политический режим получит название «принципат».

Но самый важный конституционный переворот произошел в 27 году до н. э. 13 января Октавиан отрекся от своих полномочий перед сенатом, который умолял его принять их снова. После первого акта этой умело поставленной комедии был достигнут своего рода компромисс, по которому «принцепс» получал на десять лет «империум», распространяющийся на Галлию, Испанию и Сирию, оставляя прочие провинции под властью сената. Три дня спустя сенат проголосовал за ряд почестей для Октавиана, самой важной из которых было присвоение ему титула *Август.* Этот религиозный термин входит в одну семантическую семью с такими словами, как «ауспиции» (гадание по полету птиц) или «авгур» (толкователь знамений). Переплетение религии и политики, характерное для власти в Риме, позволяет понять, каким превосходством это простое слово наделяло Октавиана.

Став Августом, он отныне признавался высшим обладателем мистической власти — *auctoritas,* которую стоит вкратце описать, чтобы понять атмосферу той эпохи. В Риме слово *auctoritas* обладало совершенно четким смыслом, который вовсе не передается словом «авторитет». Оно обозначало политический вес учреждения (в первую очередь сената) или человека — магистрата или сенатора. В то время, когда власть обладала двойной природой — божественной и человеческой, оно отражало как раз мистическую законность политического органа,

присваиваемую Небом и признаваемую обществом. Иначе говоря, *auctoritas* — вертикальная связь человеческой власти с Небом. При этом главным носителем ее всегда был республиканский сенат, а уже после него отдельные магистраты и сенаторы. Это не означает, что у достопочтенного собрания было больше власти, чем, например, у консула. Наоборот, меньше, поскольку сенат не обладал, как консул, законодательной инициативой, а собирался по его приказу. Он и не голосовал за законы — это было прерогативой народных собраний. Но поскольку он состоял из людей, ранее облеченных высшей властью, то его политический вес (то есть *auctoritas)* был таков, что на деле его мнением попросту нельзя было пренебречь. И вот теперь становится понятен истинный смысл революции 27 года до н. э. Наделив Октавиана титулом *Август,* древнее собрание сложило с себя высшую *auctoritas,* чтобы передать ее человеку, уже признанному главой — принцепсом. Так начала потихоньку складываться монархия, сосредоточив в одних руках большую часть *imperium* и высшей *auctoritas.*

В 24 году до н. э. наступил политический кризис, описывать который здесь нет нужды, однако в нем проявилась хрупкость нового конституционного здания, тем более что претензии исходили от самой цезарианской партии. Дело уладилось довольно быстро, однако тревога оказалась достаточно сильной, чтобы стало ясно: пора переходить к следующему этапу. Поэтому в июле 23 года до н. э. Август сложил с себя звание консула в обмен на усиление своей власти, чем завершился процесс, начатый пятью годами ранее. С одной стороны, *imperium,* которым он был наделен в своих провинциях, теперь стал называться *majus* (величайший), следуя примеру, который некогда подал Помпей, так что Август отныне становился главнее проконсулов, управлявших вверенными ему провинциями. С другой стороны, он получил пожизненно трибунские полномочия, не являясь при этом народным трибуном. Этот момент тоже следует прояснить, чтобы понять его значение.

Народные трибуны не являлись магистратами в прямом смысле слова, но они защищали плебс от патрициев. Для этого они обладали полномочиями (*tribunicia potestas),* дававшими им право возражать *(veto)* против проектов магистратов *(prohibitio*) или отменять их действия *(intercessio)*. Единственным способом отменить вето одного трибуна было противопоставить ему *intercessio* другого трибуна. Кроме того, звание народного трибуна было священным и делало своего носителя неприкосновенным; поднять руку на трибуна было святотатством, за это преступление полагалась конфискация имущества.

Неприкосновенностью *(sacrosanctitas)* Октавиан обладал еще с 36 года до н. э. Теперь же, в 25-м, он наделялся всеми трибунскими полномочиями, не исполняя обязанностей трибуна. Институционная революция свершилась. Объединение *imperium, tribunicia potestas* и высшей *auctoritas* становилось основанием для будущей императорской власти, опирающейся одновременно на армию и на народ, и всё это с благословения богов. Оставалось только стать великим понтификом — высшим жрецом в Риме, как это сделал в свое время Цезарь. Это произойдет в 12 году до н. э., по смерти исполнявшего эту должность Лепида. Таким образом, Октавиан Август очень умно распорядился опытом своих предшественников, действовавших методом проб и ошибок, и на его основе осуществил реформу, гениальность которой состояла в том, чтобы необходимую монархию замаскировать обносками старой республики, а также в том, чтобы принимать одни полномочия за другими, не выпрашивая их. Теперь, конечно, он сможет возобновлять свой *imperium* каждые пять или десять лет, добродетельно отказаться от некоторых должностей, например цензора, «временно» взять на себя те или иные обязанности, не нарушающие конституционных принципов, но на самом деле он один будет облечен всей полнотой власти до самой смерти. Там, где Гракхам, Марию, Сулле, Помпею и Цезарю удалось добиться лишь частичного результата, он нашел универсальную формулу, приемлемую прежде всего в Риме и Италии, где новый властитель мог сойти за «сверхмагистрата», соблюдающего республиканскую форму. Это было легко, поскольку он «вобрал в себя» полномочия высших магистратов, а потому не имел необходимости становиться ими. Консулом он будет еще только дважды за последние 36 лет своего принципата. Отделенный от должности *imperium majus* был еще удобнее: его расплывчатые очертания придавали ему обширные размеры, а его обладатель мог предоставить должность консула верным людям, которых надо было отблагодарить. Трибуном ему тоже быть не требовалось, поскольку он обладал пожизненно *tribunicia potestas* и *sacrosanctitas.* Да и на примере Гракхов было видно, что возобновление этой должности сопряжено со смертельной опасностью. Разумеется, консулы, трибуны и прочие магистраты продолжат сменять друг друга; де-юре они даже будут располагать атрибутами своих должностей. Но эти люди будут иметь мало веса по сравнению с *Августом.* Разве могло быть иначе? Принцепс обладал как минимум той же властью, что и каждый из них, но превосходил их всех своей *auctoritas.*

Приемлемую и во всех провинциях. Прежде всего на Западе, где главенство императора и улучшение административной

системы защищало население от злоупотреблений бывших проконсулов Республики. И на Востоке, где народы, издавна привычные к обожествляемым царям, не увидят разницы между императором и греческим басилевсом. А в Египте принцепс станет просто новым фараоном. Так что отныне император везде будет восприниматься как воплощение власти, гарант государства, ипостась божества. Он будет вечно *Цезарем* и *Августом.*

Новый режим основывался на фикции — преемственности с древней республикой. Принципат можно было выдать за историческое отступление, необходимое, чтобы положить конец вековой междоусобице, которое, однако, должно закончиться со смертью Августа. Тот же был обязан увековечить свои свершения. Но именно потому, что установленная монархия не являлась ею официально, передачу власти по наследству нельзя было представить законной. Не имея возможности назначить наследника, не настроив против себя общественное мнение, в особенности сенаторскую аристократию, Октавиан снова выдумал систему, позволившую сохранить форму. Поскольку принцепс юридически получал свои полномочия от сената, ему пришло в голову не назначать наследника, а «выдвинуть кандидатуру» для одобрения высоким собранием. Властью он завладел, якобы поддавшись уговорам сената. Теперь он точно так же создаст династию, побудив сенат потребовать у него преемника из лона семьи. Август понял, что популярности среди плебса и в армии недостаточно для обуздания аристократии, остававшейся достаточно могущественной, чтобы затевать заговоры. Как явствовало из примера Цезаря, с ней постоянно нужно идти на компромисс.

Поскольку жена Августа Ливия не подарила ему детей, он возложил надежды на двух молодых людей: своего племянника Марцелла, сына своей сестры Октавии, а во вторую очередь — Тиберия, сына Ливии от первого брака. Как сделать их «кандидатами»? Первому он предоставил право претендовать на должность консула на десять лет раньше положенного срока и отдал ему в жены свою дочь от первого брака Юлию. Второй сможет стать консулом за пять лет до достижения установленного законом возраста; он становился своего рода «запасным колесом». С юридической точки зрения Марцелл не получал права на наследование, однако его выдвигали вперед, чтобы он мог снискать популярность и стать незаменимым. Хотя Август и действовал крайне осторожно, его поступок вызвал ропот, в том числе и в цезарианской партии, где молодой человек не

пользовался всеобщей поддержкой. Короче, место Марцелла в политическом раскладе вызывало столько вопросов, что в 24 году до н. э. разразился политический кризис.

Дело быстро уладилось, но на следующий год Марцелл заболел и скоропостижно скончался. Август тотчас нашел запасной вариант в лице Марка Випсания Агриппы, своего товарища с юных лет. Несравненный управленец и полководец, он способствовал всем успехам Октавиана, в частности победе при Акциуме, которая во многом была его заслугой. Агриппа действительно был вторым человеком в государстве, и в 21 году до н. э. Август выдал за него свою дочь Юлию. У Агриппы были две задачи: обеспечить новому тестю наследников, а если тот умрет — заменить его во главе империи до достижения ими совершеннолетия.

В очередной раз Август не мог нахвалиться своим соратником: в 20 году до н. э. родился первый мальчик — Гай, в 17-м — второй, Луций. Император усыновил обоих. Это усыновление само по себе было чисто гражданским актом, однако обладало очевидным политическим звучанием, поскольку в глазах общественности оба ребенка быстро стали претендентами на власть. Таким образом, люди, как и планировалось, привыкали к мысли о династии, однако Август беспокоился о том, чтобы не рассердить аристократию. Например, принцепс возразил против решения народного собрания, назначившего Гая консулом, когда тому было всего 14 лет. Пока юноша удовольствовался должностью жреца и местом в сенате, на пост же консула он сможет претендовать только в 20 лет. Кроме того. Август разрешил всадникам приветствовать обоих братьев как *Principes Juventutis* (предводители молодежи). Это был всего лишь почетный титул, но плюс в том, что инициатива исходила «снизу», а носители титула получали поддержку со стороны мощного сословия всадников, которое Август превратил в становой хребет режима.

Рождение детей не отдалило опасность хаоса в случае, если Август умрет прежде, чем наследники вырастут и смогут прийти ему на смену. Принцепсу было 43 года — преклонный возраст по тем временам, и он по-прежнему не отличался крепким здоровьем. Вот почему в 18 году до н. э. он конкретно приобщил к власти Агриппу, передав ему трибунские полномочия. Идея была в том, что в случае кончины Августа верный «номер два» сможет временно заменить его до совершеннолетия Гая.

Но он не учел капризов Фортуны: вопреки всем ожиданиям Агриппа умер первым — в 12 году до н. э., покинув друга и еще слишком юных наследников. Юлия была тогда беременна

третьим мальчиком, который, по обычаю, получит имя Постум — «посмертный». Надо было продвигать нового «регента», и Август обратился к Тиберию, сыну своей жены. Этот тридцатилетний мужчина обладал талантами администратора и стратега. Кроме того, он был отпрыском древнего патрицианского рода, а потому стоял выше в глазах аристократии, чем плебей Агриппа. В 11 году до н. э. Тиберий разошелся с женой, чтобы жениться на недавно родившей Юлии, а в 6-м получил трибунские полномочия на пять лет. Всё уладилось: в императорской семье имелись три мальчика, способных в один прекрасный день принять власть, и крепкий тридцатилетний мужчина, способный временно встать у руля, если Август вдруг скончается.

Именно в этот многообещающий период, 1 августа 10 года до н. э., и родился Тиберий Клавдий Нерон, более известный как Клавдий.

Давайте познакомимся с ним поближе.

Часть первая
От недоноска до путчиста

I. Юность нелюбимого дитя

Семья Клавдия со стороны отца входила в число самых древних и знатных римских родов. Согласно легендарной родословной Клавдии происходили из страны сабинян, откуда перебрались в Рим в мифические времена его основания. Однако древняя принадлежность Клавдиев к патрициям — республиканской знати, правившей городом со времени свержения царей в 509 году до н. э., — вовсе не легенда. Клавдии дали республике 28 консулов и семь цензоров[1], а также пять диктаторов[2]. И среди этих славных предков шесть получили триумф[3], а еще двое — овацию за громкие победы. Кстати, возможно, что именно этим военным успехам данная ветвь Клавдиев обязана прозвищем Нерон, что на языке сабинян якобы означает «храбрец».

Тем не менее этот аристократический бриллиант был не совсем чистой воды. На протяжении столетий некоторые члены рода отметились надменностью, порой имевшей плачевные последствия и для Рима, и для них самих. Не вдаваясь в подробности, скажем, что они закрепили за своей семьей репутацию гордецов.

Тиберий Клавдий Нерон, дед Клавдия, женился на дальней родственнице, тоже происходившей из рода Клавдиев, — Ливии Друзилле. У них родился сын, известный нам Тиберий, потом еще один — Нерон Клавдий Друз, которого историки обычно называют Друзом I. В 38 году до н. э., будучи беременной маленьким Друзом, Ливия разошлась с мужем и вышла замуж за Октавиана. Этот союз, заключенный из-за внезапно вспыхнувшей любви, имел и политическую подоплеку. В то время Октавиан был триумвиром Запада и власть его была еще шаткой. Вот почему в негласной борьбе с Антонием, триумвиром Востока, за людские умы он искал поддержки у республиканской аристократии, которая его не любила. Союз с архиреспубликанским родом Клавдиев был ему на руку и помог бы привлечь на его сторону другие роды. Со своей стороны, Клавдиям нужно было за многое заслужить прощение. Отец и муж Ливии выступили на стороне убийц Цезаря, и хотя первый покончил с собой после их поражения в 42 году до н. э., второй смог остаться в живых только благодаря протекции Антония. В следующем году он отличился во время бунта против Октавиана, устроенного сторонниками Антония, и после провала был вынужден вместе с семьей уехать в изгнание, где жил в очень трудных условиях. Однако в 40 и 39 годах до н. э. главные

действующие лица положили конец этому конфликту, заключив между собой договоры, и Тиберий вместе с семьей смог вернуться в Рим.

Тогда-то он с женой и был представлен Октавиану, и Купидон, на сей раз действовавший согласно политическим интересам, ускорил союз между молодыми людьми. Тиберий тоже от этого выиграл: уступив жену и пообещав удалиться от публичной жизни, он получил прощение нового властителя и смог наслаждаться покоем.

Едва став взрослым, Друз начал получать важные военные поручения. Вместе с братом Тиберием он завершил завоевание Альп, а затем в качестве наместника в Галлии проводил крупные операции по ту сторону Рейна, в Северной Германии. Между тем в 16 году до н. э. Август отдал ему в жены свою племянницу Антонию Младшую, одну из дочерей своей сестры Октавии от Марка Антония. Молодая женщина поехала с мужем в Галлию, и там, в Лионе, Клавдий и появился на свет 1 августа 10 года до н. э. Новорожденный, названный Тиберием, стал младшим ребенком в семье, у которой уже были старший сын и дочь по имени Клавдия Ливилла.

По линии своей матери Антонии Клавдий был связан с двумя другими знатными родами. Во-первых, с родом Антониев: менее блестящий и менее древний, чем род Клавдиев, он, однако, обладал известностью, которую во многом увеличил последний из его представителей — Марк Антоний. Хотя августовская пропаганда выставляла побежденного при Акциуме Антония воином-наемником, рабом царицы-нимфоманки, он оставил по себе более лестное воспоминание — как исключительный стратег, а также щедрый и великодушный вельможа. Клавдий был его внуком. А во-вторых, с родом Юлиев — старым патрицианским родом, из которого происходил Юлий Цезарь. Последний же был не только приемным отцом Октавиана, но и его двоюродным дедом по матери, так же как и Октавии[4].

Маленький Тиберий не успел узнать своего отца. В 9 году до н. э. Друз умер, свалившись с лошади, когда возвращался из германского похода. Август потерял талантливого полководца, а римский народ — обожаемого героя. Ему воздали посмертные почести в соответствии с его талантами: триумфальная арка в Риме, надгробие на берегу Рейна, урна с прахом в мавзолее, который Август построил для себя и своей семьи. Сенат наделил его прозвищем Германик, передаваемым по наследству, в память о его подвигах в боях с германцами. В тот момент оно перешло к старшему сыну, судьба которого будет такой же, как у отца, —

славной и трагической. Именно он войдет в историю под именем Германик.

Август предпочитал Друза Тиберию, и если бы у него был выбор, возможно, передал бы трибунские полномочия именно первому, а не второму. Кстати, когда император пожелал соединить свою кровь с кровью своей жены, представлявшей великий род Клавдиев, он выдал свою племянницу Антонию именно за Друза, а не за Тиберия. Правда и то, что братья, хотя и любили друг друга, были совершенно разными. Насколько Друз был любезным и веселым, настолько Тиберий — молчаливым и нелюдимым. Его отталкивающий вид вызывал антипатию, так что шутливые разговоры немедленно обрывались, едва он показывался на глаза; Август, которому он явно действовал на нервы, даже писал Ливии записки, жалуясь на дурной характер ее старшего сына.

Но император умел ценить таланты. У Тиберия их было столько же, сколько у брата, и когда потребовалось заменить Агриппу, Август, естественно, обратился к нему. Увы! Как только он приобщил Тиберия к власти, тот внезапно отрекся от всего. Сказал, что устал за 20 лет войн в Испании, в Альпах, в Иллирии и Германии, и объявил о своем отъезде на Родос, где намеревался отдохнуть и завершить свое образование. По правде говоря, положение у него было незавидное. Зажатый между незаурядной личностью Августа, непомерной гордыней своей жены Юлии, честолюбивыми надеждами своей матери Ливии, Тиберий, напомним, должен был помогать принцепсу при его жизни, а затем, возможно, править страной в период между смертью Августа и приходом к власти Гая или Луция. И ко всему этому примешивались подозрения антиклавдиевой партии, что он несколько иначе рассматривает судьбу обоих наследников… Август не верил в вероломство своего пасынка, судя по тому, как он давил на него, чтобы пересмотреть свое решение. Но не вышло: Тиберий не уступил, а начал голодовку — неслыханный и возмутительный поступок со стороны патриция, призванного по рождению на службу государству. Через четыре дня, поняв, что пасынок решился идти до конца, Август смирился и отпустил его.

Добровольное изгнание Тиберия не положило конец его карьере. Кстати, официально за ним сохранялись трибунские полномочия, только что переданные ему Августом на пять лет. Но по мере того как Гай и Луций взрослели, вероятность обращения к услугам сына Ливии таяла. В 1 году до н. э. старшему было 19, младшему — 16 лет, и трибунские полномочия Тиберия не возобновили. Два года спустя, проведя семь лет на Родосе, он получил дозволение вернуться в Рим. Это долгое отсутствие

стерло память о Клавдиях. Теперь Тиберий был человеком без политического будущего, а его племянники Германик и Клавдий оставались в тени. В них больше не было необходимости: крепкое здоровье сыновей Юлии и Агриппы отвечало династическим надеждам Августа.

Увы, в очередной раз Парки обрезали нить от прекрасного клубка, который терпеливо сматывал император. Во 2 году н. э. Луций неожиданно скончался в Марселе, отправившись с поручением в Испанию. В 4-м настал черед Гая: он умер от раны, полученной пятью месяцами ранее в Армении. Эта двойная кончина вызвала сильнейшее волнение во всей Империи, подтвердив, что идея о династии укоренилась в умах, склонив общественное мнение к семье Августа. Но императору было 67 лет, его здоровье было подорвано, и потому был необходим новый план в отношении наследника.

В семье императора еще оставалось несколько отпрысков, пощаженных судьбой. Имелся последний внук — тот самый Агриппа Постум, которым Юлия была беременна на момент смерти Агриппы. В 4 году ему исполнилось 15 лет, и, по идее, он лучше всего подходил на замену своим братьям, но дед испытывал кое-какие сомнения на его счет. Согласно древним авторам, ум и душа этого юноши были развиты меньше, чем мускулы и гордыня, и даже если это описание преувеличено, совершенно точно, что к тому моменту Постум не выказал необходимых дарований, чтобы облачиться в пурпур. У Августа еще оставался внучатый племянник Германик, достигший восемнадцатилетия, умственные и человеческие качества которого выгодно отличались от качеств Агриппы Постума.

На данном этапе император не выбрал одного из двух претендентов, а их молодость предполагала переходный период. Вот почему в 4 году н. э. он усыновил и Постума, и Тиберия, передав последнему трибунские полномочия. Сын Ливии вернул себе роль «регента», которая была ему предназначена до отъезда на Родос, но с той разницей, что на сей раз ему самому пришлось усыновить Германика. Чтобы понять, зачем это было сделано, не следует забывать о стремлении Августа сохранить власть за своей семьей. Принципат в самом деле был новым, а потому непрочным режимом, частично державшимся на престиже имени Цезаря. Октавиан сделал карьеру как сын Цезаря, и его преемник должен сделать свою как потомок Цезаря и Октавиана, чтобы новый режим остался жить в веках. Однако до брака с Юлией Тиберий был женат на Випсании, дочери Агриппы, которая родила ему сына — Друза II. Этот мальчик, естественно, не занимал никакого места в династической структуре, поскольку в его жилах не текло

ни капли крови Юлиев. Он был «чистым» Клавдием и потому мог даже создать неудобства, если бы его отец, придя к власти, вздумал передать ее своим потомкам. Отсюда и возникла мысль заставить Тиберия усыновить Германика. Тот, конечно, тоже был Клавдием, как и его двоюродный брат Друз II, но обладал огромным преимуществом, являясь также внучатым племянником Августа. Через это усыновление Германик становился братом Друза II, который уже не мог называться единственным сыном Тиберия, претендуя на роль его преемника. Это будет сложно сделать, поскольку Германик, племянник Августа, был по крови Юлием.

Это непосредственные преемники. Но принцепс думал и о последующих поколениях. Юлия рожала не только мальчиков, у нее были еще две дочери: Юлия, появившаяся на свет в 19 или 18 году до н. э., и Агриппина, родившаяся в 14 или 13 году до н. э. В 7 году н. э. младшая внучка Августа станет супругой Германика, чтобы произвести на свет потомство Юлиев. Это пожелание исполнится: Калигула и Нерон будут сыном и внуком Агриппины, потомками Августа.

А как же Клавдий? Всё очень просто: ему не нашлось места в новом династическом раскладе, хотя ему шел уже шестнадцатый год. Август сбросил его со счетов, потому что мальчик был явно не пригоден для публичной жизни из-за болезни. Древние авторы описывают некоторые ее проявления, но современные врачи затрудняются поставить диагноз. Вот что говорит, например, Светоний:

«Наружность его не лишена была внушительности и достоинства, но лишь тогда, когда он стоял, сидел и в особенности лежал: был он высок, телом плотен, лицо и седые волосы были у него красивые, шея толстая. Но когда он ходил, ему изменяли слабые колени, а когда что-нибудь делал, отдыхая или занимаясь, то безобразило его многое: смех его был неприятен, гнев — отвратителен: на губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрестанно, а при малейшем движении — особенно»[5].

Дион Кассий также подчеркивает контраст между выдающимся умом и немощным телом, не способным ни совладать с трясущимися руками и головой, ни придать твердости голосу. Ювенал насмехается над «дряхлой его головой, покидавшей землю для неба» и «ртом со стекавшей длинной слюною». В другом месте сатирик, чтобы дать представление об адском шуме на римских улицах, утверждает, что это разбудило бы даже Клавдия или морскую корову, намекая на то, что несчастный внезапно погружался в глубокий сон. Наконец,

хорошо знавший его Сенека в памфлете «Отыквление божественного Клавдия», написанном после кончины последнего, приводит кое-какие уточнения: мы узнаем, что император хромал на правую ногу и плохо слышал; возможно, что глухота возникла уже в зрелом возрасте.

Врачи, заинтересовавшиеся этим анамнезом, задавались множеством вопросов о природе заболевания, которым страдал Клавдий. Главенствует мнение о том, что в раннем детстве его поразил неврологический недуг, не затронувший интеллект, — детский энцефалит, переродившийся в болезнь Паркинсона, двигательное расстройство или синдром Туретта, выражающийся в неконтролируемых движениях и повышенной эмоциональности. В последнее время был поставлен как будто вполне уверенный диагноз: болезнь Литтла. Это форма энцефалопатии развивается в результате преждевременных или трудных родов и всегда сопровождается слабостью нижних конечностей. Однако она также проявляется во вторичных клинических признаках, очень похожих на симптомы у Клавдия, в частности спазматических сокращениях лицевых мышц, не позволяющих закрыть рот и вызывающих обильное слюноотделение, а иногда в параличе гортани, мешающем речи. У этой болезни есть еще одна общая черта с недугом нашего героя — выздоровление или постепенное улучшение. В самом деле, известно, что здоровье Клавдия во многом окрепло после его прихода к власти, несмотря на необратимые последствия.

Понятно, что Август не собирался ставить убогого подростка в один ряд со своими наследниками. Даже если интеллект людей, страдающих неврологическими заболеваниями, чаще всего не затронут, они производят впечатление умственно отсталых. Юный Клавдий был как раз таким: расстройства, которыми он страдал в детстве, совершенно справедливо породили сомнения в отношении его ума, которым, однако, он превосходил многих. С другой стороны, бедного мальчика нельзя было показывать в обществе, придававшем слишком большое значение приличиям. Аристократия, члены которой готовили себя к самым высоким должностям, не прощала погрешностей в том, что по-латыни называется *decorum,* — это код социального поведения, основанный на манере одеваться и говорить, а также внешности. В то время смешное не только убивало (по меньшей мере в социальном плане) жертву, но и бросало тень на весь род. Представьте себе, какой стыд испытала бы семья императора, довелись ей явить обществу одного из своих членов — трясущегося, спотыкающегося, с прерывающимся голосом, открытым слюнявым ртом и сопливым носом… С другой стороны,

отношение к Клавдию родных не способствовало его вере в себя. Его мать Антония любезно называла его «уродом среди людей», говоря, что «природа начала его и не кончила», сестра Ливилла его презирала, а его бабка Ливия общалась с ним чаще всего посредством коротких и сухих записок.

Один лишь Август более или менее интересовался этим гадким утенком, и нам известно, можно сказать, из первых рук, как он о нем беспокоился. Спасибо Светонию, который веком позже станет секретарем, ведущим переписку Адриана, и в этом качестве получит доступ к императорским архивам. Он извлек оттуда несколько писем Августа к Ливии по поводу их юного родственника и приводит несколько весьма поучительных отрывков. Видно, что император раздумывает о болезни Клавдия и не уверен, что она ставит крест на его политическом будущем: «Если он человек, так сказать, полноценный и у него всё на месте, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошел его брат? Если же мы чувствуем, что он поврежден и телом и душой, то и не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, которые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода». Далее Август, тонкий знаток людей, говорит о своем замешательстве из-за парадокса этой болезни: «Бедняжке *не везет: ведь в предметах важных,* когда ум его тверд, он достаточно обнаруживает *благородство души своей».* И сообщает о том, что каждый день будет звать Клавдия к обеду, чтобы тот не сидел постоянно за столом с одними и теми же товарищами, которых ему лучше было бы выбирать себе «не столь рассеянно». Зато когда его внучатый племянник добился успехов, император не скрывает своей радости: «Хоть убей, я сам изумлен, дорогая Ливия, что декламация твоего внука Тиберия мне понравилась. Понять не могу, как он мог, декламируя, говорить всё, что нужно, и так *связно,* когда обычно говорит столь *бессвязно».*

Каковы бы ни были эти успехи, умственные способности Клавдия по-прежнему вызывали сомнения, и уж во всяком случае его повадки не соответствовали тем, каких ожидали от высокопоставленной особы. Август не желал, по его собственному выражению, «вечно трястись между надеждой и страхом», то есть боязнь осрамиться возобладала над надеждой на выздоровление. Он решил не доверять Клавдию никаких общественных должностей. Даже присутствовать на официальных мероприятиях мальчику было запрещено, по меньшей мере до четырнадцати-пятнадцати лет, когда он облачился в мужскую тогу. Кстати, облачение в мужскую тогу было обрядом посвящения, который у аристократов обставлялся пышной публичной церемонией.

Мальчик, еще считавшийся ребенком, сначала преподносил своим пенатам (богам своей семьи) золотой шар, который носил на шее, потом поднимался на Капитолий и приносил жертву Юпитеру. После этого он снимал детскую тогу-претексту (с пурпурной каймой) и облачался в белую тогу взрослых. Клавдия же без всякой торжественности привезли на Капитолий ночью, в носилках, и он спустился с холма никем не замеченный, как и поднялся на него. Впоследствии ему разрешили несколько официальных выходов, тщательно позаботившись о том, чтобы *decorum* не пострадал. Например, в 6 году н. э., вскоре после облачения в мужскую тогу, он смог устроить вместе с Германиком бои гладиаторов в память о их отце при условии, однако, что будет сидеть на распорядительском месте, покрыв голову капюшоном! Клавдию также разрешили устроить угощение для салийских жрецов, к которым он принадлежал, но только в сопровождении своего шурина Сильвана, который должен был помешать ему совершить обычные для него оплошности. Зато о том, чтобы присутствовать на играх в ложе Августа, не могло быть и речи: он привлек бы к себе лишнее внимание, оскорбительное для достоинства императора. Публичная жизнь юного Клавдия ограничивалась, таким образом, редкими появлениями в обществе под надежной опекой родственников или друзей. У него не было никакой официальной должности, кроме принадлежности к нескольким коллегиям жрецов. Надо уточнить, что любой мужчина его ранга, даже полное ничтожество, непременно становился жрецом хотя бы раз в жизни.

Его детство явно не было счастливым. Презираемый и нелюбимый близкими, кроме, возможно, Августа, Клавдий, вероятно, чувствовал себя отверженным с самых ранних лет. Тем более что его, надо полагать, постоянно сравнивали со старшим братом Германиком, которого боги наградили всеми качествами, отсутствовавшими у Клавдия: атлетическим телосложением, неотразимым обаянием, общительностью, красноречием, а также добротой, которой, возможно, младший брат также не был лишен, однако его неприятная наружность мешала ее признать. Позднее он будет со злобой вспоминать о педагоге, которого ему выбрали. Это был варвар, некогда погонявший вьючных животных, которому велели пороть мальчика за малейшую оплошность. В то время педагог был учителем, дававшим начальные знания, но куда более суровым… Поэт Гораций тоже вспоминает о своем педагоге Орбилии, вбивавшем знания палкой; позднее Ювенал расскажет, как его били ферулой по рукам, а Марциал — о ременной плети, которой была выдублена его кожа. Так что

Клавдий стал не первым и не последним битым учеником: в Древнем мире телесные наказания были частью образования что в Риме, что в иных местах. Вплоть до недавнего времени они еще применялись и во французской начальной школе. (Вероятно, я не единственный представитель своего поколения, которого драли за уши, шлепали по попе и били линейкой по пальцам, что не мешает мне сохранять о моих учителях прекрасные воспоминания с долей уважения.) Не следует удивляться и тому, что педагог был варваром и бывшим погонщиком мулов. Все эти люди были низкого происхождения, в лучшем случае вольноотпущенниками, но обладали необходимым уровнем образования, чтобы сделаться наставниками. Тем не менее этот, несомненно, был особенно грубым. Его прежнее ремесло, на котором делает акцент Клавдий, позволяет предположить, что обращение со скотом не сделало его добрее. К тому же методы этого человека совершенно не подходили для больного ребенка и не способствовали улучшению его состояния.

Легко себе представить детство без отца, без материнской нежности и с тяжелым на руку «дядькой». Клавдий рос, не зная любви и сострадания. Довольно показателен один случай: став императором, Клавдий предложит сенату кандидата в квесторы, объяснив, что отец последнего в свое время поднес ему холодной воды, когда он лежат больной и хотел пить.

Светоний видит в этом пример необдуманности поступков Клавдия; и в самом деле, он мог как-нибудь иначе мотивировать свое предложение. Но можно ли объяснить лишь легкомыслием, что сын получил такую награду за стакан воды, поданный отцом? Клавдий мог позвать слугу, если хотел пить. Каким бы суровым ни было его воспитание, его никогда не лишали помощи во время болезни. Однако так получилось, что в тот день ему дал напиться не раб, а, возможно, друг семьи, пришедший в гости. И Клавдий навсегда остался ему благодарен. Не столько, думается, за саму воду, сколько за то, *как* именно ему ее поднесли. Возможно, с ласковым словом, улыбкой, поглаживанием по щеке — одним из тех знаков внимания, которые оказывают детям и которых маленький Тиберий был лишен. Это заслуживает должности квестора, пусть и не напрямую…

Семья, хотя и не щедрая на любовь, позаботилась об образовании Клавдия, который, кстати, оказался способным учеником. Болезнь мешала только его красноречию. Это было досадно, поскольку в Древнем мире риторика была главным из искусств, чем и объясняется внимание Августа к успехам мальчика в этой области. Зато его способности оказались не только нормальными, но даже выше средних. Как все молодые

люди своего социального слоя, он изучал так называемые вольные науки, то есть литературу, философию, право, математику, музыку. Эти предметы преподавали на латыни и греческом: не надо забывать, что Империя в большей степени была греко-римской, чем римской, испытывая сильнейшее влияние греческой культуры. Высшие классы римского общества уже давно говорили на двух языках и воспитывались на греческой науке. Клавдий быстро с этим освоился и полюбил греческий язык. Он бегло говорил на нем и считал родным, как и латынь. Умом и сердцем он чувствовал себя в той же степени греком, что и римлянином. Уже став императором, он даже позволял себе в сенате беседовать с греческими послами на их языке вопреки обычаю, запрещавшему обращаться к ним во время официальных встреч иначе, чем на латыни. (Тиберий, например, использовал латынь везде, где только возможно, что в сенате, что в документах.)

Кстати, свои многочисленные труды по истории Клавдий написал именно на греческом. История была его страстью, и надо сказать, что праздность, на которую его обрекли, предоставляла ему необходимое время для занятий этой наукой, позволив стать эрудитом. Его труды, к несчастью, утрачены, но то, что нам известно о его плодовитости, может вызвать зависть у многих авторов. Судите сами: 20 томов по истории этрусков, восемь — по истории Карфагена, 43 — по римской истории, на сей раз на латыни. Заниматься историей Рима его побуждал великий историк Тит Ливий. Изначально Клавдий намеревался осветить период от убийства Цезаря до конца принципата Августа. Сегодня мы назвали бы это Новейшей историей. Но мать и сестра отговорили его от изучения второго триумвирата. Со времен сражения при Акциуме на эту тему было наложено табу, поскольку она была щекотливой для основателя принципата. Август хотел предстать человеком, примирившим римлян, положив конец гражданским войнам. Тот факт, что он сам участвовал в них, пусть даже чтобы достичь мира, противоречил этой лубочной картинке. Официальная история должна была затушевать второй триумвират с его проскрипциями и победоносными сражениями с республиканцами. Она начиналась с Акциума, да и это событие еще надо было представить подходящим образом, то есть извратить его суть, выставив международной войной против Египта. На самом деле это был последний гражданский конфликт, в котором столкнулись уже не сторонники Цезаря и поборники Республики, а сторонники Цезаря между собой: в финал долгого кровавого состязания вышли Октавиан и Антоний. Это была тотальная война между

Западом и Востоком, поскольку каждый из двух титанов увлекал за собой часть Империи, вверенной его руководству. Но это событие было еще слишком недавним, чтобы историки опровергали официальную версию об Акциуме как начале римского возрождения. То, что хотела слышать власть, великолепно воспел Вергилий в «Энеиде», показав Октавиана во главе римского народа, сопровождаемого сенатом и оберегаемого римскими богами, в противопоставлении царице Египта и изменнику Антонию, вверивших себя зверобогам и возглавившим варваров со всего Востока. При таком подходе Антоний был лишь второстепенным персонажем, наемником на службе у врага, предателем, которого надо уничтожить вместе с памятью о нем. Кстати говоря, процедура *damnatio memoriae* (проклятие памяти) как раз и заключалась в истреблении даже следов покойного в коллективной памяти: его имя вычеркивали из официальных списков, его статуи разбивали, его потомкам запрещали носить его имя. Конечно, это символично, но в политическом плане этот человек надолго становился персоной нон грата. А Антоний подвергся этой посмертной каре всего 30 лет назад.

Таким образом, ни период триумвирата, ни личность Антония не были, как мы сказали бы сегодня, «политкорректными» темами. Историческая наука была обязана или быть «политкорректной», или молчать. Антония и Ливилла оказались правы, внушив Клавдию, что ему будет невозможно говорить на эти темы «искренне и свободно». Это было вдвойне запрещено члену императорской семьи, особенно такому, кто, как Клавдий, происходил от Антония… Его труд, однако, имел явный успех, поскольку нам известно от Светония, что его еще читали во II веке.

История была не единственным увлечением Клавдия. Он опубликовал также апологию Цицерона и заинтересовался лингвистикой. Он написал небольшой труд на эту тему, рекомендуя ввести в латинский алфавит три новые буквы: *F* для согласного *v* (который обычно писался одинаково с гласным *u*); *E* для греческого υ и для латинского звука, среднего между *i* и *u* (*optimus — optumus*); *C* для сочетаний *ps, bs*. Став императором, Клавдий будет использовать их в официальных документах и надписях на памятниках, но эти буквы его не переживут. Наконец, он напишет автобиографию в восьми томах — элегантную по стилю, но не особенно интересную, по мнению Светония.

Надо полагать, что собственный недуг побудил Клавдия проявить интерес к медицине. В отличие от своего дяди Тиберия, который ей не доверял и утверждал, будто знает сам, что требуется для его здоровья, Клавдий посещал врачей и обладал

познаниями о их искусстве. Став императором, он будет рекламировать новые снадобья, казавшиеся ему эффективными: например, издаст эдикт о пользе тисового сока при змеином укусе.

Как и Клавдий, Агриппа Постум не получил ни одной из малых должностей, которые Август доверял своим юным родственникам, приобщая их к делам. Этот юноша явно отставал в развитии и больше всего любил ловить рыбу, из-за чего заслужил прозвище Нептун. Но в отличие от Клавдия, который компенсировал неучастие в публичной жизни учебой, Агриппа Постум не удовлетворялся занятиями спортом и своей репутацией безмозглого атлета. И когда в 7 году ему предпочли Германика, чтобы сопровождать Тиберия в походе против иллирийцев, он шумно выплеснул свою обиду на императорскую чету. Наказание последовало сразу: Постума лишили всего имущества и выслали в Сорренто. Потом его переведут в более надежное место — на островок Пианозу между Корсикой и Италией. По официальной версии, он стал бесноватым.

На самом деле молодой человек стал неудобен, даже опасен. Напомним, что план престолонаследия 4 года не указывал прямо, падет ли выбор на Постума или Германика после временного правления Тиберия. Из-за этой неопределенности возникли две фракции. Одна, которую можно назвать «легитимистами», выступала за потомка Августа, то есть за Постума. Другая стояла за Клавдиев, то есть за Тиберия и Германика. Теперь, когда Август сделал свой выбор, Постум оказался лишним, тем более что он не хотел смириться. Несколько месяцев спустя сестра Постума Юлия Младшая отправилась в изгнание в наказание за безнравственность (по официальной версии). Но есть все основания предположить, что Юлия и ее муж, также подвергшийся изгнанию, заплатили таким образом за свою «легитимистскую» деятельность, хотя нам и неизвестно, в чем она выражалась. Государственные интересы заставляли хранить молчание об этом деле, чтобы режим не рухнул, ведь приближался критический момент смены власти. У Юлии Младшей была дочь — Эмилия Лепида, помолвленная с Клавдием. Опала матери побудила его разорвать помолвку и жениться на Ливии Медуллине Камилле, дочери приближенного Тиберия. Это произошло в 9 или 10 году, но молодая женщина умерла в самый день свадьбы.

Постума казнят в самом начале правления Тиберия, хотя в точности неизвестно, кто отдал приказ: Тиберий или Август, незадолго до кончины. Отстранение, а потом и смерть

родственника ничем не улучшили положение Клавдия. Несмотря на свои умственные способности и, как мы увидим, удачное царствование, он останется мишенью для насмешек, зачастую из-за недоброжелательного отношения со стороны древних авторов, начиная с Сенеки, который выставит его на посмешище в памфлете «Отыквление божественного Клавдия». Предлогом для сатиры послужил апофеоз (обожествление) Клавдия по решению сената. В ней Клавдий после своей смерти предстает перед богами, чтобы занять место среди них, но его с позором прогоняют с Олимпа в преисподнюю, где ему оказывают не лучший прием. У Сенеки, конечно, были причины злиться на Клавдия, и мы к этому еще вернемся. Как бы то ни было, но создается впечатление, что историография сверх всякой меры обращает внимание на странное порой поведение и недостатки нашего героя в ущерб его успехам и достоинствам. Сочинения историков Светония, Тацита и Диона Кассия пестрят таким словами, как «слабый умом и телом», «тупоумие», «глупость», «рассеянность». Обобщает их все слово *imbecillitas* (имбецильность), означающее как умственную, так и физическую «слабость». И поскольку в коллективной памяти чаще застревают стереотипы, а не оригинальные явления, образ «имбецила» остался жить в веках.

Хотя у Клавдия не было будущего, он все же оставался завидной партией в династическом плане. Чтобы четко представлять себе, о чем речь, напомним, что *Domus Augusta,* то есть семья императора, была порождением многочисленных союзов между Юлиями и Клавдиями. В основе этой сети лежал союз Октавиана, внучатого племянника и приемного сына Юлия Цезаря, с Ливией из рода Клавдиев. Однако этот брак остался бесплодным, и Август обеспечил себе потомков двумя путями: по прямой линии — благодаря своей дочери Юлии от первого брака, и по боковой — благодаря своей сестре Октавии, родившей двух дочерей от Марка Антония: Антонию Старшую и Антонию Младшую. Последняя, как мы помним, была матерью Клавдия. Таким образом, драгоценная кровь Юлиев передавалась только через женщин. Разумеется, две эти ветви быстро вступили в соперничество, достигшее своего пароксизма в конфликте между чистокровной «Юлией» Агриппиной и чистокровным «Клавдием» Тиберием. Римская общественность, конечно, склонялась в пользу прямой линии. Попросту говоря, юлио-клавдий из боковой ветви всегда будет в большей степени Клавдием, чем Юлием. Его смогут полюбить, только если он женится на женщине из родственной семьи: так произошло с Германиком, который своей

невероятной популярностью был обязан авторитету своего отца Друза I, но также, и даже в большей мере, своему плодовитому браку с Агриппиной, внучкой Августа. Отсюда необходимость как можно чаще соединять мужчин из боковой линии с женщинами из прямой, чтобы увеличить число прямых наследников.

Именно так и поступил Август в 4 году, обручив Клавдия с Эмилией Лепидой, своей правнучкой. Император вступал тогда в последнее десятилетие своего правления и хотел, чтобы от этого союза родились дети, объединяющие ветви Юлиев и Клавдиев. Не играя политической роли, Клавдий мог хотя бы плодить возможных наследников. Опала Юлии Младшей, матери Эмилии, вынудила Клавдия разорвать помолвку, потому что союз с дочерью заговорщиков был бы неудобен. За исключением Агриппины, все прямые наследницы Августа по крови попали в немилость, так что принцепсу пришлось изменить свою матримониальную стратегию и искать союзов с древними аристократическими родами. Около 9 года Клавдия женили на Ливии Медуллине — дальней родственнице, связанной с Ливией и Клавдиями. Увы, она умерла в самый день свадьбы, так что Августу пришлось искать юноше новую супругу, которой стала Плавтия Ургуланилла. Новая избранница тоже принадлежала к семье, в которой у Ливии имелись близкие друзья. Она родит мужу двоих детей: Друза и Клавдию.

Какие выводы извлечь из этих матримониальных приключений? Клавдия преследовало невезение. Он мог бы основать новую прямую линию Юлиев — Клавдиев, но из-за отсутствия политически благонадежных Юлиев был вынужден довольствоваться тем, что соединил династию со знатными семьями, к союзу с которыми стремился *Domus Augusta.* Таким образом, его роль ограничилась ветвью Клавдиев: оба его брака в большей степени послужили устремлениям Ливии, чем Августа, который возлагал надежды исключительно на Агриппину. Следовательно, и в династическом плане он играл вторую скрипку. Ни кончина Марцелла, ни смерть Луция и Гая, ни опала Постума не пошли ему на пользу. Отныне продлить древо Юлиев должен был только его брат Германик, а не он.

Решительно, ему было уготовано остаться никем.

II. Пурпур и кровь

Незадолго до смерти Августа (19 августа 14 года) Клавдию исполнилось 24 года. Он не получил никакой должности и не принадлежал к сенаторскому сословию. Являясь отпрыском императора, он был всего лишь всадником, то есть членом второго по значению сословия. Однако равные по рангу признавали его как самого выдающегося среди них и при случае просили выступить от их имени. Например, именно через него всадники испросили у консулов честь нести на своих плечах тело Августа. Эта классовая деградация четко выразилась и в плане наследования. Август в своем завещании поместил Клавдия среди наследников третьей очереди, поэтому тот не получил ничего: иначе потребовалось бы, чтобы наследники, указанные перед ним, отказались от своей доли. Официально место Клавдия в этом списке имело гражданские последствия только в плане распределения имущества императора, но на самом деле оно обладало ясным политическим значением. Система принципата не предусматривала четких институционных правил передачи власти. Мы видели, как Августу удалось внедрить эмпирический метод «выдвижения» кандидата — через брак, усыновление и наделение трибунскими полномочиями. Раздел среди наследников его огромного состояния (Август был самым богатым человеком в Империи) составлял последний этап этого неофициального назначения, которое сенат теперь мог только узаконить. Кстати, порядок перечисления наследников в завещании в точности соответствует плану политического наследования. Тиберий, приемный сын Августа, который должен был править сразу после его смерти, — наследник первой очереди. Потом идет Германик, приемный сын Тиберия, и три его сына — наследники второй очереди. Клавдий — последний, наряду с прочими второстепенными персонажами.

Приход к власти дяди вернул ему надежду вырваться из изоляции. Он отправился к Тиберию — просить о позволении претендовать на магистратуру. Но тот предоставил ему лишь консульские украшения. Это отличие традиционно предоставлялось царям-клиентам, которых Рим хотел вознаградить за верную беспорочную службу. Но при принципате его даровали также заслуженным всадникам, которым социальный статус не позволял стать консулами. За редким исключением всадники не получали высших должностей. *Ornementa consularia* были своего рода утешительным призом, позволявшим носить латиклаву[6], сидеть рядом с высшими

людьми государства во время игр и пировать вместе с бывшими консулами. Вряд ли это сильно обрадовало Клавдия. Тиберий ясно дал понять, что Клавдий никогда не сможет сделать какую бы то ни было политическую карьеру. Он не только останется во всадническом сословии, но и не должен даже надеяться стать одним из тех редких всадников, которые, как Цицерон, достигли высших почестей.

Однако Клавдий возобновил свое требование некоторое время спустя. На сей раз Тиберий выразил отказ в резкой форме, сообщив письмом, что пришлет ему 40 золотых монет на празднование сатурналий и сигилларий[7]! Было более чем понятно, что новый принцепс не намерен изменить статус своего племянника. Однако тот еще мог надеяться, что опала или кончина какого-либо члена его семьи позволит ему улучшить свои позиции. И вот как раз смерть Германика, его старшего брата, случившаяся в 19 году, спутала порядок наследования. Кандидат в преемники скончался в Сирии, куда Тиберий послал его, чтобы уладить различные проблемы на Востоке. Клавдию представился редкий случай появиться на публике, когда он отправился в Террачину встречать прах покойного вместе с Друзом II и делегациями от сословий. Затем были громкий судебный процесс и самоубийство Пизона, помощника Германика на Востоке, которого обвинили в отравлении. По завершении этого дела сенат принял постановление, в котором благодарил Тиберия, Ливию, Друза II, Антонию и Агриппину за то, что они позволили отомстить за Германика. О Клавдии собрание забыло. Однако нашелся один сенатор, который спросил, намеренно ли было сделано это упущение, и лишь тогда добавили и его имя.

После гибели Германика Тиберий пересмотрел план наследования по методу, опробованному его предшественником. Уже в 20 году Нерон, старший из сыновей Германика, которому тогда было 14 лет, получил позволение претендовать на должность квестора на пять лет раньше установленного срока, а в 23-м той же милости был удостоен второй сын — Друз III. Младший, Калигула, был еще слишком мал и не входил в новые расчеты. Сделав «кандидатами» мальчиков Германика, Тиберий одновременно предоставил возможность своему сыну Друзу II на время встать у руля: в 21 году молодой человек был консулом наряду с отцом, на следующий год он получил трибунские полномочия. Для сплочения династии Нерона женили на Юлии III, дочери Друза II. Принципы Августа были сохранены. Тиберий должен был править до воцарения Германика, но Германик умер, а Тиберию было 60 лет, поэтому Друзу II предстояло в случае необходимости сменить своего отца, чтобы

затем передать власть одному из сыновей Германика.

Клавдию опять не нашлось места. Однако сенат (по меньшей мере кое-какие сенаторы) порой пытался извлечь его из политического забвения. Так, высокое собрание предложило, чтобы Клавдий мог выступать среди консулариев. В сенате существовала иерархия, основанная на значительности карьеры. Бывшие консулы (консуларии) стояли выше бывших преторов, бывших курульных эдилов, бывших квесторов и бывших трибунов, а в этих группах индивидуальный рейтинг определялся количеством магистратур и возрастом. Таким образом, постановление сената было необычным: оно не только позволило бы Клавдию заседать в сенате, ни разу не побывав магистратом, но и предоставило бы ему место среди важнейших сенаторов, наделенных самой большой *auctoritas*. Это значило, ни много ни мало, оспорить скромные «консульские украшения» и обойти императорский запрет на политическую карьеру.

Тиберий отказал в этом повышении под предлогом *imbecillitas* своего племянника, но думается, что его отказ был продиктован иными причинами. Предложение сената нельзя назвать невинным: неизвестно, когда оно было сделано, однако наверняка его целью было создать конкурента Друзу II. Несмотря на великие достоинства Тиберия, его не любили: народ считал, что именно он стоит за (вероятно, мнимым) убийством Германика, а сенаторское сословие в целом было ему враждебно. Этот неприглядный образ бросал тень и на его потомство, начиная с Друза II. А главное — большая часть аристократии разделяла опасения плебса по поводу того, что Тиберий навяжет им своих потомков в ущерб детям покойного Германика. В самом деле, Друз II был отцом двоих близнецов, в которых общественность сразу углядела соперников Нерона и Друза III, тем более что они родились в 19 году — том самом, когда умер Германик. Тиберий понял игру сената и воспротивился ей. Не для того, чтобы продвинуть свое потомство, а потому, что в его представлении молодой и здоровый Друз II стал бы лучшим «регентом», чем Клавдий. С этой точки зрения возвышение последнего стало бы лишь источником будущих конфликтов. Клавдий должен оставаться в тени.

Он там и оставался, когда Друз II умер в 23 году. Восемью годами позже стало известно, что его отравила жена Ливилла (сестра Клавдия) по наущению префекта преторианской гвардии Сеяна, который был ее любовником. Сеян, пользовавшийся полнейшим доверием Тиберия, обладал значительной властью, благодаря которой фактически являлся вторым человеком в государстве. Но он был простым всадником и не имел никаких

шансов наследовать своему другу. Единственным способом удержаться после смерти последнего было, во-первых, устранить будущее «регентство» Друза II, с которым, кстати, он был в плохих отношениях, а во-вторых, способствовать воцарению одного из близнецов. Так, он сговорился с Ливиллой, которая знала, что муж не поддержит ее интриги в пользу их детей. Друз II и в самом деле всегда испытывал искреннюю дружбу к Германику и ни разу не проявил ни малейшего неудовольствия при мысли о том, чтобы уступить власть ему или его детям.

Со смерти Друза II и до 30 года усилилось соперничество между Агриппиной и ее старшими сыновьями, с одной стороны, и потомством Друза II, связанным с Сеяном, — с другой. Префект ловко интриговал против сыновей Германика, чтобы отстранить их от престолонаследия. Надо сказать, что поведение их матери Агриппины облегчало ему задачу. Эта женщина безупречных нравов, но неуступчивого характера ненавидела Тиберия, которого считала (или притворялась, что считает) виновным в смерти ее мужа. На самом деле она из-за гордыни не могла смириться с тем, что Германик, пусть и ненадолго, уступил власть Тиберию, которого она теперь подозревала в желании устранить ее сыновей. Не будем пересказывать здесь всех этих интриг, но Сеян так ловко подливал масла в огонь, что добился окончательного разрыва между императором и Агриппиной, а главное — между императором и старшими сыновьями Германика — Друзом III и Нероном, которые, со своей стороны, завидовали друг другу до ненависти. Только Калигула — самый юный, но и наименее податливый — еще ускользал от тлетворного влияния зловещего префекта. Всё это плохо кончилось. В 29 году обоих мальчиков и их мать судили. Агриппина и Нерон умрут в изгнании при неясных обстоятельствах в 33 году, а Друз III погибнет от голода в тюрьме на Палатинском холме (он пытался выжить, поедая набивку своего тюфяка).

В этой смертельной борьбе Клавдий никак не смог заступиться за своих племянников. Наоборот, два происшествия подтверждают, что он, хотя и без большой охоты, сыграл на руку Сеяну. В 20 году Друза, сына Клавдия от Плавтии Ургуланиллы, сосватали дочери префекта, еще не достигшей брачного возраста. Одержимый желанием породниться с императорской семьей, Сеян добился согласия Тиберия на этот союз, который усиливал партию Клавдиев, «серым кардиналом» которой он являлся. Этот мастерский ход Сеяна свела на нет обыкновенная груша: вскоре после помолвки сын Клавдия умер по нелепой случайности, подавившись этим фруктом, кусочки которого для забавы

подбрасывал вверх и ловил ртом. Ничуть не обескураженный, префект ухватился за развод Клавдия, чтобы снова привлечь его в свой лагерь. Причины развода, произошедшего около 24 года, остаются неясными. По словам Светония, Ургуланилла была развратницей. Она спала со многими, в том числе с вольноотпущенником своего мужа, неким Ботером, который мог быть настоящим отцом маленькой Клавдии. Во всяком случае, Клавдий был настолько не уверен в своем отцовстве, что не признал этого ребенка. Кроме того, и это гораздо серьезнее, Ургуланиллу подозревали в убийстве. Очевидно, что развод в большей степени был связан не с распутством, а с этим убийством, о котором Светоний, к сожалению, не распространяется. Возможно, Ургуланиллу сочли сообщницей ее брата Плавтия Сильвана, который выбросил свою супругу в окно (об этом убийстве рассказывает Тацит). Как бы то ни было, Клавдий в скором времени женился на Элии Петине, семья которой состояла в родстве с семьей Сеяна. Этот союз, конечно же, не мог быть заключен без согласия императора, который таким образом упрочил позиции своего префекта.

Однако в октябре 31 года пал и Сеян. Тиберий в конце концов разгадал его игру, просвещенный Антонией — матерью Германика, которая предупредила его письмом. Вероятно, друзья Калигулы тоже помогли уговорить императора избавиться от префекта и таким образом привести к власти своего протеже. С некоторых пор молодой человек, чтобы Сеян не мог до него дотянуться, был призван на Капри, где Тиберий жил уже несколько лет. Теперь сторонники Германика возлагали свои надежды только на Калигулу. Клавдий не играл никакой роли в этих дворцовых делах, да ему и не предназначали никакой роли, несмотря на гибель обоих племянников и сына Тиберия. Его заметили только в момент развязки, когда он принес консулам поздравления от всаднического сословия по поводу устранения Сеяна.

Праздный помимо воли, Клавдий продолжал заниматься своими историческими трудами, но не только ими. Его болезнь не мешала ему предаваться, причем чрезмерно, и менее интеллектуальным удовольствиям. Страстный игрок, он разработал свой метод игры в кости и даже велел установить в своих носилках «походную доску», которая сохраняла ровное положение, несмотря на тряску. Когда он не играл, то предавался наслаждениям от пищи и женщин: ел и пил за десятерых (ему даже вызывали рвоту, щекоча горло перышком) и считался большим бабником. Надо полагать, Клавдий с возросшим пылом предался этому последнему виду деятельности, как только вновь

стал холостяком, прогнав Элию Петину за небольшую провинность, как говорит Светоний, иными словами — вины не было вовсе. По правде говоря, причина наверняка в том, что устранение Сеяна потребовало разрыва всех связей между Клавдием и партией префекта. Петина стала попросту лишней для принца крови. Она все же успела подарить Дому Августа дочь. Ее звали Антонией, и впоследствии она станет одной из жертв Нерона.

16 марта 37 года Тиберий скончался, не указав нового преемника. На императорский пурпур могли претендовать двое молодых людей: Калигула и Тиберий Гемелл («Гемелл» означает «близнец»), один из сыновей Друза II (второй близнец умер вслед за отцом). Но никто из них не получил ни одного из тех знаков, какими император изъявлял свою волю в отношении наследника. Оставалось завещание, которое еще не вскрыли и содержание которого было мало кому известно. Вскоре все узнают, что оба молодых человека получали равные права. Тиберий не сделал выбора. Победил Калигула — благодаря новому префекту преторианцев, своему другу Макрону, который велел преторианской гвардии восславить его еще до собрания сената.

Приход к власти племянника позволил Клавдию выйти наконец из тени. В самом деле, политическое положение Калигулы имело несколько слабых мест. Во-первых, он не был «кандидатом», во-вторых, ему было 24 года, его опыт ограничивался всего-навсего годом в должности квестора с гражданской компетенцией, он даже не прошел *tirocinium,* то есть обучения военному делу, благодаря чему аристократы и всадники получали чины. В конечном счете основой превосходства Калигулы была огромная популярность его отца Германика и прадеда Августа. Именно принадлежность к знаменитому семейству придавала ему де-факто законность и преимущество над Гемеллом. А потому, облачившись в пурпур, он тотчас почувствовал необходимость в определенных символах, чтобы свести всю династию Юлиев — Клавдиев к своей семье.

Для начала требовалось реабилитировать мать и двух братьев: сразу после похорон Тиберия Калигула самолично привез в Рим прах Агриппины и Нерона, скончавшихся в изгнании, не позабыв вознести публичные молитвы в память о Друзе III, останков которого, вероятно, так и не нашли. Затем он приказал, чтобы в их память регулярно устраивались различные почетные мероприятия, а сентябрь отныне назывался бы Германиком. Таким образом, его отец помещался в календаре сразу после Юлия Цезаря (июль) и Октавиана Августа (август).

Так людям напоминали, что если бы не преждевременная кончина, империя досталась бы Германику. Калигула, так сказать, возвращал истории ее естественный ход, временно нарушенный смертью Германика. В Древнем мире монеты были удобным способом пропаганды, поскольку, легкие и незаменимые, проходили через руки всех подряд. Новый принцепс тотчас воспользовался этим, чтобы распространить свое представление о династии посредством разных типов монет, на лицевой части которых было выбито его собственное изображение, а на оборотной — одного из его родственников.

Подумав о мертвых, он обратился к живым, начиная с бабки Антонии, которой были предоставлены такие же почести, как Ливии, включая титул Августы. Три его сестры — Агриппина II, Юлия Ливилла и Юлия Друзилла — получили привилегии весталок, жриц богини Весты, которые поддерживали «священный огонь» — символ вечности Рима, а кроме того, их имена отныне прибавлялись ко всякой клятве, приносимой императору. Наконец, семейную картину довершал дядя Клавдий. В июле 37 года Калигула разделял с ним консульство[8]. Исполнять вместе с принцепсом важнейшую должность в республике было величайшей честью. Таким образом, император смыл пятно унижения, которое через дядю ложилось на всю семью. Клавдий покинул сословие всадников и перешел в сенаторское сословие, но ему было 46 лет, и несмотря на недавнее повышение, он выглядел человеком из прошлого. Все знали, что дядя императора не обладает влиянием, ведь он подавал голос после всех прочих консулариев. Высшее общество по-прежнему относилось к нему как к второстепенному персонажу, над которым можно безнаказанно насмехаться. Если он опаздывал на пир, никто не оставлял ему место, а когда он, по своему обыкновению, засыпал там, пирующие для забавы бросали в него косточки от маслин или внезапно будили ударами хлыста, предварительно надев ему на руки его же сандалии! Сам Калигула потешался над ним, а однажды даже пригрозил лишить его должности консула, потому что тот недостаточно быстро, на его взгляд, распорядился поставить статуи Нерона и Друза III.

При этом Клавдию не хватало денег на поддержание своего ранга, что только усиливало его репутацию неудачника. Август и Тиберий завещали ему в совокупности только миллион сестерциев, а завещание его бабки Ливии, скончавшейся в 29 году, исполнили лишь тогда, когда он пришел к власти. Что касается доли наследства его матери Антонии, умершей в 37 году, неизвестно, когда он ее получил, но, вероятно, тоже довольно поздно. Точно одно: когда Клавдий был вынужден

вступить в новую коллегию жрецов, созданную Калигулой, ему пришлось залезть в долги, чтобы уплатить вступительный взнос в восемь миллионов сестерциев. Он заложил свое имущество в казну, и когда не смог выплатить долг, имущество было распродано с торгов. Возможно, именно из-за своего хронического безденежья он и разрешил однажды съемщикам его поместий противозаконно продавать вареную пищу. Эдил наказал их и велел высечь вступившегося за них старосту. Клавдий не позабудет об этом усердии магистрата: став императором, он отправит его в ссылку, не слушая оправданий.

И все же такое жалкое положение было лучше, чем то, в котором Клавдий находился до сих пор. Его брак с Мессалиной, заключенный в 38 или 39 году, — лучшее тому доказательство. Разобраться в генеалогии бывает нелегко, но только так можно понять суть соперничества. Так вот: эту молодую женщину выбрали потому, что она была чистым порождением Дома Августа. А точнее — дважды правнучкой Октавии, сестры Августа: через своего отца Мессалу Барбата, который был сыном Марцеллы Младшей, дочери Октавии от первого брака с отпрыском рода Клавдиев, и через свою мать Домицию Лепиду, дочь Антонии Старшей от второго брака Октавии с Антонием. Поскольку матерью Клавдия была Антония Младшая, он состоял в родстве со своей третьей женой. Между ними была разница в поколение: Мессалина родилась около 25 года, и к моменту свадьбы ей было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Этот союз явно усиливал династические позиции супруга, который должен был присоединить новую ветвь к императорскому родословному древу. Кстати, он сразу принялся за дело, поскольку уже в конце 39-го или начале 40 года родился первый ребенок — Октавия. 12 февраля 41 года родится мальчик — через несколько дней после прихода к власти его отца. Это будет Тиберий Клавдий Цезарь Германик, известный под прозвищем Британник.

Отношения между Калигулой и его семьей быстро испортились. Несмотря на четыре брака, у императора будет только одна дочь, родившаяся в конце 39-го или начале 40 года, что ставило под сомнение престолонаследие и внушало кое-кому нехорошие мысли. В частности, сестры Калигулы Агриппина II и Юлия Ливилла втайне питали надежды в отношении собственного потомства — нынешнего или будущего, а потому не слишком желали стать тетками наследника мужского пола. Одна из них, Агриппина II, как раз родила мальчика, ради которого она потратит немало сил и совершит несколько преступлений, чтобы

сделать его императором. В день очищения, когда новорожденные получали имя, Агриппина попросила Калигулу выбрать имя для ее сына. Тот, подозревая о планах сестры в отношении младенца, ответил, указав на Клавдия: «Даю его имя!» Этой выходкой вполне в своем духе Калигула дал понять Агриппине, что ей не стоит рассчитывать на императорскую будущность своего дитя, как и Клавдию. Он дважды ошибся. Клавдий станет императором, а сын Агриппины — его преемником. Мальчик, в конечном итоге названный Луцием Домицием Агенобарбом, войдет в историю под именем Нерон.

Зато Калигула раскусил замыслы Агриппины II и Юлии Ливиллы. Их сестра Юлия Друзилла, которая недавно скончалась, была замужем за Лепидом, который считался преемником с тех пор, как принцепс предоставил ему право претендовать на должности с десятилетним опережением срока. Овдовев, молодой человек превратился в идеальную партию для двух амбициозных женщин, которые охотно стали бы императрицами. Сложился заговор с участием трех этих особ и с соучастием Гетулика, который командовал мощными легионами на Рейне. Но в 39 году Калигула ловко захватил полководца-изменника в Галлии, лишив заговорщиков военной опоры. Гетулика и Лепида немедленно казнили, а обеих сестер обрекли на изгнание.

В Галлию, с поздравлениями Калигуле, сенат отправил Клавдия. Император совсем не ладил с собранием, в котором было много его врагов. Поэтому он очень нелюбезно принял делегацию, в том числе и бедного Клавдия. Рассказывают даже, что император велел бросить его в воду прямо в одежде. Наверное, это всего лишь выдумки, но гнев Калигулы был настоящим. В конце концов, у него имелись причины не доверять сенату и в особенности друзьям своих сестер. Возможно также, что Клавдий попытался заступиться за обеих женщин, что только распалило императора. Верно одно: Клавдий не был замешан в заговоре и его не тронули.

Тем не менее невыносимая атмосфера, сложившаяся во время краткого правления Калигулы, ставила Клавдия в опасное положение. Один лишь факт, что он был «принцем крови», превращал его в потенциального соперника, даже если его предполагаемая беспомощность ограждала его от смертельных подозрений племянника. Придя к власти, Клавдий в нескольких речах объяснит, что в правление Калигулы намеренно прикидывался дурачком, чтобы избежать смерти. По словам Светония, ему никто не поверил, — милый способ дать понять, что он и вправду был идиотом. Но это замечание следует рассматривать в контексте историографии, недоброжелательной

по отношению к Клавдию. На самом деле есть все основания предположить, что этот человек сыграл на своем образе имбецила, просто чтобы избежать репрессий, начавшихся после заговоров против Калигулы. А этих заговоров было как минимум три, и лишь последний удался. А когда знаешь о суровых карах, последовавших после второго покушения, вполне можно понять, что Клавдию было предпочтительнее слыть дурачком, чем заговорщиком.

Отныне отношения между Калигулой и сенаторским сословием состояли только из ненависти и страха. Император ненавидел аристократию, которая не воспринимала его политические концепции. Если передать в нескольких словах суть конфликта, то Калигула намеревался избавиться от фикции, на которой Август построил принципат. Плевать он хотел на форму, которую свято соблюдали его предшественники, чтобы замаскировать реальность монархического правления. Компромисс Августа был основан на фикции восстановленной республики и ее сохраненных институтов, в особенности ее краеугольного камня — аристократического сената. С этой точки зрения, напомним, принцепс представал магистратом нового типа, но не тем, кем был на самом деле, — монархом. Однако Калигула под воздействием восточных представлений о власти в большей степени видел себя басилевсом, обладателем божественной сути. Было бы крайним упрощением увидеть в этом лишь мегаломанический бред хотя бы потому, что со времен Августа императора и так воспринимали и почитали как божество на Востоке и в особенности в Египте. На Западе, конечно, эти теории не приняли, но они уже начинали воздействовать на умы — во всяком случае, достаточно серьезно, чтобы Август и Тиберий неоднократно высказывались против них, в частности запретив свой культ при жизни. Обуреваемый этими восточными фантазиями и подначиваемый слугами-египтянами, Калигула делал всё возможное, чтобы его повсюду воспринимали как бога. Во дворце он завел порядки, полностью противоречившие римским обычаям, требуя порой падать перед ним ниц и подставляя какому-нибудь сенатору ногу для поцелуя. Ему случалось также выпивать кубок с растворенной в нем жемчужиной на манер Клеопатры, купаться в золоте (в Египте этот металл считался пищей бессмертных). Еще одна многозначительная причуда: он часто облачался в атрибуты богов с Олимпа, например венец Аполлона или шлем и щит Марса… Короче, своим поведением, которое здесь описано лишь вкратце, Калигула явственно стремился уподобить особу императора

божеству, даже если это шло вразрез с римскими традициями.

Можно понять, что при таких амбициях аристократия, стоявшая на страже республиканской ортодоксальности или того, что от нее осталось, испытывала опасения и затевала заговоры. На карту было поставлено само выживание этой касты. Аристократия согласилась уступить главную роль принцепсу, но с условием сохранения внешней формы. И вот теперь ее лишали и этого. Сенат и так уже стал элементом декора, республиканской штукатуркой на здании монархии, но во что бы он превратился при царе-боге? В собрание почетных слуг наподобие «кормимых» при фараоне? Тем более что Калигула заявлял во всеуслышание, что хочет править для народа и всадников, а не для сенаторов, в которых видит только врагов. Это были не просто слова. Начиная с 38 года, соединяя шутовство с жестокостью, он выставлял сенат на посмешище и подвергал преследованиям. Однажды заставил почтенных членов собрания в тогах бежать рядом с его колесницей, в другой раз запер их в клетки, а некоторых вынуждал присутствовать при казни их сыновей. Это всего лишь несколько примеров из десятков других, и даже если предположить, что историки кое-что присочинили, ясно, что принцепс объявил сенату войну.

Она закончится 24 января 41 года убийством Калигулы. В заговор вступило неопределенное количество сенаторов, несколько императорских вольноотпущенников, оба префекта, командовавших преторианской гвардией, и три трибуна преторианцев, которые наносили удары. Возможно, к ним примкнули некоторые другие солдаты. Таким образом, военных было очень мало, и они принадлежали исключительно к преторианской когорте. Но именно потому, что они были дворцовой стражей, им удалось удалить всех из дворца, потому что император якобы желал побыть один.

После убийства началась неразбериха, причем в самом дворце, где оно было совершено. Прибежавшие телохранители императора пришли в ярость от того, что заговорщики их провели, и убили трех сенаторов — возможно, соучастников, — но также множество невиновных людей, оказавшихся во дворце случайно. Потом они ринулись в театр, в котором Калигула был перед убийством. Среди зрителей разнесся слух, что император только ранен и отправляется на форум, чтобы говорить с народом. Вопреки тому, на что надеялись заговорщики, народ открыто осуждал убийство, и, наверное, телохранители-германцы перерезали бы всех важных особ, занимавших предназначенные для них места, если бы центурионы их не уняли. Тем временем один из центурионов-заговорщиков убил Цезонию, супругу

Калигулы, а их дочери-младенцу Юлии размозжили голову о стену.

Преторианская гвардия, как и народ, вовсе не ненавидела Калигулу. Горстка центурионов, участвовавших в его убийстве, в конечном счете представляла только саму себя. Именно верность солдат династии Юлиев — Клавдиев спасла Клавдия и привела его к власти. В тот день дядя Калигулы вместе с остальными был выпровожден из его покоев и удалился в Гермесову комнату во дворце, которая, вероятно, называлась так из-за хранившихся в ней бюстов. При вести об убийстве он в страхе пополз на террасу и спрятался за занавесями у дверей. Над этим бесславным поступком много потешались, однако Клавдием двигал всего лишь инстинкт самосохранения. Преторианцы заполонили дворец и бегали повсюду, и кто мог знать, что на уме у человека, который попался бы ему навстречу: его мог убить и верный режиму солдат, приняв за заговорщика, и сами заговорщики. Представим же себе страх бедного Клавдия, когда солдат, заметивший его торчащие ноги, внезапно отдернул занавеси! Сравниться с ним могло только удивление, когда преторианец в ответ на его мольбы приветствовал его как императора! У этого солдата было очень подходящее имя — Грат, то есть «благодарственный». По счастью, он не участвовал в заговоре и думал, прежде чем пустить в ход свой меч. Убийство Калигулы встревожило его, как и подавляющее большинство его товарищей. Гвардия ничего бы не выиграла от переворота, который, возможно, имел целью свержение принципата. Сообразительный Грат ради его безопасности отвел Клавдия к своим товарищам. Преторианцы тотчас посадили его в носилки и, поскольку рабы трусливо сбежали, на своих плечах отнесли его в собственный лагерь сквозь исполненную жалости толпу, думавшую, что его несут на казнь.

Теперь в руках у преторианцев оказался брат Германика, которого обычай ставил впереди всех претендентов. Это был козырь, который они вскоре используют против сената. От того, каким образом будет разыграна эта карта, зависела судьба Клавдия. Со времени смерти Августа он пережил два царствования и 27 лет превратностей судьбы, среди которых самым жестоким было унижение.

Вечером 24 января 41 года он наконец-то встретится лицом к лицу со своей судьбой среди пурпура и крови.

III. Переворот

Как только стало известно об убийстве Калигулы, консулы Гней Сентий Сатурнин и Квинт Помпоний Секунд созвали заседание сената. Но в Риме было неспокойно. На улицах народ открыто возмущался убийством, а преторианской гвардии следовало остерегаться, не говоря уже о германцах. Сенат мог рассчитывать, и то без абсолютной уверенности, только на городские когорты. Но эти войска, исполнявшие полицейские функции, ходившие в ночной дозор и боровшиеся с пожарами, не имели серьезного боевого опыта. Они не выстояли бы перед преторианцами и страшными германскими наемниками. Кроме того, они были рассеяны по городским кварталам, так что собрать их всех было непросто. Вот почему заседание прошло не в Юлиевой курии, а на Капитолии, который было легче оборонять.

Но в курии ли, на Капитолии ли сенат уже не владел ситуацией. Заклеймив память Калигулы и произнеся несколько красивых слов о «свободе», он мог лишь призвать гражданское население разойтись по домам, а солдат — по казармам, пообещав первому сократить налоги, а вторым — выплатить вознаграждение… В общем, расписался в своей беспомощности. И потом, у преторианцев был Клавдий, что значительно меняло весь расклад. Сенат решил попытался пока выиграть время, направив к Клавдию двух своих представителей. Опасаясь, что их могут взять в заложники, выбрали не сенаторов, а народных трибунов, поскольку те обладали неприкосновенностью. Их задачей было убедить Клавдия явиться в сенат и объясниться относительно своих намерений, а также не использовать силу, чтобы прийти к власти. Трибуны начали свою речь в этом ключе, подчеркнув твердую волю сената не подчиняться принуждению. Но завершили несколько иначе. То ли они были благорасположены к Клавдию, то ли на них произвел впечатление вид преторианцев, но закончили они, на коленях умоляя его принять власть над империей от сената, а не получить ее посредством гражданской войны.

Разумеется, Клавдий не был настолько глуп, чтобы отправиться на Капитолий, где его могли посадить в тюрьму или убить, а потому только успокоил посланных касательно своих намерений и передал им добрые слова о сенате. Клавдий советовался с царем Иудеи Иродом Агриппой I, который тогда находился в Риме. Внук Ирода Великого был близок к императорской семье и являлся давним другом Калигулы. После смерти его деда Август разделил царство на тетрархии между

тремя сыновьями покойного. Обойденный дядьями, Агриппа не получил ничего, но Калигула, желавший вознаградить его за верность, незадолго до своего убийства передал ему две из тетрархий вместе с царским титулом. Агриппа был ловким человеком. Всю свою жизнь он занимался тем, что прибирал к рукам царство своего деда полностью или частично, обращаясь за поддержкой к Дому императора. Когда он понял, что от Тиберия не получит ничего, то поддержал Калигулу еще до его прихода к власти. Но слишком активно, за что на несколько месяцев угодил в тюрьму. Старый Тиберий не любил некорректного поведения. Теперь же Ирод Агриппа, естественно, решил воспользоваться ситуацией, чтобы получить царство целиком. Для этого ему в очередной раз надо было поставить на верную лошадку. При этом Агриппа прекрасно разбирался в хитросплетениях римской политики: когда он был безземельным царевичем, то подолгу жил в Риме, а потому хорошо знал и семейство Юлиев — Клавдиев, и главных сенаторов, и могущественных императорских вольноотпущенников, занимавшихся государственными делами. Он знал, что у Клавдия есть все шансы на успех, лишь бы он их не упустил.

Если верить историку Иосифу Флавию, Клавдий чуть было не отказался от борьбы, но Агриппа его ободрил. Кое-кто считает, что Иосиф, тоже иудей, хотел выставить в выгодном свете своего соотечественника. Однако нельзя отрицать важной роли, которую царь Иудеи сыграл в этом деле, а еще менее — минутную слабость Клавдия. Позднее мы увидим, что, став императором, он захочет отречься от власти после попытки государственного переворота. Во всяком случае, в течение дня переговоры продолжились, и Агриппа принимал в них деятельное участие, разъезжая между сенатом и лагерем преторианцев. Он призвал собрание к осторожности, посоветовав не приводить в исполнение свой план вооружить рабов против преторианцев, а Клавдия убедил заявить, будто его удерживают силой, и поэтому он не может предстать перед сенаторами.

Ясно видно, что сенаторы оказались застигнуты врасплох последствиями заговора. В нем участвовали не все. Неизвестно, сколько конкретно людей были к нему причастны. Совершенно точно, что это было меньшинство, хотя в сенате мало кто мог сожалеть о гибели «тирана». И вообще, как могло собрание из нескольких сотен человек быстро и четко договориться о плане действий «после Калигулы», если сами заговорщики ничего не предусмотрели? Они, так сказать, убрали императора в срочном порядке, не подумав, кем его заменить. Да и какие были варианты? Восстановить республику? Об этом никто не думал

всерьез. Конечно, Иосиф Флавий приводит речь консула Сатурнина: «Теперь вы избавились от подобных бедствий и равноправны; <…> подобный способ правления наиболее способствует не только минутному благополучию, но и дальнейшему спокойствию и славе благоустроенного государства… Тиранию ничто так не поддерживало, как трусость и боязнь противоречить ее предначертаниям»[9]. На самом деле это не истинные слова Сатурнина, а заново сочиненная речь, как было принято у древних авторов. Иосиф, таким образом, преподносит нам вариацию на тему об утраченной свободе и о сенаторской республике. Древние авторы ее обожали, причем именно с тех пор, как эта «свобода» и республика предков прекратили существовать, используя в качестве литературного сюжета, проникнутого ностальгией. Но возможно, что консул и произнес что-то в этом роде. В конце концов, подобные мысли были идеальной основой бесплодного сопротивления сената имперскому режиму, и при таких обстоятельствах их можно было высказать вслух. Это не означает, что Сатурнин и его слушатели во все это верили. Это были только слова. Ностальгия — сожаление о прошлом, а не планы на будущее.

Большинство желало найти преемника Калигуле. Объявилось несколько кандидатов, в том числе его зять Виниций и богач Валерий Азиатик. Ни тот ни другой не получили единодушного одобрения. Второй, галл по происхождению, вообще не имел шансов привлечь к себе коренную аристократию. Был еще Анний Виниций, который позже войдет в заговор против Клавдия. Он тоже не заручился согласием равных себе. Связались и с высокопоставленными лицами, находившимися в провинциях. Светоний упоминает о будущем императоре Гальбе, который командовал частью рейнских легионов, но наверняка авансы давались и другим военачальникам. Никто не сдвинулся с места. Во всяком случае, к тому времени, когда до них добрались гонцы, ставки уже были сделаны. К концу этого дня, 24 января, или утром 25-го преторианцы провозгласили Клавдия императором и поклялись ему в верности. Кстати, Калигула был провозглашен императором гвардией и Мизенским флотом еще до вмешательства сената. В очередной раз собранию оставалось только утвердить выбор армии.

Клавдий пообещал подарить каждому преторианцу по 15–20 тысяч сестерциев. Это в десять раз больше подарков его предшественника, но ничего нового он не изобрел. С тех пор как армия стала профессиональной во время гражданских войн конца республики, все военачальники расточали своим войскам «щедроты» для поддержания их пыла. В период принципата эти

раздачи изменили свою природу, став наследством, завещанным солдатам покойным принцепсом; свою долю получал и римский плебс. В этом выражалась двойная основа режима: император получал власть от народа и армии и в ответ становился их благодетелем и защитником. Заложил эту традицию Август, завещав около 40 миллионов народу и около 50 — солдатам, исполнить же его волю должен был Тиберий. В свою очередь, Тиберий вписал в свое завещание примерно такие же суммы, а Калигула их раздал. Клавдий, облаченный в пурпур преторианцами, не был ничьим душеприказчиком, поскольку Калигулу убили, не дав ему времени составить завещание. Так что ему пришлось самому пообещать то, что не завещал его племянник. Вот так наследство предшественника превратилось в дар преемника по случаю восшествия на престол, в подарок, который стали называть *donativum*. Но какая разница. Обе системы имели ту же основу, ту же цель, тех же получателей и ту же кассу. Только даритель действовал в иной период времени — в начале своего правления, а не в конце. В этом плане упоминания в источниках лишь о сумме, выплаченной преторианцам, не должны вводить в заблуждение: Клавдий, разумеется, не забыл ни о римском плебсе, ни, что важнее, о легионах, которые ему этого бы не простили. Однако историки правы, делая акцент на подарках гвардии. В самом деле, она только что показала свой политический вес, присвоив себе право избирать императора. Начала она, как уже говорилось, с Калигулы, но тому хотя бы не пришлось сразу же платить за свое возвышение. Отныне преторианцы разделяли с сенатом право делать императоров, по меньшей мере в Риме, ибо близки те времена, когда легионы, рассеянные по границам, начнут соперничать с гвардией, избирая собственного кандидата. Светоний не ошибся, сказав, что Клавдий был «первый среди цезарей, купивший за деньги преданность войска». Армия превратилась в высшего арбитра наследственных споров.

На заре 25 января сенат собрался снова, но уже не строя иллюзий по поводу своей способности влиять на ход событий. Едва ли сотня сенаторов явилась на заседание, и то лишь для того, чтобы взаимно укорять друг друга в опасном поведении, могущем разозлить Клавдия… На всякий случай они отправили в лагерь Херею — одного из гвардейских центурионов, который убил Калигулу. Напрасный труд: как только он предстал перед солдатами, те завопили, что желают сейчас же нового императора, а когда Херея хотел ответить, звон обнажаемых мечей убедил его этого не делать. Одновременно несколько преторианцев, ранее вставших на сторону сената, теперь его

бросили. Наверняка *donativum* сыграл кое-какую роль в этой перемене… Собрание получило последнее послание Клавдия, вероятно, переданное Агриппой. По форме оно было жестким, но по сути примиряющим. Дядя Калигулы подчеркивал, что не стремился к власти, но теперь, когда солдаты наделили его ею, он не отречется. Это что касается жесткости. Затем он объявлял, что намерен править в согласии с сенатом, как государь, достойный этого имени. И если хорошо известная умеренность его характера не кажется достаточной гарантией, можете быть уверены, что судьба Калигулы отвратит его от пути тирании.

Покинутый немногими войсками, бывшими в его распоряжении, не придя к согласию по кандидатуре преемника, сенат больше не имел пространства для маневра. Он мог теперь лишь утвердить выбор преторианцев. Это был тяжелый удар по его авторитету, однако такая развязка имела и свои преимущества. После полного конфликтов правления Калигулы пришествие Клавдия позволяло хотя бы надеяться на нормализацию отношений. И потом, совершенно верно, что личность нового избранника была способна утишить страхи и обезоружить возражения. Считали ли его дурачком, не способным властвовать, ученым, обжорой или всем этим, вместе взятым — по меньшей мере он будет добрым правителем, а не жестоким тираном.

Такова, во всяком случае, реконструкция событий тех двух дней на основе довольно неточной историографии Иосифа Флавия, Светония и Диона Кассия. Первый, самый словоохотливый из всех, выводит на первый план Ирода Агриппу, выставляя Клавдия напуганным и нерешительным; второй рассказывает о возвышении кретина в столь комичной манере, словно это сцена из пьесы Плавта; третий ограничивается нейтральным и легким пересказом. Все трое основываются на источниках, явно созданных по горячим следам, перерабатывая их в соответствии с личными пристрастиями. Этим объясняются довольно значительные расхождения, усложняющие задачу современному историку. Несомненно, должна была существовать официальная версия, но ее след утерян. В ней наверняка описывалось бегство Клавдия после убийства племянника, защита, оказанная ему преторианской гвардией, а в результате — внезапное возвышение, к которому он не стремился.

Возникает и еще одна проблема. Исходя из историографии, складывается впечатление, будто Клавдий не пользовался никакой поддержкой ни в сенате, ни в правительственных кругах, но это невозможно. Известно, например, что императорский

вольноотпущенник Каллист ставил на Клавдия. Сообщив, что этот министр был замешан в заговоре, Иосиф Флавий уточняет, что он предупредил Клавдия о намерении Калигулы его отравить. Однако, по словам иудейского историка, Каллист все это выдумал, чтобы снискать благорасположение Клавдия. Это явный намек на то, что Каллист предчувствовал его приход к власти и входил в число его сторонников. Другие «министры» наверняка последовали его примеру.

Имелись сторонники и среди сенаторов, начиная с тех, кто был связан с семьей Германика узами дружбы. В социальном и политическом смысле слово *amicitia* (дружба) означало в Риме, и в особенности в высших сословиях, связи любого рода, соединявшие двух человек, а через них — две семьи. То есть это была и общность интересов, и дружба в повседневном значении этого слова. Клавдий мог, таким образом, опираться на многочисленных «друзей» своего отца или на их потомков, а также на тех, кто не хотел исчезновения баловавшей их династии. Получается, что из личной симпатии, из убеждений или объективной реальности (одно не исключает другого) многие сенаторы должны были быть настроены в пользу Клавдия, надеясь извлечь выгоду из нового царствования. Этим и объясняется отсутствие большинства сенаторов на втором заседании 25 января. Молчание для весьма значительной фракции этого «болота» было способом предоставить событиям развиваться в пользу Клавдия, но при этом не подставляться, прямо выразив свою поддержку: вдруг дело обернется иначе.

Это наводит на вопрос, мог ли Клавдий прямо или косвенно участвовать в заговоре. Историография на это даже не намекает, но это ничего не значит. Древние авторы слишком старались представить его простофилей, чтобы признать за ним даже крошечную роль, которая противоречила бы этому образу. При всем этом маловероятно, чтобы он принимал деятельное участие в заговоре. Самое большее, что ему сообщили о желании кое-кого избавиться от Калигулы. Чтобы представить себе возможное поведение Клавдия, надо помнить, что каждый знал: Калигула — не навсегда. Конечно, он раскрыл два заговора, но никто, даже, наверное, он сам, не считал, что он умрет от старости. При таких условиях можно предположить, что Клавдий задействовал свои связи — не для того, чтобы ускорить объявленную смерть, а чтобы поспособствовать собственному восшествию на престол, когда это произойдет. Такой человек, как Каллист, архетип «серого кардинала», наверняка этому способствовал — с одной стороны, вербуя друзей, а с другой — лично участвуя в заговоре, если, конечно, утверждения историографов верны. Но Клавдий

наверняка не был в этом замешан, и планы заговорщиков в любом случае были ему неизвестны. Иначе как объяснить, что в день убийства он оказался в самой гуще событий, рискуя лишиться жизни? Весьма вероятно, что он исподволь предоставил действовать своим сторонникам, чтобы не иметь отношения ни к каким интригам и выйти сухим из воды в случае провала. Примеров такой тактики в истории полно. Если допустить эту гипотезу, его «эвакуация», как мы сказали бы сегодня, была вовсе не случайной. Грат со товарищи, скорее всего, выполняли приказ одного или обоих префектов претория, начальников стражи.

Имя одного из них — Аррецин Клемент — нам известно, другой остался безымянным. Однако Иосиф Флавий сообщает, что Херея пытался вовлечь Клемента в заговор, но тот лишь одобрил проект, посоветовав хранить его в полной тайне и действовать только наверняка. Короче, согласно этой версии Херея получил благословение своего начальника, но не деятельную поддержку. О поведении другого ничего не известно, но оно, наверное, было таким же. Ясно одно: ни один из префектов прямо не участвовал в убийстве, но оба позволили ему свершиться, а это уже соучастие. Тем более что они, вероятно, облегчили задачу убийцам, убрав стражу Калигулы.

Сегодня некоторые историки теряются в догадках по поводу того, который из префектов приказал взять Клавдия под защиту. Вопрос возник в связи с тем, что как только преторианцы провозгласили Клавдия императором, он заменил одного из префектов Руфрием Полионом. Из этого делают вывод, что не отдавший приказ был таким образом наказан, значит, приказ отдал другой. Но это не факт. Для назначения Полиона могли быть и другие причины: например, преклонный возраст Клемента (об этом упоминает Флавий), который уже не смог бы повести солдат в бой, если бы возникли осложнения с сенатом. Лучше признать, что мы ничего не знаем.

Октавиан мог оправдать свой государственный переворот защитой Запада от угрозы со стороны Клеопатры и предателя Антония. Для той войны не только сенат предоставил ему полные полномочия, но и весь народ Италии поклялся ему в верности, сделав верховным вождем. Избавившись от своего соперника, он, напомним, смог притвориться, будто слагает с себя полномочия, чтобы сенат умолял его оставить бразды правления в своих руках. Так родился принципат — не что иное, как возобновление полномочий, полученных законным путем, с формального согласия сената.

По словам Иосифа Флавия, Калигула ограничился

«уведомлением» сената о том, что Тиберий избрал его своим преемником. Он лгал. Покойный император не принял четкого решения в пользу Калигулы или его кузена Тиберия Гемелла; это обнаружится при вскрытии завещания. Но, как мы видели, преторианцы и Мизенский флот приветствовали Калигулу. Молодой человек еще даже не был в Риме, он только-только уехал с Капри, где Тиберий испустил дух. Но именно его народ, толпившийся вдоль дороги, будет встречать приветственными кликами до самой столицы. Сенату придется лишь утвердить свершившийся факт несколько дней спустя. Собранию это было досадно, поскольку форма была нарушена. Принципат зиждился на армии и народе, это знали все, но официально императоров сотворял сенат. С пришествием к власти Калигулы с этой условностью было покончено. Но хотя бы не возникло конфликта, потому что никто не хотел сражаться за Гемелла, так что можно допустить, что войска и народ попросту предвидели решение сената.

Зато возвышение Клавдия было гораздо более унизительным для высокого собрания. Оказался сброшен последний покров с военной природы режима. Конечно, покров был настолько тонок, что не скрывал очертаний меча, но все же оберегал целомудрие сенаторов. Клавдий сорвал его, показав сенаторам то, чего они не хотели видеть. Его путч был похож на переворот Цезаря, поскольку он оказался всем обязан преторианцам, как Цезарь был всем обязан своим легионам. Кстати, позднее два выпуска монет напомнят о тесных связях между стражей и императором. На аверсе одной из них изображена казарма преторианцев, на которой восседает Фидес (богиня верности) рядом со штандартом, а на стене надпись: IMPERATOR RECEPTUS (принятый император). На другой Клавдий в тоге пожимает руку стражнику в доспехах, держащему штандарт, и надпись: PRAETORIANI RECEPTI (принятые преторианцы). Такая оплеуха не предвещала ничего хорошего в плане отношений между сенатом и императором. По словам Флавия, сенат якобы объявил Клавдию войну, как только тот был провозглашен преторианцами. В переводе на язык римского права это означало, что собрание объявило его *hostis,* то есть «врагом (государства)», или, по меньшей мере, *adversarius* — «противником государства». Неточность терминологии Флавия и отсутствие подтверждений в других источниках не дают уверенности на этот счет.

Зато одно известно наверняка. Клавдий выждал 30 дней, прежде чем появиться в курии с эскортом. Это было сделано, чтобы принять все почести и титулы, полагающиеся императору, за исключением звания Отца Отечества, которое он примет

только в январе 42 года. Но надо было также и предоставить соответствующие гарантии, чтобы умерить враждебность. Первым делом он объявил амнистию для участников заговора против Калигулы. Никакого расследования не проводилось, и заговорщикам не приходилось бояться, что они предстанут перед судом. Этим, кстати, и объясняется, что мы так мало знаем об этом деле. Тем не менее убийство принцепса нельзя было оставить полностью безнаказанным, иначе появятся другие желающие. Поэтому амнистия распространялась только на сенаторов, и в совершенно классической манере счет был предъявлен только подручным. Преторианских центурионов казнили, при этом Херея с некой бравадой потребовал, чтобы ему отрубили голову мечом, которым он сразил свою жертву.

Эта первая милость касалась лишь немногих. Поэтому Клавдий немедленно предпринял ряд мер с целью обласкать побольше аристократов. Он вызвал из изгнания нескольких человек, отправленных туда в предыдущее царствование, в частности Агриппину II и Юлию Ливиллу, которые, как мы помним, плели заговор против своего брата Калигулы. Он вернул имущество тем, кто был его лишен по приказам Тиберия и Калигулы, — вероятно, провинившись лично перед цезарями. Это последнее распоряжение — в пользу самих жертв или их наследников — не касалось всех подряд, как дает понять Дион Кассий, попросту потому, что иначе обошлось бы слишком дорого.

Знатные семьи часто носили прозвище, унаследованное от предка, который заслужил его каким-либо подвигом или особенностью внешности. Однако Калигула запретил некоторым из них, которых считал своими врагами, носить такие имена. Так, у Манлиев отняли прозвище Торкват («Ожерельный»), полученное их предком Титом, который снял ожерелье с убитого им в поединке великана-галла; у Квинкциев — прозвище Цинциннат («Кудрявый»), у Помпеев — Магн («Великий»), Клавдий отменил эту оскорбительную меру для Гнея Помпея, пообещав ему в жены свою дочь, но можно предположить, что и другие пострадавшие таким образом роды восстановили свои права.

На протяжении всего своего правления Клавдий, как мы увидим, будет стараться не задеть чувства сената и поддерживать с ним хотя бы учтивые отношения. Однако он никогда не будет доверять ему. Наученный судьбой Калигулы, Клавдий будет тщательнейшим образом заботиться о собственной безопасности. В начале своего принципата он присутствовал на пирах в окружении телохранителей, а пищу ему подавали солдаты; если он посещал больного, то велел обыскать комнату, заглянув даже

под одеяла и подушки. Впоследствии он ввел систематический обыск и личный досмотр приходивших к нему людей, а если посетитель являлся вместе с писцом, то у того отбирали коробку с перьями и стилусами на время разговора. Только под конец он немного ослабил контроль, избавив от обыска женщин и детей.

Клавдий звался отныне Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик. Прозвище Цезарь перешло к Октавиану, когда он согласился заменить своего двоюродного деда, а от него — к Тиберию, Германику, Друзу II и Калигуле по праву усыновления и наследования. Но Клавдию с точки зрения гражданского права оно не принадлежало никогда, из-за чего Сенека в своем «Отыквлении божественного Клавдия» отказывает ему в праве его носить. На самом деле сенат наверняка наделил этим прозвищем нового принцепса, передав ему полномочия предшественников. Имя «Цезарь» незаметно превратилось в титул, точно так же как «Август», когда этим званием наделили Октавиана. Даже после исчезновения династии Юлиев — Клавдиев его по-прежнему будут передавать вместе со всей императорской титулатурой. Одновременно имя собственное и нарицательное, слово «цезарь» преодолеет века и границы: в немецком языке из него получится «кайзер», в русском — «царь».

Это может показаться мелкой деталью, но порой по детали можно судить о целом. На первый взгляд передача этого прозвища Клавдию символизировала принадлежность власти определенной семье. Но также подчеркивала специфичность должности императора и его независимость: отныне можно стать Цезарем, даже не будучи усыновленным носителем этого прозвища. Достаточно иметь поддержку среди солдат. Еще одно царствование — и чтобы стать цезарем, даже не нужно будет принадлежать к роду Цезарей.

Маленькая деталь, которая многое говорит о том, как право подстраивается под неумолимую необходимость. Почему гвардия и народ подняли на щит Клавдия? Просто потому, что их устраивал принципат, а Клавдий был из рода Юлиев — Клавдиев, то есть наследником утвердившейся династии. Другими словами, принципат и Клавдий были социальной необходимостью и по этой причине были узаконены. Легитимность выступает как необходимость, потому что является непобедимым представлением общества о том, какой *должна быть* законность. Право — лишь закон в сухом виде, то есть набор более или менее ясных норм, зачастую отстающих от необходимости в представлении общества. Сенат отвергал Клавдия, потому что его избрание было незаконно, потому что де-юре не существовало ни

династии, ни даже принципата, а только правители, избираемые сенатом. Сенат притворялся, что считает себя единственным творцом правителей, а потому цеплялся за право. Но он забыл, что легитимность плевать хотела на тонкости конституционного права, тем более когда у нее есть мечи. И вот под давлением необходимости сенат узаконил ее во всех деталях, предоставив вновь прибывшему прозвище «Цезарь». Законность была приведена в соответствие с легитимностью.

Часть вторая
Убийства в лоне семьи и вне ее

IV. Клавдий и Мессалина, или Как правильно обрезать родословное древо

Принципат никогда не достигнет цели своего развития, потому что республиканская идеология этому препятствовала. Монарх, то есть принцепс, официально оставался магистратом, то есть выборным лицом, которому римский народ делегировал свои полномочия. Конечно, усилия Августа по закреплению этого делегирования за своей семьей принесли плоды: общественность допускала, что правящий император может передать власть своим потомкам, а сенат беспрекословно утверждал эту передачу. Но это обстоятельство так и не превратит принципат в наследственную монархию, потому что ненависть римлян к царям исключала династическое право в таком виде, в каком оно будет существовать в средневековых королевствах. Напротив, идеологическая фикция требовала, чтобы передача полномочий была узаконена суверенитетом народа. Римскому императору и его роду будет не хватать мистической легитимности французских королей. С этой точки зрения принципат был недоделанной монархией. Отсюда — хроническая нестабильность, совершенно не свойственная крупным европейским королевствам. Там будут жалеть короля, проигравшего войну, обвинять во всем его министров, если дела пойдут плохо, но его не убьют (за редким исключением), а его сын спокойно придет ему на смену. Зато императоров убивали часто: примерно в двух случаях из трех, пусть даже потом его причисляли к сонму богов, и детей его тоже не щадили. Вот лишь несколько цифр, чтобы получить представление о тех кровавых нравах. С 27 года до н. э. до 476 года н. э., то есть с Августа до Ромула Августина, было 88 императоров (включая соправителей), в том числе восемь императоров Востока. Не считая двадцати восьми узурпаторов, которых называют так потому, что их переворот окончился неудачей, хотя некоторые из них несколько месяцев, а то и лет удерживали часть Империи, пока их не убивал законный император. За эти пять веков сменилось не менее шести династий, к которым следует добавить династию, основанную на Востоке Феодосием I, которая будет править совместно с династией Валентиниана на Западе. (Императора Льва I и его сына Льва II, который на деле и не правил, считать династией не будем.) Но в эти семь Домов входили только 38 императоров. Остальные правители пали слишком быстро, чтобы дать побеги от своего корня: только в 69 году сменилось четыре императора, а с

235-го по 284-й, в период «военной анархии», если не ошибаюсь — 23, то есть каждые два года! Во Франции же на протяжении девяти веков — с 987 года, когда на трон взошел Гуго Капет, и до убийства Людовика XVI в 1793 году — была только одна династия, состоявшая из тридцати двух королей (и нескольких регентов), то есть по одному на 28 лет!

Если присмотреться, двусмысленное положение принципата ослабляло его вдвойне. Во внешнем плане — потому что династия не существовала официально: на пурпур мог претендовать любой. Во внутреннем плане — потому что не был установлен порядок престолонаследия, например передача власти старшему сыну, и поэтому в императорском доме насчитывалось множество кандидатов на наследование — по числу ветвей и даже больше. Короче, это была банка с пауками. Чтобы не пасть от удара амбициозного родственника или даже чужака, император лихорадочно занимался превентивными убийствами. Как сказал Плутарх, «власть полна недоверия и зложелательства», так представьте же себе, что творится при отсутствии четких правил передачи власти.

* * *

Прежде чем самому стать жертвой этого пробела в законодательстве, Клавдий отправил к праотцам множество народу, чтобы оттянуть свой срок. Как уже говорилось, третий император занимал не самое выгодное положение на родословном древе, хотя и являлся братом Германика, которому был уготован пурпур. Мессалина, конечно, упрочила его позиции, но не вполне, поскольку, как и он, происходила от Октавии, а не от Августа. Таким образом, брак не придавал ему легитимность, какой пользовался Германик благодаря своей жене Агриппине. Поэтому понятно, что наличие представителей прямой линии доставляло забот императорской чете, причем, как представляется, в большей степени Мессалине, чем Клавдию. Причина проста: в Доме Августа насчитывалось несколько женщин из единокровной ветви, которые охотно стали бы императрицами, если принцепсу пришло в голову жениться на них для придания яркости своему пурпуру. Только они смогли бы передать своим сыновьям «кровь Августа», по выражению Тацита, что добавило бы им легитимности.

Каждая из этих дам представляла собой опасность для Мессалины и ее сына Британника, родившегося в 41 году. Пускай на монетах, отчеканенных в тот год в честь младенца, его

называли Spes Augusta (буквально «надеждой Августа»), он перестал бы ею быть в случае появления сводных братьев с более чистой кровью. Родившийся в пурпуре должен был сохранить его за собой или умереть, а чтобы его сохранить, лучше сделать так, чтобы больше ни у кого не было пеленок такого цвета. Как мы увидим, древняя историография не отказывает Мессалине ни в одном из пороков. Возможно, у нее их было не больше, чем у соперниц. Но она была императрицей и матерью ребенка, который мог выжить, лишь получив власть.

Несмотря на очень юный возраст (в 41 году ей было примерно 16 лет), Мессалина тотчас поняла, в какой опасной ситуации она находится. Непосредственная угроза исходила от двух особ: Юлии Ливиллы и Агриппины И, сестер Калигулы, которых Клавдий вызвал из изгнания. Они плели заговор против брата, почему бы не сделать то же против дяди. Первой было 29 лет, она сияла красотой и, что немаловажно, была замужем за Виницием, которому сенат намеревался передать власть после смерти Калигулы. Все тщательно обдумав, Мессалина, вероятно, пришла к выводу, что у ее мужа есть два способа отвести от себя серьезную опасность заговора Виниция и его жены. Первый: развести их и жениться на Ливилле. Для Клавдия это был бы вдвойне выгодный вариант: нейтрализовать Виниция, который был ничем без правнучки Августа, и укрепить собственные династические позиции удачным брачным союзом. Конечно, Клавдий приходился Ливилле дядей, что, в принципе, препятствовало браку, но всем известно, что в государственных интересах закон используют как дышло. Второй способ: устранить Ливиллу. С точки зрения Мессалины, именно он был наилучшим. Она могла рассчитывать на помощь вольноотпущенников Клавдия — «министров», чьи интересы были связаны с интересами их господина. Приход к власти Виниция положил бы конец их карьере, и возможно, что их не устраивал и брак императора с племянницей. Ливилла, как и ее сестра, обладала поддержкой в сенате со стороны людей, враждебных Клавдию и его команде вольноотпущенников. Зато Мессалина была их союзницей и обладала бесспорным влиянием на принцепса.

Еще не кончился 41 год, а Ливиллу уже обвинили в прелюбодеянии. Это был удобный и проверенный временем метод удаления неугодных. Разумеется, все дело было сфабриковано императрицей и «кабинетом». Молодую женщину сослали на остров Пандатерия, где уже побывало множество политзаключенных. Изгнание зачастую было прелюдией к казни. Вскоре после того Ливилле нанес роковой визит солдат. Что же касается мнимого любовника, Сенеки, то его отправили на

Корсику. Почему Сенека? Потому что он был политически связан с сестрами Калигулы и мог обеспечить им поддержку со стороны слишком многих людей. Говорят, что Калигула уже подумывал об устранении философа, но не стал его убивать, полагая, что тот смертельно болен. Гибель Калигулы стала облегчением для Сенеки, который, вероятно, в течение нескольких месяцев перед своим осуждением поддерживал хорошие отношения с Клавдием. Наверное, они были слишком хорошими на взгляд Мессалины и «министров», не желавших, чтобы Сенека вошел в доверие к государю. В своей замечательной книге о Сенеке Пьер Грималь предполагает, что Мессалина и вольноотпущенники видели в нем противника «восточной» монархии, дорогой сердцу Калигулы, которую сами намеревались учредить. Это умозаключение кажется весьма убедительным, по меньшей мере в том, что касается вольноотпущенников. Зато меньше уверенности в том, что Мессалина забивала себе голову философско-политическими спорами. Не то чтобы она была не способна их понять, ведь эта женщина, несмотря на молодость, обладала большим умом. Просто ее главная забота была не об этом, а о том, чтобы удержаться у власти и передать ее Британнику. Сенека же, принадлежавший к партии двух сестер, вероятно, смотрел на вещи иначе. Мессалина могла ждать от него чего угодно, включая самое худшее — что он убедит Клавдия прогнать ее и жениться на одной из племянниц.

Короче, Сенека отправился на Корсику, потому что мешал даже после кончины Ливиллы. Не надо забывать, что он мог бы действовать в пользу Агриппины И, которая никуда не делась. По этим причинам он превращался в идеального участника прелюбодеяния. Возможно, он и в самом деле им был: в Риме секс широко использовали как политический инструмент, крайне удобный для исправления положения. Клавдий, однако, испытал угрызения совести из-за необходимости осудить Сенеку. Сенат, судивший его, приговорил его к смерти, но император заменил казнь изгнанием. Возможно, это даже было удаление, то есть менее строгое наказание, которое не влекло за собой конфискацию имущества, а главное, нельзя было надеяться, что это отложенная казнь[10].

Зато удивляет отсутствие нападок на Агриппину. А ведь эта женщина была только немногим старше Юлии Ливиллы, и у нее был четырехлетний сын, считавшийся грозным претендентом на императорский пурпур, поскольку он являлся прямым потомком Августа. Кстати, именно он станет преемником Клавдия под именем Нерон. Вероятно, Агриппина вела себя умнее, чем сестра. По словам Диона Кассия, Ливилла часто беседовала с Клавдием,

что возбуждало подозрения Мессалины, которая считала, что та недостаточно почтительна к ней. Агриппина же вела себя скромнее и была любезнее с императрицей. Кроме того, она состояла в очень хороших отношениях с Домицией Лепидой, матерью Мессалины, которая растила маленького Нерона во время ее изгнания и пользовалась определенным влиянием во дворце.

В 43 году скончалась другая Юлия — так называемая Юлия III, дочь Друза II (сына Тиберия) от Клавдии Ливиллы, сестры Клавдия. Она была замужем за человеком из незнатного рода, но в этом союзе родился мальчик, Рубеллий Плавт, которого было бы лучше вывести из борьбы. Мессалина выдвинула против нее обвинение через одного сенатора, входившего в число ее друзей, — Суиллия Руфа (Тиберий отправил его в изгнание, а Калигула вернул, и при Клавдии он пользовался значительным влиянием). Мы еще поговорим об этом человеке. Обвиненная, скорее всего, в преступлении против нравственности, молодая женщина покончила с собой. В историографии ее представляют невинной жертвой, но возможно ли сохранить невинность, когда принадлежишь к такой семье? Разве Юлия не пыталась навредить императрице? Любопытно, что непосредственно перед рассказом о ее устранении Дион Кассий упоминает о казни префекта претория Юста Катония. Историк не связывает два этих дела, однако возможно, что он делает это нарочно, чтобы еще больше очернить Мессалину. Во всяком случае, он указывает, что Катоний умер прежде, чем смог рассказать Клавдию о развратном поведении его жены. Однако этот человек нам знаком. В начале правления Тиберия он входил в команду Друза II, которая вела переговоры со взбунтовавшимися легионами на Дунае. Тогда он был всего лишь центурионом, но его поведение стало отправной точкой блестящей карьеры, приведшей его к посту префекта претория. Можно себе представить, что Катоний оставался близок к Друзу, под покровительством которого взбирался по карьерной лестнице. Центурионы и в самом деле выходили из рядовых, а их звание соответствовало современному капитану или майору. Плебеи по рождению, они могли затем стать военными трибунами, что обычно превращало их во всадников, но очень редко поднимались выше. Только их сыновья, всадники по рождению, могли занять более высокое место в иерархии, если ими были довольны. Так что, каковы бы ни были его достоинства, Катоний бы просто не смог получить одну из самых высоких должностей в государстве без могущественной поддержки — например, со стороны семьи Друза. А если так, то он мог

интриговать в пользу Юлии и ее сына, чтобы погубить Мессалину. Это всего лишь гипотеза, но она опирается на тот факт, что оба новых префекта претория — Лусий Гета и Руфрий Криспин — были сторонниками Мессалины.

Оставшиеся в живых женщины из единокровной ветви были не единственной опасностью. Существовали еще прямые мужские потомки Августа — от его правнучки Эмилии Лепиды. Напомним, что Клавдий был помолвлен с этой Эмилией Лепидой, но не смог на ней жениться из-за опалы ее матери Юлии II. Ее тогда выдали замуж за Марка Юния Силана, и она родила пятерых детей, в том числе трех мальчиков, занимавших слишком выгодное положение в династическом раскладе, чтобы это не беспокоило титулованных императоров. Скажем сразу, что ни один из пятерых не уцелеет в правление Клавдия и Нерона: их будут по очереди казнить и отправлять в изгнание.

Клавдию также приходилось считаться с потомками так называемых «республиканских претендентов» — Суллы, Помпея, Красса. Эти люди, даже простофили или дегенераты, пользовались определенным авторитетом и сильной поддержкой в сенате. Этого было достаточно, чтобы кое-кто возлагал на них надежды на новый принципат, отмытый от цезарианского пятна, а то и на возвращение к республике.

В целом в две эти группы входило множество людей, которых следовало либо привязать к себе заманчивой перспективой, либо убить — вот такая банальная альтернатива. Начали с первого варианта: сразу после воцарения Клавдия в 41 году началась череда блестящих браков, раздача должностей и почестей. В особенности щедро обошлись с родом Помпеев. Один из самых юных потомков Помпея Великого, звавшийся, как и он, Гнеем Помпеем Магном, получил в жены старшую дочь Клавдия Антонию. Его отец Красс Фруги получил под свое управление провинцию Мавретания, а потом еще и триумфальные украшения. Прямых потомков Августа тоже не забыли. Луций Юний Силан был помолвлен с Октавией, второй дочерью императора, которой был всего год. Марка, брата Луция, в 46 году сделают консулом, и он пробудет в этой должности весь год, что выглядело уже исключительным событием. Тем не менее союзы с дочерями императора заключались в домашнем кругу, словно Клавдий не желал придавать слишком большого значения зятьям, как настоящему, так и будущему. Позднее он все же не сможет им отказать в праве претендовать на должности пятью годами ранее установленного срока. Известно, что это превращало их в потенциальных преемников. Намеревался ли Клавдий сделать их временными правителями до прихода к власти своего сына

Британника? Вполне возможно. Август предназначал ту же роль Тиберию при своих внуках Гае и Луции, а потом Германике. Клавдий мог также стремиться к умножению числа своих потомков через дочерей, чтобы предусмотреть запасные варианты в плане наследования. Здесь он также следовал примеру Августа, использовавшего в этих целях двух Юлий — дочь и внучку.

Юния из другой ветви, связанного с Клавдиями Пульхрами, женили на матери Мессалины Домиции Лепиде, которая недавно овдовела. Нового супруга звали Гай Аппий Юний Силан, а для краткости — Аппий Силан. Став консулом в 28 году, он сделал хорошую карьеру и находился тогда в Испании, где командовал провинцией Таррагона вместе со своими тремя легионами. Клавдий отозвал его оттуда, чтобы сделать своим новым тестем, и они оба настолько подружились, что Аппий Силан стал наперсником Клавдия. Опасная любовь. Среди Юниев и республиканских претендентов, приманенных пряником, Аппий Силан первым отведал кнута. В одно прекрасное утро 42 года Клавдий был еще в постели, когда к нему прибежал всполошенный вольноотпущенник Нарцисс и рассказал, едва переводя дух, о страшном сне, заставившем его пробудиться: ему приснилось, что Аппий Силан зарезал Клавдия собственными руками. Вскоре после этого в спальню мужа ворвалась Мессалина. Ей уже несколько ночей снился тот же сон, который она пересказала с еще более страшными подробностями. И тут объявили о неожиданном приходе Аппия, что окончательно убедило императора в верности знамения.

С болью в сердце Клавдий велел немедленно казнить своего лучшего друга. На следующий день он сообщил об этом сенату, не забыв поблагодарить своего вольноотпущенника, который, как он сказал, стоит на страже его безопасности, даже когда спит. Согласно историографам, вся эта история была подстроена Мессалиной в сообщничестве с Нарциссом. Заговорщики так тщательно продумали все детали, что накануне велели своей жертве явиться утром, чтобы придать достоверность своему вещему сну. Императрица якобы хотела таким образом отомстить Аппию за отказ, которым он ответил на ее авансы. Это одна из многочисленных вариаций на тему о распущенности Мессалины. Будут и другие. Древние авторы систематически представляют эту женщину хищницей-нимфоманкой, что мы вовсе не обязаны принимать за чистую монету, по крайней мере по двум причинам. С одной стороны, они, вероятно, находились под влиянием мемуаров Агриппины II, врага Мессалины. Эта книга, увы, утрачена, но можно представить, что Мессалине там досталось не меньше, чем Калигуле и Тиберию, которые также во многом

обязаны Агриппине овевающей их черной легендой. С другой стороны, молодая хорошенькая колдунья подвернулась весьма кстати, чтобы представить Клавдия слабаком и подкаблучником. Вполне возможно, что Мессалина хотела соблазнить Аппия Силана, если это было в ее интересах. Зато маловероятно, что принцепс оказался настолько доверчивым, чтобы казнить близкого человека, не выслушав его, а всего лишь поверив сну. Даже Светоний призывает нас к осторожности, уточняя: «Как говорят, таким… способом был умерщвлен Аппий Силан». Биограф ставит под сомнение не сам предлог, а веру Клавдия в этот предлог.

Остается вопрос: зачем было выдумывать всю эту историю со сном? Напомним для начала, что в те времена сны считались посланиями богов наряду с другими знамениями. Конечно, люди были не глупы и умели отличить, где ложь, в том числе политическая, а где намек, но в принципе возможность вещих снов допускали. Прежде всего, думается, что Клавдий превосходно умел играть свою роль дурачка, когда это было ему необходимо. Одно из двух: в искренность сновидца либо верят, либо нет. В первом случае сон Нарцисса был знамением, тем более что несвоевременный приход Аппия стал как бы началом его свершения. Во втором случае Клавдий был кретином, игрушкой в чужих руках, но кретином невинным. Однако при обоих предположениях казнь знатного аристократа без суда не могла быть поставлена ему в вину. На самом деле император не был ни глупым, ни невинным, он избавился от Аппия, потому что боялся его, как боялся всех Силанов. Начал он с того, что лишил Аппия командования в Испании, чтобы женить на своей теще и породниться с ним. Это было сделано, чтобы его обезоружить, приручить и следить за ним, усыпляя лестью. Людовик XIV широко применял этот метод. Несмотря на все предосторожности, Аппий продолжал внушать страх, а потому умер. Наверное, против него не было ничего конкретного, и этим объясняется, что Клавдий захотел избежать судебного процесса, на котором выглядел бы не лучшим образом. Зато вещий сон, начавший сбываться, мог оправдать скоропостижную казнь.

Уже на следующий 43 год против Клавдия составился заговор, возможно, на основании страхов, внушенных кое-кому устранением Аппия Силана. Зачинщиком был как будто Анний Виниций, с которым мы встречались в 41 году: он был одним из тех, кого сенат прочил в преемники Калигулы. Этот ореол и вероятное участие в заговоре против последнего могли представить его опасным в глазах новой власти. Со страху он вступил в новый заговор, в который вовлек легата Далмации,

командовавшего VII и VIII легионами. Этот человек, Луций Аррунтий Камилл Скрибониан, явно пользовался авторитетом среди аристократии — во всяком случае, достаточным, чтобы убедить многочисленных сенаторов и всадников примкнуть к нему. Он внушал большое доверие благодаря своей славной родословной. Его приемный отец Луций Аррунтий стал знаменит, потому что в одной из последних бесед Август назвал его самым сведущим и наиболее способным захватить власть, если представится такая возможность. Это сильно смахивало на совет убить его, поданный преемнику, который, несомненно, способствовал утечке данной информации… Во всяком случае, в 37 году, незадолго до кончины Тиберия, Аррунтий оказался замешан в дело об оскорблении величия и принужден к самоубийству: надо полагать, так расчищали место для Калигулы. Сын, возможно, хотел доказать своим сторонникам, что обладает качествами, приписанными Августом его отцу. Но дело не выгорело, потому что Скрибониан не смог заручиться доверием своих войск. Как только он заговорил с солдатами о восстановлении «древней свободы», то есть республики, они отказались ему повиноваться. Просто солдаты, как и население, не желали возвращения к режиму, доведшему страну до столетней междоусобной войны: как объясняет Дион Кассий, они боялись новой смуты и новых мятежей. Напротив, принципат был по душе подавляющему большинству, потому что гарантировал гражданский мир. Как выразился Тацит, люди «предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому».

Возможно, Скрибониан искренне верил в реставрацию республики, но оказался дурным психологом, не поняв, что не в интересах армии свергать режим, одной из опор которого является она сама. Когда он отдал приказ выступить в поход, рассказывает Светоний, «они никак не могли ни увенчать своих орлов, ни вырвать из земли и сдвинуть с места свои значки». Орлы и значки были не просто военными эмблемами, они были также священными предметами, которым поклонялись легионеры. Их неподвижность, после представленная как чудо, говорит главным образом об отказе солдат восстать против императорской власти. Несчастному военачальнику оставалось только сбежать и покончить с собой на острове Исса, где он нашел иллюзорное убежище. Его попытка государственного переворота продлилась не больше пяти дней. По словам Диона Кассия, она все же настолько напугала Клавдия, что тот был готов уступить власть. Не следует слишком доверять этому утверждению: уж больно хорошо оно вписывается в образ, составленный древней историографией. Плакса, которого

солдаты вытащили из-за занавески, привели к власти и удерживали там, несмотря на его трусость; что-то вроде случайного узурпатора, захваченного событиями, которыми он не в силах управлять. При всем том этот портрет, как и любая карикатура, наверняка обладает определенным сходством. В том, что Клавдий испугался, нет ничего удивительного. Принципат установил гражданский мир повсюду, кроме мирка власти, где широко практиковались политические преступления. Чему тут удивляться, если в этом болоте все боялись друг друга и стремились ужалить первыми? В этом смысле пароль, назначенный Клавдием солдатам, которые должны были арестовать виновных, довольно хорошо передает настроение главных действующих лиц: «Отразить человека, напавшего первым». Это стих из «Одиссеи» Гомера, который заговорщики, а прежде них Аппий Силан, могли бы с тем же успехом сделать своим девизом.

Бунт был подавлен быстро и без всякой жалости. Рабов подозреваемых подвергли пытке, что допускалось законом, но так же поступили и с гражданами, что было совершенно незаконно. Нам неизвестны имена всех заговорщиков и мотивы каждого из них. Скрибониан мечтал об императорском пурпуре, Виниций боялся поплатиться за свое поведение во время кризиса 41 года. Наверное, то же относится к консуларию Помпонию Секунду, которого Суиллий обвинил в оскорблении величия из-за его поступков в тот непростой год. Тем не менее не всем заговорщикам грозила опасность. Некоторых, в том числе Скрибониана, возмущало растущее влияние императорских вольноотпущенников — бывших рабов, соперничавших с двумя главными сословиями на самой вершине. Так что общей политической целью было не столько успокоиться на собственный счет, сколько избавиться от этой клики. Это видно из ответа некоего Галаисоса на вопрос Нарцисса. Этот Галаисос предстал перед сенаторским судом как подозреваемый или свидетель, будучи вольноотпущенником Скрибониана. Нарцисс спросил: «Что бы ты сделал, Галаисос, если бы правил Скрибониан?» — «Я бы стоял позади него и молчал!» — ответил тот. Вот что называется «поставить на место». Должно быть, сенаторы тайно, но с наслаждением пересказывали друг другу ответ аристократского вольноотпущенника императорскому. Мы же можем составить по нему довольно четкое представление об антипатии, которую эти «министры» внушали вельможам.

Среди обвиняемых был еще один консуларий — Цецина Пет, который остался в истории в основном благодаря мужеству его жены Аррии. Приговоренный к смерти, Пет мог избежать

конфискации имущества и позора казни, покончив с собой. Увидев, что он дрожит, Аррия, не желавшая пережить своего мужа, подала ему пример. Она первая пронзила себя мечом, а потом передала меч ему со словами, ставшими знаменитыми: «Пет, это не больно!» Осужден был также один претор, оставшийся неизвестным, а это значит, что нити заговора тянулись к самой верхушке государства.

Клавдий очень внимательно следил за судебными разбирательствами, проходившими в курии, и высказывал свое мнение, сидя среди консулов. Он явно старался повлиять на ход обсуждения, и нет никаких сомнений в том, что сенат не противился его пожеланиям. Осужденных, похоже, было довольно много, в основном это были женщины. Большую часть из них казнили в тюрьме, а их тела сволокли на ступени Гемонии. Этот мрачный обычай заключался в том, что трупы казненных крюками волокли на «лестницу стонов» (*scalae gemoniae*), спускавшуюся по склону Авентинского холма; там над ними совершала надругательство толпа, а потом их бросали в Тибр. В данном случае заговорщиков уподобили таким образом мрачному Сеяну и его сообщникам, которых описывали в воспоминаниях как злейших предателей. Однако репрессии были менее масштабными. Так, детей Сеяна казнили, несмотря на их невиновность, в том числе младшую дочь, которая была еще девочкой. В отличие от Тиберия, не препятствовавшего лицемерному усердию сенаторов, Клавдий сумел его обуздать. Дион Кассий, не симпатизировавший нашему императору, признает это мимоходом, упоминая о том, что детей осужденных не тронули, а некоторые даже получили наследство своих отцов. Сына Скрибониана даже немедленно включили в коллегию братьев-арвалов[11] вместо отца. Однако девять лет спустя он все-таки предстанет перед судом из-за того, что вместе с матерью обратился к астрологам, чтобы узнать, сколько лет отпущено императору. За такие дела обычно карали смертью, но молодого Скрибониана подвергли только изгнанию благодаря вмешательству Клавдия, которому показалось более выгодным проявить милосердие. Во всяком случае, осуждения он не пережил, хотя и неизвестно, была ли то естественная смерть или отравление.

После заговора 43 года, спровоцированного устранением Аппия Силана, убийства императорских родственников продолжились. Году в 46–47-м настал черед Помпея и его родителей Красса Фруги и Скрибонии. Нам неизвестны все обстоятельства, при которых Клавдий принял решение предать их смерти. Мы только знаем, что Помпея закололи кинжалом, когда

он находился в объятиях своего любовника. Зато побудительные причины этой чистки легко себе представить. Помпей был супругом Антонии — дочери Клавдия от брака с Элией Петиной. Таким образом, для Мессалины он был прямым конкурентом ее сына, которому едва исполнилось шесть или семь лет. Труднее понять, почему Красс Фруги и Скрибония вслед за сыном отправились в преисподнюю. В «Отыквлении божественного Клавдия» Сенека говорит о Фруги, что он «еще такой был дурак, что даже в цари бы годился»! Это означает, что, по мнению философа, этот человек был так же глуп, как и Клавдий, но возможно, что его амбиции превосходили его способности. Короче, императорская чета предпочла отправить отца, мать и сына на тот свет, чем позволить им выступить с неудачными начинаниями. Всё тот же страх, побуждающий наносить удар первым.

К концу 47 года императорская чета, беспощадно обрезав несколько ветвей родословного древа, избавилась от самых неугодных родственников и союзников. Но оставались еще три сына Эмилии Лепиды и Марка Юния Силана, один из которых, Луций, был помолвлен с Октавией. Их час еще не пробил. Будущее Луция могло даже казаться светлым благодаря своего рода страховке, которой была для него помолвка с маленькой Октавией, дочерью Клавдия и Мессалины. Просто дело в том, что в отличие от бедного Магна, имевшего несчастье жениться на дочери Клавдия от другого брака, Луций Сильван не мешал императрице. В династическом плане этот молодой человек, который, напомним, был потомком Августа, даже оказался полезен. Клавдий и Мессалина ожидали, что он укрепит своей драгоценной кровью их собственную ветвь, не бывшую основной на императорском родословном древе. Но для этого нужно дождаться, пока семилетняя Октавия достигнет брачного возраста.

Несмотря на относительный покой, первая часть правления Клавдия была отмечена еще одним громким политическим процессом — устранением Валерия Азиатика. Этот человек был галлом из Виенны, но его семья уже давно получила римское гражданство. Богач, атлет, политик, дважды бывший консулом (в 41 и 46 годах), Азиатик принадлежал к тем людям, которые в равной мере вызывают восхищение и зависть. Близкий друг Калигулы (по меньшей мере официально), он тем не менее с большой долей вероятности участвовал в заговоре 41 года, хотя его роль малоизвестна. У его измены были смягчающие обстоятельства — публичное унижение от императора, прилюдно

обсуждавшего фригидность его супруги… Но славу ему принесло поведение после убийства, когда он один вышел к разъяренной толпе, требовавшей покарать виновных, и усмирил ее. «Жаль, что это не я!» — ответил он грозным массам, требовавшим назвать имена убийц. Клавдий привлек на свою сторону эту сильную личность, что, надо полагать, произошло довольно быстро. Азиатик вместе с новым принцепсом участвовал в завоевании Британии, и его многочисленные услуги, политический вес, а также, как кажется, желание Клавдия усыпить его бдительность принесли ему должность консула в 46 году.

Усыпить бдительность и убить — проверенная тактика. Но какую опасность представлял собой этот человек для Клавдия? Если верить Тациту, то никакой. Мессалина хотела избавиться от него просто потому, что мечтала завладеть садами Лукулла, которые приобрел Азиатик. Кроме того, ей хотелось навредить женщине по имени Поппея, которая некоторое время была любовницей Азиатика, а теперь соперничала с ней за актера Мнестера. Императрица, раба своей похоти и алчности, в очередной раз подстроила ловушку, а ее дурак муж всему поверил. Вот что предлагается принять за чистую монету. Мы говорим «предлагается», потому что Тацит, как и все его собратья, пишет эзоповым языком. В сущности, древняя историография отражает почти непрекращающийся конфликт между императорами и сенаторским сословием. Но поскольку ее авторами являются как раз члены этого сословия, к ней следует относиться очень осторожно и не воспринимать буквально. Конечно же, она тенденциозна: хороший принцепс тот, кто хорошо относится к сенату и аристократии. Книги, написанные 18–20 веков назад, порой трудно постичь людям иной эпохи и культуры. Как пишет Люсьен Жерфаньон, «зачастую текст означает не то, что мы думаем, а порой даже совсем иное. Аллитерации, в которых нет ничего случайного, игра слов, заключающая в себе намек, аллюзии, смысл которых можно постичь только после долгих раздумий, вездесущие символы, которые, однако, не бросаются в глаза — по меньшей мере современному читателю. Все это вошло в привычку у греческих и римских авторов. <…> Такое впечатление, будто автор, пристально глядя в глаза своим современникам, говорит им: “Ну, вы меня понимаете…” Но его задняя мысль, от которой нас отделяют два тысячелетия, не очевидна».

Вернемся к делу Азиатика. Тацит для начала дает нам «официальную» историографическую версию: сенатор пал жертвой гадкой Мессалины, которая способна вбить в голову своему дураку мужу все что угодно. Это нормально: сенатор,

вступивший в конфликт с императором, всегда прав, особенно если он погибает. Вот вам и «ну, вы меня понимаете», обращенное к современникам с подмигиванием, которое они понимали без груда, в отличие от нас, кому приходится поднапрячься, чтобы разгадать этот ребус. Например, задуматься о том, так ли уж нужны были Мессалине сады Лукулла, когда и в императорских поместьях их было много…

Затем Тацит подбирается к мотивам ареста, которые представляет как предлог, но на самом деле они могли быть гораздо серьезнее. Обвинение, возглавляемое неизбежным Суиллием, стремилось доказать, что Азиатик готовит государственный переворот, подстрекая к бунту Рейнскую армию и некоторые галльские народности. Разве не был он одним из главных заговорщиков против Калигулы? И не похвалялся ли он этим публично, из-за чего стал знаменит? Тацит не верит в виновность Азиатика и говорит об этом, насмехаясь над Клавдием, который «не утруждая себя дальнейшим расследованием, спешно послал вместе с воинами, как если бы предстояло подавить мятеж силой оружия, префекта преторианцев Криспина, и тот, обнаружив Азиатика в Байях, заковал его и препроводил в Рим»[12]. Иначе говоря, Азиатик находился на отдыхе в приморском городке в Кампании, далеко от рейнских легионов, что говорит о его невиновности.

Что думать об этих обвинениях? Тацит не обсуждает их как таковые, просто подчеркивает, что обвиняемый был арестован далеко от Рейна и Галлии, где должен был начаться его мятеж. Однако он не отвергает их совсем, а это означает, что у мастера намеков и недосказанностей нет четкого мнения на этот счет. Другими словами, Тацит намекает на невиновность Азиатика, но слишком осторожен, чтобы заявить о ней прямо. Возможно, интуиция его не подводит, но тогда почему Азиатика устранили? Могут быть только три причины: либо Азиатик действительно готовил заговор, либо представлял собой опасность, либо его заставили расплатиться за прямое или косвенное участие в заговоре против Калигулы, причем последняя причина не исключает двух первых. Правды не узнает никто и никогда, однако некоторые предположения выглядят вероятными. Попытаемся разобраться, исходя из того, что нам известно об этом человеке.

Азиатик был аллоброгом, то есть галлом, племя которого населяло примерно нынешние департаменты Изер, Савойя и Верхняя Савойя вплоть до кантона Женева. Главные города аллоброгов Гренобль, Женева, а главное, столица Виенна, откуда был родом Азиатик, с начала принципата переживали бурный

рост. Происходя из очень богатой семьи, Азиатик обладал мощной поддержкой среди римской аристократии. В самом деле, его родители были близки родителям Клавдия, Друзу I и Антонии, когда те проживали в Галлии, и Азиатик поддерживал связи с Антонией до самой ее смерти. Этой старой приверженностью и объясняется, что Азиатик, как уже было сказано, был близким другом Калигулы — *primae admissionis*, то есть входил в ближний круг придворных, имевших доступ к принцепсу. Более того, его жена Лоллия Сатурнина, тоже очень богатая, была внучкой консула и сестрой Лоллии Паулины, недолю побывшей супругой Калигулы.

Еще не пришло то время, когда выходцы из провинций смогут облачиться в пурпур, и романизированный галл Азиатик, вероятно, не льстил себя надеждой перехватить его у Клавдия. Но как знать? Зато у столь значительного человека имелись средства, чтобы помочь амбициозному претенденту. Нельзя забывать о том, что снабжение Рейнской армии зависело от Галлии, а почти половину легионеров в то время набирали по большей части из виеннских аллоброгов. Несколькими годами раньше Калигула велел казнить нескольких знатных галлов — по всей вероятности, замешанных в заговоре 39 года, целью которого было свергнуть императора при помощи рейнских легионов. В 69 году еще один романизированный галл, Виндекс, сколотит частную армию и обратится за поддержкой к римским полководцам, чтобы свергнуть Нерона. Среди главных помощников Виндекса окажется сын Азиатика, благодаря которому Виенна примкнет к мятежу. Тот окончится провалом, но главный из участвовавших в нем полководцев, Гальба, отблагодарит Виенну, когда станет императором, отдавая ей предпочтение перед Лионом.

Как видим, вне зависимости от того, строил Азиатик какие-то планы в отношении себя или нет, он мог вызывать беспокойство своим влиянием в Галлии, объединявшей самые богатые и стратегически важные провинции. Представляемую им угрозу никак нельзя было сбрасывать со счетов из-за его участия в перевороте, стоившем жизни Калигуле. Мы, во всяком случае, точно знаем, что он публично заявил о своей солидарности с убийцами, что не могло произвести хорошего впечатления на преемника жертвы. Кстати, уж не был ли Азиатик одним из последних сенаторов, расплатившихся за свое участие в заговоре 41 года или за нарочитое его одобрение? Действительно, если принять на веру цифры, которые приводят Светоний и Сенека, Клавдий велел казнить или принудил к самоубийству 35 сенаторов и более трехсот всадников. Однако уже отмечалось, что нам известны имена лишь восемнадцати сенаторов из тридцати

пяти, и только двое из них погибли после 47 года.

Столь трудное начало царствования позволяет предположить, что самые упорные противники Калигулы не примкнули к новому государю, несмотря на обещанную амнистию. На это указывает попытка переворота 43 года, а также последовавшее за ней тайное брожение, например заговор Азиния Галла и Статилия Корвина в 46 году. Оба были внуками великих ораторов, а Галл, кроме того, являлся сводным братом Друза II, сына Тиберия. Это был не настоящий заговор, а в большей степени любительские подстрекательства, однако они нашли широкое распространение среди императорской челяди. Судьба Корвина неизвестна, Галла отправили в изгнание, но его брат Азиний Целер был казнен в 47 году по неясным причинам. Кроме того, дело Азиатика разразилось вскоре после казни двух консулариев — Лусия Сатурнина и Корнелия Лупа, причем выдвинутые против них обвинения неизвестны. Существовала ли связь между этими делами? Историография об этом ничего не говорит, но это вовсе не значит, что ее не было. Для подобной литературы характерно не связывать события такого рода, чтобы представить их проявлениями несправедливости «дурных» государей.

С этой точки зрения наш галл предстает последней крупной жертвой чистки, предпринятой с самого начала царствования. Император явно не желал предавать огласке этот процесс, а потому вел его *intra cubiculum* (буквально — «в своей спальне»), то есть лично вместе с ближайшими соратниками. Это позволяет предположить, что никаких солидных доказательств виновности не существовало, а может быть, не существовало и самой виновности, разве что участие каким-то боком в заговоре против Калигулы и потенциальная угроза. *Delator* (обвинитель) Суиллий сформулировал три пункта обвинения: подкуп солдат, прелюбодеяние с Поппеей и вялость, то есть пассивный гомосексуализм. По словам Тацита, Азиатик, услышав последнее обвинение, сухо велел Суиллию спросить своих сыновей, и те признают, что он — мужчина. Чтобы понять эту реплику, надо знать, что в тот период сексуальная мораль не столько разделяла гетеро- и гомосексуальные наклонности, сколько активное и пассивное поведение. Пассивность была уделом рабов или подчиненных вообще, с которыми господин мог обращаться как пожелает, но становилось постыдной для представителя высших сословий, над которым, по определению, нет господина. Отсюда реакция Азиатика на обвинительный акт. Он спокойно снес обвинения в подкупе и прелюбодеянии, но сразу возмутился из-за пассивной содомии. Причем не отрицая свою бисексуальность, а давая понять, что был «мужчиной» со всеми своими партнерами,

включая… сыновей своего обвинителя!

Самым тяжелым обвинением был, разумеется, подкуп солдат. Стали вызывать свидетелей, но один из военных, утверждавший, будто был сообщником Азиатика, даже не сумел его узнать: когда ему велели указать его, он показал на другого человека. Клавдий был готов оправдать Азиатика, но тут, по просьбе Мессалины, показания дал Вителлий, бывший консулом в текущем году. Словно судьба обвиняемого была уже решена, Вителлий заявил, что Азиатик просил его поддержки, чтобы получить право самому выбрать свою смерть, и лицемерно умолял императора исполнить эту последнюю волю из уважения к заслугам обвиняемого и его дружбе с императорской семьей. Тогда, убежденный в том, что Азиатик приговорил сам себя, Клавдий позволил ему покончить с собой. Отметим снова, как просто было провести этого человека. До такой степени, что стоит задаться вопросом об истинной роли консула в этом деле. Действительно, если Вителлий участвовал в устранении Азиатика, как получилось, что его сын, один из трех эфемерных императоров 69 года, найдет сторонника в лице сына Азиатика, более того, сделает его своим зятем, то есть возможным преемником?

Тем не менее одно обстоятельство не вызывает сомнений: Азиатик возбуждал слишком большую зависть среди аристократии римского или италийского происхождения. В 46 году ему пришлось отказаться от второго консульства, опасаясь недовольства, вызванного одновременно этой новой почестью и обширностью его богатств. Он поднялся слишком высоко для провинциала, а его состояние не шло ни в какое сравнение с состоянием многих сенаторов, которые не могли, как он, устраивать дорогостоящие зрелища для плебса. Это было богатство его семьи, но он приумножил его, вероятно, не вполне законным образом. Историография не углубляется в этот вопрос, но Дион Кассий упоминает о нем, говоря, что богатства Азиатика стали причиной его гибели. Это позволяет предположить, что Азиатика преследовали и за вымогательство или нечто подобное. В пользу данной гипотезы говорит тот факт, что позднее, в речи о предоставлении галлам доступа в сенат, Клавдий назовет Азиатика «вором» (*latro*).

Итак, Азиатику предложили вскрыть себе вены, что он и сделал, проделав обычные физические упражнения и осмотрев свой погребальный костер. Два всадника, братья Пётра, последовали за Азиатиком, поскольку предоставляли свой дом в распоряжение Мнестера и Поппеи. Это тоже было местью Мессалины, но на этот счет возникают сомнения, когда Тацит уточняет мотив, предъявленный обвинением. Одному из

обвиняемых якобы было видение, в котором Клавдий представал в венке из обращенных книзу колосьев или поблекших виноградных листьев, что было предвестием неурожая или близкого конца государя. Нехорошо рассказывать о таких снах, хуже только обращаться к астрологам за сведениями о здоровье императора: за это полагается смертная казнь. Мы и на этот раз не узнаем истинных причин, по которым были казнены эти два человека, но нет уверенности, что альковные дела императрицы сыграли в их гибели большую роль. Братья Петра, по меньшей мере, совершили какую-нибудь оплошность, а может быть, попросту были связаны с Азиатиком. В самом деле, трудно объяснить, почему казнили обоих братьев, тогда как мрачное видение явилось только одному. И потом, в 47 году атмосфера была нездоровой: в тот год на Клавдия было совершено три покушения — три всадника пытались его заколоть; возможно, к ним следует прибавить четвертого[13]. Они явно не были связаны ни между собой, ни с делом братьев Петра, но возможно, что это дело было серьезнее, чем дает понять Тацит.

То же рассуждение применимо к делу Азиатика, в котором, вероятно, были замешаны братья Петра. Древние авторы представляют его как последнее преступление Мессалины против сенатора перед собственным падением. Но с большей долей вероятности можно увидеть в нем последнюю битву Клавдия с оппозицией, которая так и не смирилась с его приходом к власти, а некоторые ее члены ранее были врагами Калигулы. Правда, последовавшая в скором времени кончина Мессалины и брак Клавдия с Агриппиной утишат страсти. По меньшей мере новый союз между женщиной из рода Юлиев и одним из Клавдиев упрочит, хотя бы на время, позиции и легитимность императора.

Но пока этот император, которого довольно легкомысленно представляют дураком, с помощью молодой супруги предотвратил государственный переворот, несколько покушений и ценой ряда политических убийств отсек несколько чересчур громоздких ветвей у семейного древа. Что не менее важно, неудача заговора Скрибониана доказала преданность армии принцепсу и династии. Клавдий, кстати, был так этому рад, что наделил VII и VIII легионы титулом *Claudia Pia Fidelis* («верный и преданный Клавдия»), которым хватило благопристойности не пойти за своим мятежным полководцем.

После трудных шести первых лет царствования будущее представало более спокойным.

V. Падение Мессалины

Итак, Клавдий укрепил свои позиции, отправив к праотцам опасных людей и завоевывая Британию. Внутренняя политическая ситуация как будто уладилась, и в такой благоприятной обстановке император устроил в 47 году в Риме знаменитые столетние (Вековые) игры, к которым мы еще вернемся.

Но в 48 году разразилось любопытное дело «о свадьбе Мессалины», которое окончится роковым образом для императрицы и переиначит династический расклад. Дело очень запутанное, потому что интересы главных действующих лиц трудно определить. Начнем с изложения фактов в том виде, в каком они приводятся в историографии. В тот год Мессалина влюбилась в Гая Силия, назначенного консулом на 49 год, самого красивого мужчину в Риме. Императрица делиться не любила, а потому побуждала своего любовника развестись с женой, Юнией Силаной. Силий оказался в затруднительном положении: согласиться — навлечь на себя гнев Клавдия, отказаться — погибнуть, ибо Мессалина не любит, когда ей противятся. Так что он согласился, понадеявшись, что их связь останется тайной. И потом, императрица молода, привлекательна и очень щедра к тем, кто ее удовлетворяет. Так станем же наслаждаться моментом, а там — будь что будет! Однако насчет тайны прекрасный Гай вскоре утратил всякие иллюзии: императрица настолько в него влюбилась, что не давала ему и шагу ступить, следуя за ним по пятам. И если бы только это! Хуже всего было то, что теперь она регулярно являлась к нему домой со всей своей челядью и даже начала перевозить туда кое-какую утварь из императорского дома…

Если до сих пор Тацит изображал Силия смирившимся и пассивным, то теперь наделяет его инициативой и объясняет перемену в его поведении «роковым безрассудством», а может, Силий счел, «что единственное средство против нависших опасностей — сами опасности» и «тем, кто ни в чем не повинен, благоразумие не во вред, но явные бесчинства могут найти опору лишь в дерзости». Иначе говоря, Силий оказался доведен до того, что ему стало нечего терять, зато он мог выиграть всё. Он предложил Мессалине ни много ни мало как совершить переворот: «Он не женат, бездетен, готов вступить с ней в супружество и усыновить Британника. Если они опередят Клавдия, доверчивого и беспечного, но неистового во гневе, у Мессалины сохранится прежнее могущество, но добавится безопасность».

Остановимся пока на этом. В очередной раз древние историки обвиняют Мессалину, похотливость которой породила новое зло. Мы уже поняли, что к описанию морального облика молодой императрицы надо относиться с осторожностью, поскольку оно, весьма вероятно, зависит от мемуаров ее врага Агриппины, а главное — потому что позволяет историографам выставить Клавдия доверчивым дураком и подкаблучником. Кстати, в римской историографии часто наносят удары ниже пояса. Это был обычный пропагандистский прием для дестабилизации противника. Ни один могущественный человек не был пощажен: например, Юлия Цезаря описывали как мужчину всех женщин и женщину всех мужчин, Марка Антония — как раба нимфоманки Клеопатры, Октавиана — как бабника. В период принципата огонь критики естественным образом сосредоточился на правящей семье, и в первую очередь на принцепсе. Таким образом, сексуальная распущенность сделалась одной из постоянных черт «дурного императора». Но для пользы дела женщины из императорской семьи также очень быстро стали мишенью для тех же нападок, начиная с обеих Юлий, дочери и внучки Августа, которых последний обвинил в безнравственности и отправил в изгнание. Их любовные похождения, которые древние авторы впоследствии расцветили яркими красками, послужили главным образом предлогом для суда, чтобы замаскировать куда более неприглядную реальность: эти дамы плели сети заговора в самом дворце. Август предпочел накормить общественность альковными историями, чем открыто заявить об измене собственных дочери и внучки. По разным причинам жену Калигулы Цезонию также представляли развратницей, хотя возможно, что она такой и не была. Ее попросту надо было «гармонизировать» с ее мужем-чудовищем. А для полноты картины Светоний также расскажет, что их дочь быстро начнет выказывать наследственную жестокость, тыкая пальцами в глаза своих маленьких товарищей по играм. Вот только Светоний позабыл, что бедная девочка погибла, не дожив до года: ее убили в один день с родителями…

Вернемся к Мессалине. Что конкретно мы знаем о ее поведении? В конечном счете у нее было не так уж много любовников. Помимо Силия у нее был мимолетный роман с всадником по имени Травл Монтан — красавчиком, поутру получившим отставку после не самой удачной ночи, — и связь с сенатором Плавтием Латераном. К ним нужно еще добавить вынужденного любовника — гистриона Мнестера. Поскольку тот не хотел ее, Мессалина якобы попросила Клавдия, чтобы он приказал актеру повиноваться ей, словно речь шла об услугах

иного рода. Вы, конечно, поняли, что дурак муж согласился не вникая, и это позволило ненасытной женщине вволю натешиться Мнестером. В остальном древние авторы отделываются общими словами. Светоний говорит о «беспутствах и непристойностях», Тацит — о легкости, с какой Мессалина «совершала прелюбодеяния и искала новых, еще неизведанных наслаждений», что говорит о многом и ни о чем. К этим свидетельствам можно добавить рассказ Ювенала в его «Сатирах». Мессалина якобы имела привычку уходить ночью из дворца и продавать себя в лупанарии под именем Лициски, надев белокурый парик поверх черных волос. И она якобы предавалась разврату с таким пылом, что последней из девок покидала свою каморку, когда сводник ее запирал. Остается процитировать Плиния Старшего, который, будучи натуралистом, с интересом отмечает, что эта природная сила была способна совокупляться 25 раз за сутки.

Если присмотреться, в разврате Мессалины не было ничего исключительного. В I веке новой эры среди аристократии, а может быть, и среди римского плебса процветала свобода нравов, хотя о плебсе мы знаем куда меньше. Август попытался было закрутить гайки, издав закон о прелюбодеяниях *(lex Julia de adulteriis*), по которому жену-прелюбодейку и ее любовника отправляли в изгнание, а муж или отец должен был донести на виновную. Тем не менее прелюбодеяний меньше не стало. Кстати, тот факт, что автор закона хотел принудить супруга и отца семейства заявлять о распутнице, многое говорит о их безразличии… Между прочим, этот закон применялся очень редко, хотя и обрушится со всей суровостью на обеих Юлий. Даже проституция не должна удивлять сверх меры: по закону матроны могли торговать своими прелестями, заявив об этой своей деятельности претору, а среди прожигателей жизни стало модной игрой изображать проститутку (обоего пола) в борделях, чтобы испытать новые ощущения и посмотреть, сколько клиенты согласны заплатить. Не думаю, что императрица тоже подобное испробовала, хотя это и не совсем невозможно. Но вероятнее всего, что Ювенал лишь переделал в стихи одну из многочисленных сплетен, ходивших в городе.

Вернемся к ходу событий. Мессалина получила от Силия предложение устроить переворот. Она его отвергла, «но не из любви к мужу, а вследствие опасений, как бы, завладев властью, Силий не охладел к любовнице», то есть была не настолько глупа, чтобы выпустить синицу из руки, погнавшись за журавлем в небе. Однако идея брака ее привлекла. Она воспользовалась тем, что Клавдий уехал с инспекцией в Остию (где, как мы увидим, он строил новую гавань), чтобы выйти замуж за своего любовника с

соблюдением всех обрядов. Тацит допускает, что это может показаться «сказкой». Как в городе, «всё знающем и ничего не таящем», спрашивает он, императрица могла набраться наглости, чтобы при свидетелях сочетаться браком с консулом на следующий срок, взять с него слово усыновить своих детей, выслушать предсказания, принести жертвы богам, возлечь среди пирующих и, наконец, провести ночь «в супружеской вольности»? «Но ничто мною не выдумано, чтобы поразить воображение, и я передам только то, о чем слышали старики и что они записали», — заключает историк.

Действительно, в это трудно поверить, поэтому следует сделать еще одну остановку. Факт свадьбы подтверждают Дион Кассий, Светоний и Ювенал. Последний, впрочем, расходится с Тацитом, выставляя Силия жертвой шантажа со стороны императрицы: «Вот влечется несчастный на гибель ради очей Мессалины». Эта вариация на тему «люби меня, или убью» встречается, как мы видели, и у Тацита, но затем тот подправляет партию Силия. Ничего удивительного, что Ювенал заставляет Мессалину играть злодейскую роль целиком, поскольку он беспрестанно обличает падение нравов, в особенности женских. В его 6-й Сатире показана невозможность найти ныне в Риме приличную супругу. Жанр сатиры допускает преувеличения, именно от них и смешно. Просто надо смотреть в корень, то есть отбросить тему шантажа и сосредоточиться на браке, поскольку на этот счет источники сходятся.

Прежде чем задаться вопросом о реальности этой свадьбы, следует вспомнить о том, как вступали в брак в Риме. Для начала отринем все наши ассоциации с этим словом: римский брак не был ни таинством и вечным союзом, о котором сказано в Библии, ни сложным юридическим актом из гражданского кодекса. В те времена он скорее был повседневным делом: знатный человек женился, чтобы соединиться с семьей, которая упрочит его социальное положение. Состояние супруги не играло решающей роли. Оно даже утратило свою привлекательность с развитием брака *sine manu,* когда муж мог распоряжаться только приданым жены, но не всем ее имуществом. В высших классах оно, конечно, еще имело притягательную силу, но не более, чем связи новых родственников. И вообще, брак не имел такого распространения, как можно подумать. Плебс предпочитал ему сожительство, да и знатные люди и всадники нечасто к нему прибегали. Большой свободы нравов, царившей в их сословиях, и множества служанок в доме вполне хватало для удовлетворения их либидо. Не настали еще те времена, когда сексуальные отношения хотя бы в принципе будут ограничены супружеским ложем.

Брак не был необходим и для законного отцовства. В высших классах широко практиковалось усыновление, которое зачастую предпочитали кровному родству. Только если свое имущество хотели передать биологическим потомкам, имело смысл вступить в брак. В то время родственные струны не задевали или же эти струны издавали иное звучание. Глава семьи предпочитал передать свое имущество человеку, который казался ему достойным наследником, а не своим потомкам. Отцовство по выбору превалировало над биологическим; если оба совпадали — тем лучше, в ином случае отец не колеблясь отрекался от недостойного сына в пользу приемного или другого родственника. Август без всяких душевных терзаний избавился от дочери, внучки, правнука Постума и усыновил Тиберия, не состоявшего с ним в кровном родстве, чтобы передать ему свое главное достояние — власть. Скажем попутно, что такое представление о семье определяло, как кажется, низкую рождаемость в высших классах римского общества. Зачем жениться и рожать детей, если общественный менталитет не дает преимуществ кровному потомству?

Разумеется, и развод был столь же легким и обычным делом. Сегодня мы вступаем в брак перед одним представителем государства (мэром) и разводимся перед другим (судьей). Ничего похожего не было в Риме, где брак, как и развод, был поступком частного характера, в который государство не вмешивалось. Каждый мог прогнать супруга совершенно свободно; похоже, не существовало даже установленных форм, которые надо было соблюдать, чтобы развод не был признан недействительным[14], а Цицерон (эта деталь представляет для нас особый интерес) даже задавался вопросом: не является ли сам факт повторного брака разрывом действующего союза?

Теперь нам проще понять «повторный брак» Мессалины и удивление Тацита. Заметьте, что наш автор не задается вопросом о юридической силе этой церемонии, его не волнует, могла ли Мессалина или не могла развестись с Клавдием таким образом. То есть он полагает, что она имела на это право. Ему лишь невдомек, почему главные действующие лица вообразили, что их союз останется тайным, и как это они не учли опасности, которой себя подвергали. Но есть еще одна, куда более удивительная вещь: что выгадывала Мессалина, уйдя от Клавдия? Допустим, что ее брак с Силием законен, то есть она разведена с Клавдием. Значит, Мессалина больше не императрица и не станет ею, поскольку не согласилась на переворот, который привел бы к власти ее нового мужа. И вот тут уже ничего не понятно. До сих пор линия ее поведения была простой и логичной: удержаться у

власти, чтобы передать ее сыну Британнику. Уйти значило уступить свое место другой и ее сыну, следствием чего, как мы знаем, было бы неминуемое физическое устранение Британника и самой Мессалины. Иное поведение — союз с Силием без убийства Клавдия — было, таким образом, противоречивым, непоследовательным и вообще самоубийственным. Она прекрасно знала, что, например, тихоня Агриппина стала бы опасной претенденткой на ее место. Кстати, кое-какие тревожные признаки уже появились. Незадолго до этого, в 48 году, были устроены столетние игры и троянское представление. Это было что-то вроде рыцарского турнира, на котором отпрыски знатных родов состязались в верховой езде. В них участвовали Нерон и Британник, но народ благосклоннее отнесся к Нерону, что было воспринято как предсказание. А потом по улицам понеслась молва, будто в колыбели Нерона охраняли драконы, — чистой воды сказки. Нет, это решительно был неподходящий момент для ухода!

Как же это понимать? Первый вариант: Мессалина потеряла голову от любви к Силию. «Истинный случай безумной любви», как считает Поль Вейн. Возможно. Но Мессалине вовсе незачем было выходить замуж, чтобы утолить свою страсть. Безграничная терпимость, характеризовавшая ее брак с Клавдием, предоставляла ей полную свободу при условии, что у ее романов не будет политических последствий. Тогда почему? Потому что «общественные институты, — объясняет Поль Вейн, — титулы, громкие звания супруги и мужа уходят корнями в архаику, даже регресс, когда слова, символы и титулы подменяли собой реальность: “быть” мужем, отцом, называться этим именем значило гораздо больше, чем пользоваться его выгодами, вот почему люди продолжали вступать в брак без всякой пользы. <… > Однако человечество не обречено на архаику навечно, в успокоение консервативным умам: широкое распространение сожительства среди городского населения доказывает, что архаизмы сдавали позиции в Риме, как и в нашей стране». Вообще-то мы не уверены, что брак более архаичен, чем сожительство или иной тип сексуальной связи. Нам кажется, что общественные институты, например брак, отвечают потребностям момента и меняются вместе с ними. Просто законы и обычаи всегда откликаются на эти перемены с опозданием, что порой и покрывает их налетом старины, который называют «архаикой». Но из этого следует, что сама архаика непостоянна: налетом покрывается всё, что не движется. Можем поспорить, что изобретатели брака находили архаичной ситуацию, которая ему предшествовала.

При всем том предположение, будто Мессалина воспылала желанием стать «мадам Силий», хотя вполне могла наслаждаться внебрачной связью, крайне заманчиво. По меньшей мере, оно согласуется с гипотезой о любовном безумстве. Но в это трудно поверить. Эта женщина, хотя еще и очень молодая, обладала политическим умом и сильным инстинктом самосохранения, чтобы совершить такую большую глупость. Во всяком случае, прежний ход ее жизни не предвещал подобного зигзага. Титул за титул — она не сменила бы звание супруги императора на положение супруги Силия.

Второй вариант: это был шутовской брак, выходка «золотой молодежи», ведь в историографии имеется несколько подобных примеров. (Вспомним хотя бы о плясках Юлии Старшей у подножия статуи сатира Марсия.) Несколько признаков указывают на то, что это был фарс, главным образом усыновление детей Мессалины. В первое время Силий предлагал усыновить Британника, и только Британника, чтобы сделать его своим преемником на посту императора, когда сам займет место Клавдия. Естественно, усыновление могло произойти только после переворота, то есть после физического устранения Клавдия. И по одной простой причине: Британнику было шесть лет, он являлся *alieni juris* (лицом чужого права), то есть находился под властью своего отца, и лишь отец мог дать разрешение на его усыновление. То есть об усыновлении Британника при жизни Клавдия не могло быть и речи: тот непременно бы этому воспротивился. Зато после устранения отца мальчик перейдет под власть выбранного опекуна, который на это согласится. Тацит не уточняет таких подробностей, потому что это само собой разумеется. Кстати, он довольно тщательно подбирает слова, чтобы всё само собой разумелось: так, использует глагол *adoptare*, который в юриспруденции применяется именно к усыновлению «лиц чужого права», как маленький Британник[15].

До сих пор всё предельно ясно. Но стоит подобраться к церемонии, как история с усыновлением усложняется. Тациту, напомним, кажется «сказкой», что консул посмел соединиться с женой принцепса, «созвав свидетелей для подписания их брачного договора», *словно чтобы узаконить признание детей.* Проблема в том, что слова, выделенные нами курсивом, не так ясны, как кажется. Возникают два вопроса. Во-первых, «узаконить признание» — перевод глагола *suscipere,* который буквально означает «поднять»: на юридическом языке он означает жест, каким отец признаёт младенца своим, поднимая его, взяв на руки, но не усыновление уже подросшего ребенка. То есть речь уже не об усыновлении, а о признании. И не одного только

Британника, а «детей», что есть второй вопрос. В целом складывается такое впечатление, что в день свадьбы Силий не усыновляет Британника, а признаёт себя биологическим отцом этого мальчика и его сестры Октавии. Однако это могло быть только шуткой.

Далее Тацит сообщает о еще более странных вещах:

«А между тем Мессалина, разнузданная более чем когда-либо, ссылаясь на осеннюю пору, устроила во дворце представление, изображавшее сбор винограда. Его выжимали в давильнях, в чаны струилось сусло, и женщины, облачившись в звериные шкуры, тут же плясали и прыгали как приносящие жертвы и исступленные вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами, размахивая тирсом, и рядом с нею увитый плющом Силий, оба в котурнах, закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору».

Эти точные детали напоминают то, что нам известно о вакханалиях. Тем более что описываемые увеселения происходили в «осеннюю пору», в период *feriae vindemiales* (праздник сбора винограда), который заканчивался жертвоприношением Либеру — старому божеству латинян, уподобляемому Вакху. Известно, что в первые три века новой эры в Римской империи получили большое развитие вакхические братства и, по словам специалистов, в период сбора винограда могли устраивать мистерии, длившиеся несколько дней. С этой точки зрения свадьба Мессалины и последовавший за ней праздник — одна и та же вакханалия, растянувшаяся на несколько дней и совмещенная со спектаклем о сборе винограда, какие устраивали во время *vindemiales*.

Добавим, что в мистериях часто говорилось об иерогамии, то есть браке чествуемого божества, — вот вам и объяснение свадьбы Мессалины и Силия. Вовсе не обязательно, чтобы молодая женщина устроила настоящую вакханалию. Мы больше склонны предположить, что остроумная компания лишь подражала этим религиозным обрядам, причем Силий выступал в роли Диониса (Вакха), а Мессалина — в роли Ариадны. Таким образом, то была комедия о свадьбе, разыгранная двумя любовниками, которые устроили пародию на обряд по случаю одновременного празднования вакханалий и сбора винограда. Нелишне даже задуматься о том, не дал ли Клавдий своего разрешения на это, прежде чем отправиться в Остию. В самом деле, Светоний рассказывает:

«И уже всякое вероятие превосходит то, что на свадьбе Мессалины с ее любовником Силием он сам был в числе свидетелей, подписавших брачный договор: его убедили, будто

это нарочно разыграно, чтобы отвратить и перенести на другого угрозу опасности, возвещенную ему какими-то знаменьями».

Хотя Светоний часто выставляет Клавдия дураком, он не верит, что тот был способен проглотить столь грубую ложь. Однако слухи часто бывают извращенной истиной. Очень возможно, что император разрешил Мессалине участвовать в этих празднествах, которые, напомним, проходили у Силия, а молва затем превратила это в согласие на так называемую свадьбу.

Мы подошли ко второму акту, когда на сцену выходят вольноотпущенники. Согласно Тациту, их встревожил тот оборот, который приняли отношения между Силием и Мессалиной. Государственный переворот мог лишить их высокого положения. Дион Кассий, хотя и не столь словоохотливый, как его собрат, сообщает нам важные сведения: Мессалина недавно добилась казни одного из вольноотпущенников — Полибия. Он не говорит, почему, но можно предположить, что отношения между императрицей и «министрами» испортились. Наиболее вероятна гипотеза о том, что Клавдий и Мессалина стремились сблизиться с сенатом после чистки первых лет царствования. Силий, назначенный консулом на 49 год, наверняка являлся для них одной из главных опор, так что любовь, возможно, была не единственным чувством, толкавшим императрицу в его объятия… Началась борьба за влияние, стоившая жизни Полибию.

Ничего удивительного, что его коллеги стали опасаться за свою. Однако они пока не знали, как им быть. «Сначала Каллист, о котором я рассказал в связи с умерщвлением Гая Цезаря, Нарцисс, подстроивший расправу над Аппием, и Паллант, пользовавшийся в то время величайшим благоволением принцепса, подумывали о том, не отвлечь ли безыменными угрозами Мессалину от любви к Силию, ограничившись только этим и умалчивая обо всем остальном», — сообщает Тацит. То есть в первое время они попросту хотели лишить Силия поддержки императрицы. Потому что боялись они именно его: «Пока ложе принцепса осквернял лицедей [Мнестер], это, конечно, было постыдно, но не существовало угрозы роковых потрясений; но теперь его место занял знатный молодой человек, которому прекрасная внешность, сила духа и предстоящее консульство внушают надежды на осуществление дерзновеннейших замыслов: ведь ни для кого не тайна, что должно последовать за подобным бракосочетанием». Хотя Тацит не говорит этого открыто, он считает, что Силий манипулировал Мессалиной. Вольноотпущенники же намеревались отвратить ее от него угрозами и «умолчать об остальном», то есть скрыть от Клавдия, что она, пусть невольно, была замешана в планы своего

любовника.

Потом они передумали. Риск слишком велик. Неизвестно, как она к этому отнесется. Лучше действовать быстро, пока императрица ни о чем не догадывается, и разом избавиться от нее и ее любовника. Эти трое составили план, чтобы доказать Клавдию участие его жены в заговоре Силия. Они заручились соучастием Кальпурнии и Клеопатры — двух куртизанок, которых высоко ценил принцепс, — и поручили им сделать донос. Обе женщины отправились к Клавдию в Остию вместе с Нарциссом: тот отныне возьмет на себя руководство операцией, которая приведет к падению императрицы.

На первом этапе превосходно умащенная Кальпурния припала к коленям Клавдия и сообщила ему о «свадьбе» Мессалины и Силия. По просьбе императора Клеопатра, дожидавшаяся стоя, подтвердила ее слова кивком. Тогда Кальпурния попросила Клавдия призвать Нарцисса. Тот вошел и попросил прощения за то, что скрывал от императора многочисленных любовников Мессалины, ведь это все не имело последствий. Зато о недавнем браке Силия известно всем: это произошло на глазах у армии, сената и народа, «и, если ты не станешь немедленно действовать, супруг Мессалины овладеет Римом». Клавдий тотчас созвал свое ближайшее окружение, которое побуждало его отправиться в лагерь преторианцев, чтобы обеспечить свою безопасность и убедиться в их преданности. Разумеется, Тацит показывает его перепуганным, беспрестанно спрашивающим по дороге, ему ли еще принадлежит власть или Силий уже завладел императорским пурпуром.

Следующий этап не был срежиссирован и требовал импровизации. Но Нарцисс оказался мастером. В первую очередь нужно сохранить контроль над преторианской гвардией — единственной воинской частью, находящейся в Италии и тем более в Риме, где главная ставка будет разыграна через несколько часов. Однако Гета, один из двух префектов претория, не внушал доверия Нарциссу. Тогда вольноотпущенник добился от Клавдия предоставления ему военных полномочий на один день. Он еще не был уверен в успехе. Его тревожило окружение Клавдия, в частности Вителлий, назначенный консулом на этот год, и Ларг Цецина, разделявший консульство с императором в 42 году. К тому же сам Клавдий выглядел нерешительным: он то заговаривал о распутстве Мессалины, то вспоминал о счастливых моментах их брака и двух малолетних детях. Но больше всего Нарцисса раздражали неоднократно повторяемые двусмысленные слова Вителлия: «Какая дерзость! Какое преступление!» Ну в самом деле, что он хочет этим сказать? Кто преступник? Пусть

назовет! Ничего не поделаешь, тот не желает объясниться. А из Цецины и вовсе слова не вытянешь. Из этого рассказа можно сделать вывод, что эти двое явно не были убеждены в виновности Мессалины и не хотели подставляться. Они могли бы даже переубедить Клавдия, но Нарцисс не оставлял его с ними наедине и исхитрился сесть с ними в одну повозку.

Самое сложное впереди, ибо Мессалину предупредили о приезде императора, и она была готова защищаться. Она еще находилась у Силия, когда вакханалия закончилась криком «спасайся, кто может». Гости разбежались, Силий отправился на форум — исполнять свои обязанности как ни в чем не бывало, а Мессалина удалилась в свои сады. Она понимала, что надо действовать на опережение: преторианцы уже отлавливали на улицах ее гостей, даже Силия задержали. Ее единственный шанс — немедленно отправиться навстречу Клавдию и объясниться. Перед этим она распорядилась, чтобы слуги привели детей, дабы они бросились в объятия отца, и упросила старейшую из весталок, Вибидию, попасться на глаза Клавдию и попросить о беседе с ним.

Затем она с тремя служанками побежала по улицам и в конце концов нашла телегу, на которой вывозили мусор. Она вдруг осталась одна. Вероятно, слуги, которых она призвала во дворец, куда-то скрылись. Можно предположить, что Паллант и Каллист не сидели сложа руки и создали вакуум вокруг императрицы. Во всяком случае, она увидела Клавдия только издали, потому что ее случайный экипаж застрял на дороге в Остию. Детей тоже не подпустили к отцу. Оставалась Вибидия. Это была священная особа, к которой нельзя было прикасаться под страхом смерти. Нарцисс ее принял, надо полагать, в присутствии Клавдия. Старая жрица перешла сразу к сути: супругу нельзя казнить, не выслушав слов в ее защиту. Ей ответили, что Мессалину выслушают, и отправили исполнять свои священные обязанности. Весталка не добилась немедленной встречи супругов, которая одна лишь и могла изменить положение. Последняя карта Мессалины оказалась бита. Она погибла.

Нарцисс сталкивался и не с такими препятствиями. Он мастерски провел третий, последний акт. Будучи хорошим психологом, он привел Клавдия на «место преступления» — в дом Силия, где тот увидел ценные вещи, принадлежавшие императорской семье, как будто Мессалина уже перевезла туда это имущество в качестве своего приданого. При виде этих вещей принцепс страшно разгневался. Вольноотпущенник воспользовался его настроением и пригласил отправиться в лагерь преторианцев, где держат виновных. Суд был скорым.

Силий даже не пытался оправдаться, он попросил ускорить его смерть, и его волю тотчас исполнили. Казнили также сенатора Юнка Вергилиана и нескольких всадников, в том числе Декрия Кальпурниана, начальника пожарной стражи.

Только Мнестер сумел вызвать к себе жалость Клавдия. Лицедей показал свою спину, покрытую кровоподтеками, чтобы напомнить, что именно он, Клавдий, заставил его повиноваться Мессалине. Если он и согрешил, то по принуждению. Но вольноотпущенники доказали императору, что он не может отправить на смерть сенаторов и всадников, пощадив при этом лицедея. Тогда Клавдий решился казнить и его.

Оставалась Мессалина. Она вернулась в свои сады. Вечером Клавдий пировал. Время, хорошая еда и вино утишили его гнев — к большой досаде Нарцисса, ибо Клавдий велел передать «несчастной», чтобы она явилась на следующий день представить свои оправдания. «Несчастной»! Услышав это слово, министр понял, что если ничего не предпринять, завтра в роли обвиняемого окажется он сам. Тогда он принял меры. Мессалина должна умереть прямо сейчас, до наступления ночи и «воспоминаний о брачном ложе». Нарцисс вышел и именем императора приказал центурионам и трибуну, находившимся во дворце, умертвить Мессалину. Когда те пришли в сад, то застали императрицу с ее матерью Лепидой. Молодая женщина знала, что означает их появление. Она схватила кинжал, но не решалась вонзить его себе в грудь. Тогда это сделал трибун. Мессалина скончалась в своих садах — знаменитых садах Лукулла, которые она присвоила после смерти Азиатика.

Клавдию сообщили о смерти жены, не уточнив, было ли то самоубийство или убийство. Да он и не стал расспрашивать и велел подать себе еще вина.

По решению сената Мессалину подвергли *damnatio memoriae* — «осуждению памяти», которое заключалось в символическом уничтожении всего, что может напомнить о ней: ее имя сбили с памятников, вымарали из официальных документов, ее статуи уничтожили. Страшной мегеры чурались даже мертвой.

Не знаем, была ли она страшной мегерой в большей степени, чем женщины из дома Юлиев — Клавдиев. Во всяком случае, не более опасной, чем придворные лисы. Вся ее вина заключалась в том, что ей не удалось обмануть других своей игрой, какой были ее отношения с Силием. Ведь это была именно игра, хотя в ней и присутствовала любовь. Уже говорилось, что интересы главных действующих лиц не вполне ясны. Древняя историография часто спутывает карты, когда хочет преподнести нам истину: в данном случае о дураке-императоре, обманутом распутницей, которому,

однако, услужили хитрые и бесчестные люди. Однако она преподносит и детали, служащие ключом к шифру, которыми современники, разумеется, пользовались с большей легкостью, чем мы, читающие эти тексты 20 веков спустя.

Попробуем все же разложить этот пасьянс. Силий и Мессалина имели общие интересы, выходившие за рамки спальни. Нужно было сблизить императора с сенатом после чистки в начале царствования. Эту цель они, разумеется, разделяли с Клавдием, который назначил Силия консулом на 49 год и не особо переживал из-за внебрачной связи между его супругой и его же политическим союзником. В то время у обманутых мужей не вырастали рога и на дуэли из-за этого никто не дрался. Подала ли дружба с императрицей Силию идею о том, чтобы самому стать императором? Возможно. Во всяком случае, Мессалина отказалась, потому что ей было невыгодно рисковать своим положением ради человека, который, вероятно, не сможет ей его вернуть. Эта женщина даже влюбленной сохраняла голову на плечах.

Кроме того, ей самой требовалась прочная опора в сенате по личным причинам: побить карту сторонников Агриппины и ее сына Нерона. Не надо забывать, что женщина из императорского дома не правила; в лучшем случае, став императрицей, она оказывала определенное влияние на своего мужа. Но эти женщины считали, что их жизнь удалась, если сажали на трон своего сына. Таким образом, отношения между Мессалиной и Силием следует поместить в контекст подковерной борьбы за наследование власти. Точно так же и Агриппина выбирала себе любовников, исходя из их политического веса; кстати, ее брат Калигула отправил ее в ссылку именно за это.

Силий, несомненно, назначил цену за свою поддержку. Он хотел получить что-то взамен. Но что? Пурпур? Не думаем; по меньшей мере не сразу, мы к этому еще вернемся. Возможно, опалу вольноотпущенников. Политика примирения могла означать конец всему для этих людей, устроителей политических процессов в начале царствования. На наш взгляд, Силий и его друзья хотели устранить не Клавдия, а его министров, чтобы приобрести большее влияние. Доказательством этому служит большое количество всадников, казненных вместе с Силием. Всадническое сословие было вынуждено уступить перед вольноотпущенниками, которые занимали высокие посты в центральной и провинциальной администрации, хотя на них претендовали всадники. Тогда сделка, возможно, выглядела так: Силий с друзьями поддерживают Мессалину против ее соперниц, в особенности Агриппины, в обмен на ее помощь против

дворцовых вольноотпущенников. Устранение Полибия, произошедшее в конце 47-го или начале 48 года, в котором императрица сыграла решающую роль, — еще одна подсказка в пользу этой гипотезы. Однако тем самым Мессалина превратила своих бывших союзников в грозных врагов.

Наверняка подумали и о том, что будет после Клавдия. В 48 году императору было 57 лет — по тем временам преклонный возраст. Мессалине же было нужно, чтобы он непременно дожил до той поры, когда Британник станет достаточно взрослым, чтобы его сменить. Мальчику, однако, еще не исполнилось и семи лет. Продержится ли Клавдий необходимые 15 лет? А если, к несчастью, он скончается слишком рано, что станется с ее сыном? Не предпочтут ли ему Нерона, который на три года и несколько месяцев старше? Разве не обошел Калигула своего двоюродного брата Гемелла из-за благоприятной разницы в возрасте? То есть нужно предусмотреть «регентство», пока Британник не сможет править, но Клавдий, в отличие от Августа, до сих пор никого не назначал для столь ответственного дела. Можно представить, что Мессалина и Силий сговорились побудить его к этому. Если следовать этой гипотезе, их идея заключалась в возобновлении системы, созданной Августом: тот усыновил Тиберия, который одновременно усыновил Германика, чтобы в конечном итоге власть осталась в руках потомков Августа. Это, кстати, сработало, потому что, хотя Германии и умер до срока, его сын Калигула все-таки наследовал Тиберию. Таким образом, Мессалина должна использовать свое влияние на мужа, чтобы он сделал Силия своим наследником при условии усыновления затем Британника.

В целом «свадьба» Мессалины, намеки на усыновление Силием детей императрицы или отвергнутое предложение устроить переворот — не что иное, как искаженное отражение реальности. Искаженное — потому что эта реальность могла приукрасить тех, кого надо было вывалять в грязи.

До сих пор императрица играла хорошо. Она добилась развода своего любовника — конечно, не из ревности, а во избежание появления законных детей, которых он мог бы предпочесть Британнику. Она заручилась его поддержкой и поддержкой его друзей в сенате против сторонников Агриппины. Силий же в залог получил казнь Полибия. Априори, никто еще никого не одурачил, но они оба окажутся одурачены вольноотпущенниками. Ибо устранение Полибия заставило министров быть начеку. Имея своими противниками столь закаленных людей, нельзя было совершать ошибок. А Мессалина с Силием поступили неосторожно, сделав свою связь слишком явной. Еще раз повторим: само по себе прелюбодеяние грехом не

считалось, то был век широких взглядов. Но когда императрица публично водит дружбу с высокопоставленным деятелем, это превращается в политическую угрозу для императора. Ибо при режиме, где не существует четких правил передачи власти, любое двусмысленное поведение неизбежно вызывает подозрения, а зачастую гибель.

Никакой свадьбы не было, была светская *garden-party* (вечеринка в саду), которую неверно истолковали. Придать празднику форму вакханалии было, на наш взгляд, грубейшей ошибкой. Надо помнить, что вакханалии в коллективной памяти римлян были гигантскими эротико-политическими оргиями, потрясшими республику в 186 году до н. э. Потом началась волна судебных процессов, затронувших около семи тысяч человек, многие из которых были заключены в тюрьму или казнены. На самом деле сенат был не столько обеспокоен сексуальной распущенностью сектантов, сколько обширным заговором против власти Рима над Италией, которому вакхическая секта служила ширмой. Теперь становится видно, как враги Мессалины и Силия могли обернуть в свою пользу вакханалию, устроенную консулом и императрицей, состоявшими в тесной связи. Всегда надо остерегаться поступков с символическим значением. Юлия Старшая, устраивавшая ночные вылазки к статуе Марсия, узнала это на своем горьком опыте. Когда ты дочь Августа, нельзя танцевать с молодыми людьми из знатных семей вокруг изображения сатира, традиционно символизирующего республиканскую вольность; к тому же сатир, согласно мифу, позволил себе бросить вызов на музыкальном состязании самому Аполлону — богу-покровителю Августа! Вот так! Когда ты жена Клавдия, не стоит играть жену Вакха, если Вакха играет консул…

Вот, как нам кажется, и вся суть этого дела. Дворцовые лисы выжидали, пока их противники не наделают ошибок: нескрываемая связь, перевоз утвари, вакханалия… Мессалина и Силий были слишком уверены в себе. Ее любил и слушался Клавдий, он был его новым политическим союзником. Хотя оба были умны, но в конце концов повели себя как павлины, и лисы их сожрали. Такова мораль этой басни.

VI. Агриппина

После смерти Мессалины Клавдий поклялся перед преторианцами, что больше никогда не женится — так ему не везет с супругами, «а если не устоит, то пусть они заколют его своими руками». Гвардия любезно не припомнила ему эти слова, когда он женился в начале следующего года…

Испив чашу стыда, надо было подумать о политике. Но так ли уж было необходимо вступать в брак? Клавдий мог бы и сдержать слово. В конце концов, Тиберий, который был дважды женат, прежде чем стал императором, на протяжении всего своего царствования прекрасно обходился без жены. Правда, женщины из императорского дома достаточно отравили ему жизнь и до, и после прихода к власти, так что он не испытывал желания взять одну из них в собственный дом. Клавдий же рассудил иначе. Не потому, что он, как утверждает Тацит, не выносил безбрачного существования и подпадал под власть каждой своей супруги. Императору, разумеется, не было никакой необходимости жениться, чтобы удовлетворять свои сексуальные потребности. Зато он должен был это сделать, чтобы укрепить свои позиции, ослабленные делом Мессалины. Напомним, что императрица в своем падении увлекла за собой нескольких высокопоставленных людей, породив, таким образом, очередной кризис в тот самый момент, когда в отношениях между императором и правящим классом, казалось, наступал период разрядки.

Скорее всего, Клавдий решил, что во избежание политической катастрофы ему нужно срочно обзавестись новыми союзниками вместо недавно утраченных, а хорошо устроенный брак ему бы в этом помог. Выбор счастливой избранницы стал предметом долгих обсуждений. У вольноотпущенников были свои кандидатки. Каллист склонялся в пользу Лоллии Паулины. Эта дама некоторое время побыла супругой Калигулы, пока ее не прогнали — вероятно, потому, что она не рожала детей. Кстати, детьми она так и не обзавелась, благодаря чему, по словам Каллиста, она была бы свободна от всякой ревности и заменила бы приемным детям мать. Добавим, что она принадлежала к семье консулария и, что тоже неплохо, обладала огромным состоянием. Плиний Старший рассказывает, что видел ее на простом пиру по случаю помолвки, увешанную изумрудами и жемчугом на 40 миллионов сестерциев. Паулина немного тщеславно уточняла всем и каждому, что ее побрякушки — не подарок императора, она купила их на собственные деньги и может доказать это, предъявив счета.

Нарцисс предлагал Элию Петину, с которой мы уже встречались: напомним, что Клавдий был на ней женат, но развелся после падения Сеяна, с которым она состояла в родстве. Преимуществом Петины было то, что она являлась матерью Антонии — дочери Клавдия. Других детей у нее не было, а потому она наверняка не станет злой мачехой для Британника и Октавии. Не было ли у министра, предлагавшего возобновить прежний союз, какой-нибудь задней мысли? Весьма возможно, если принять во внимание еще одно обстоятельство. Эта Антония, которую мы покинули вдовой Гнея Помпея, убитого по приказу императора, к тому моменту вышла замуж за некоего Фавста Корнелия Суллу. Весьма вероятно, что Нарцисс намеревался сделать этого человека преемником Клавдия, чтобы потом передать власть Британнику по известной нам схеме. У этого человека было два преимущества: знатное происхождение и отсутствие отваги; последнее помешало бы ему не сдержать слово.

Однако победил Паллант, убедив Клавдия жениться на Агриппине. И на сей раз Тацит приводит истинную причину этого брака: поставить рядом с Клавдием внука популярнейшего Германика, будущего Нерона: «вполне достойно императорского семейства присоединить этого отпрыска знатного рода к потомкам Юлиев и Клавдиев». Совсем другое дело, не то что вульгарное брожение гормонов, о котором историк говорил вначале. Клавдию требовалось укрепить свою легитимность, поколебленную падением Мессалины, соединившись с могущественной семьей, поэтому он выбрал самую славную — в лице Агриппины. Мы уже говорили о первостепенной роли генеалогии в легитимности членов дома Юлиев — Клавдиев. Рассмотрим снова этот момент, чтобы лучше понять выбор Клавдия.

Во-первых, при выборе между Юлием и Клавдием римляне потянутся сердцем к Юлию: непопулярность «чистокровного» Клавдия Тиберия во многом основывалась на этом различии.

Во-вторых, поскольку у Августа не было сына, а только дочь, прямой ветви Юлиев по мужской линии не существует, только женская ветвь, давшая многочисленные отростки. У Августа была также сестра Октавия, от которой тянутся боковые ветви. Таким образом, есть Юлии по прямой линии, происходящие от Августа через женщин, и Юлии по боковой линии, происходящие от сестры Августа[16], причем каждый отросток этих ветвей либо родствен Клавдиям, либо нет.

В-третьих, из второго пункта вытекает, что мужчины из рода Юлиев — Клавдиев занимали место в иерархии в зависимости от

того, кем была их мать. Лучше, если она «чистокровная» Юлия, передающая кровь Августа, а не «побочная» — от Октавии. Именно этой разницей можно объяснить, почему Калигула выиграл в споре за общественное признание у своего двоюродного брата Гемелла. Естественно, такое понятие иерархии нельзя воспринимать буквально: поскольку официально монархии не существовало, не было и династии, а следовательно, и династического порядка. Де-юре принцепсом мог стать кто угодно. Вот только легальность — это одно, а легитимность — совсем другое. А легитимность, то есть чувство, главенствовавшее в народе, в то время устанавливала именно такой порядок предпочтения, хотя и не требовала его непременного соблюдения.

В-четвертых, Клавдий, мать которого была Юлией из боковой ветви, являлся лишь боковым отпрыском рода Юлиев — Клавдиев, и его брак с Мессалиной не повысил его статус, поскольку она сама происходила от боковой ветви Юлиев — Клавдиев.

В-пятых, его сын Британник оказался в таком же положении, поскольку его мать принадлежала к боковой ветви.

Если поместить выбор Агриппины в генеалогический контекст, дело обретает совсем иной смысл. Представитель боковой ветви Юлиев — Клавдиев хотел укрепить свою легитимность с помощью Юлии из прямой ветви. А Агриппина II была Юлией вдвойне: по своей матери Агриппине I она происходила от Августа и приходилась ему правнучкой, но она была также и дочерью Германика, который даже после смерти не утратил любви римского народа. Напомним, что этот человек был обязан своей невероятной популярностью истории своей жизни, эпопее своего отца Друза и, конечно же, браку с Агриппиной I. Всё это заставляло забыть о том, что он происходил из боковой ветви Юлиев — Клавдиев. Последствием народной любви к Германику было то, что, несмотря на существование нескольких побегов от прямой ветви Юлиев, самым легитимным считалось потомство Агриппины I.

Женившись на Агриппине Младшей, Клавдий впитывал прекрасный сок древа Юлиев — Клавдиев, но этот сок мог отравить его собственную ветвь. Действительно, Агриппина попадет во дворец не одна, а со своим единственным сыном — будущим Нероном. Кошмар Мессалины готов был полностью сбыться: ее заменила самая славная из представительниц рода Августа, и теперь она будет проталкивать наверх своего сына, который наверняка затмит бедного Британника. Луций Домиций Агенобарб был старше, и кровь его была голубее, поскольку он получил ее не только от матери. По отцу юный Луций происходил

от Октавии, а потому был связан с боковой ветвью Юлиев и одновременно с древним патрицианским родом Домициев Агенобарбов, из которого вышли семь консулов, два цензора и один триумфатор. Подведем итог: Юлий по прямой линии через мать, Юлий по боковой линии через отца, внук Германика, да к тому же Домиций. В общем, Луций выглядел самым славным отпрыском императорского дома.

Однако на пути честолюбивых устремлений Агриппины возникло одно препятствие: она приходилась Клавдию племянницей, а брак между столь близкими родственниками был запрещен законом. Но, как мы уже видели, закон, даже божественный, — что дышло, особенно когда на кону интересы государства. Храбрый Вителлий, добившийся чести разуть Мессалину и поцеловать ее сандалию, теперь счел уместным выслужиться перед Агриппиной. Он был тогда цензором наряду с Клавдием и воспользовался этой престижной должностью (заключавшейся в том числе и в надзоре за общественной моралью), чтобы выступить в сенате с речью в пользу этого брака. У Агриппины были сторонники в сенате, и уж во всяком случае сенаторы не имели ни малейшего намерения идти ей наперекор. Нашлись люди, организовавшие «стихийную демонстрацию», чтобы убедить Клавдия в том, что закон на его стороне, и сказать, что если он не хочет, его заставят. Разыграть эту комедию оказалось тем проще, что столичный люд благоволил Агриппине и ее сыну. Тогда Клавдий охотно поддался на любезные уговоры, вошел в сенат и получил от него сенатусконсульт, разрешающий в будущем заключать браки между дядей и племянницей.

Свадьбу сыграли в январе 49 года. Агриппина добилась положения, необходимого для осуществления ее цели — сделать своего дорогого маленького Луция будущим императором. Естественно, путь к этой цели был еще долог и полон препятствий в виде неугодных лиц, так что новая императрица немедленно принялась его расчищать. Незадолго до свадьбы она уже выкорчевала один пень — Луция Юния Силана, с которым мы познакомились, когда Клавдий пообещал ему в жены маленькую Октавию. Этот человек был Юлием по прямой линии, то есть грозным конкурентом, хотя и занимал в иерархии место пониже, происходя от Юлии II, а не от Агриппины I. Тем не менее, когда он женится и станет отцом детей, которых ему родит Октавия, его позиции сделаются не в пример сильнее. Девочка, родившаяся около 39 года, еще не достигла половой зрелости, но Агриппина умела упреждать удар.

Она снова спустила с цепи Вителлия, своего сторожевого пса. У Силана была очаровательная бесстыдница-сестра, Юния

Кальвина, которая, кстати, одно время приходилась Вителлию снохой. Тому пришла в голову мысль обвинить их в инцесте, из чего можно заключить, что брак его сына с прекрасной Юнией был расторгнут именно из-за этого непотребства. Пользуясь своим положением цензора, Вителлий сделал отметку (*nota*) против имени Силана. Цензорские отметки в списке граждан были суждениями о их нравственности и обличали пороки или недостойное поведение тех или иных сенаторов или всадников. Инкриминируемые им факты не обязательно были уголовными преступлениями, чаще всего речь шла о безнравственных поступках, но этого было достаточно, чтобы человека заклеймили позором. В буквальном смысле *ignominia* значит «против имени»: имена граждан заносили в списки, цензор, сделавший отметку на полях против того или иного имени, вычеркивал его. Это значило, что провинившийся отныне принадлежит к более низкому сословию. С помощью именно такого приема сенатор Силан был вычеркнут из сенаторского альбума, а кроме того, ему пришлось отказаться от квестуры, которую он получил в том году. Естественно, Клавдий сразу же разорвал помолвку, и несчастный молодой человек покончил с собой в самый день свадьбы Агриппины. Что до его сестры Кальвины, то ее выслали из Италии, куда она вернется только после смерти своей недоброжелательницы.

Опасалась Агриппина и Лоллии Паулины, владелицы дорогих украшений. Ее богатство, знатное происхождение, благодаря которому она состояла в родстве со славными родами, сделали ее достойной супругой для императора Калигулы; предназначали ее и Клавдию. Надо было срочно устранить конкурентку, которая бы при случае могла вступить в борьбу. Императрица подговорила одного delator[17], который сфабриковал обвинение: молодой женщине вменялось в вину, иго она советовалась с астрологами по поводу будущности брака Клавдия с Агриппиной. Попытаться узнать будущее принцепса было деянием, наказуемым смертью. В данном случае речь шла не о жизни Клавдия, а о его браке, чем, возможно, и объясняется, что сенаторский суд приговорил Лоллию только к изгнанию. Император лично выступил в прениях, чтобы потребовать только такого наказания, сопровождающегося конфискацией имущества. Очевидно, что огромное состояние обвиняемой представляло больший интерес, чем ее смерть. Лоллию отправили на остров, выдав ей жалкие пять миллионов сестерциев, на которые расщедрился Клавдий. Еще вчера одни только ее украшения стоили сорок миллионов… Но и этого было слишком много в сравнении со сроком, какой ей оставалось прожить. Агриппина всегда завершала начатое. Вскоре

к изгнаннице явился трибун[18] и попросил ее покончить с собой. Дион Кассий рассказывает, что когда трибун принес Агриппине голову Лоллии, плохо перенесшую дорогу, та не смогла ее узнать и раскрыла ей рог, чтобы взглянуть на зубы…

Императрица с таким тщанием выпалывала ростки угрозы, что попасться ей под горячую руку не составляло большого труда. Некая Кальпурния узнала это на собственном горьком опыте. Эта высокопоставленная дама имела несчастье удостоиться комплимента Клавдия по поводу своей красоты. Похоже, что между ними не существовало связи и комплимент был попросту обронен в ходе беседы. Однако кое-кто его расслышал. Молодая женщина отделалась изгнанием, предлог к ее осуждению остался неизвестен. Как бы то ни было, Агриппина, надо полагать, не считала ее слишком опасной, поскольку сохранила ей жизнь. Как и Юнию Кальвину, Кальпурнию помилует Нерон после смерти своей матери.

Как видим, Агриппина долго не раскачивалась. Только в год своей свадьбы она устранила уже четырех человек. А будут и другие.

Расчищая дорогу своему сыну, Агриппина попутно убеждала Клавдия его усыновить. В этом ей помогал Паллант, которого, как говорят, она сделала своим любовником. По словам Тацита, аргументы вольноотпущенника основывались на прецедентах, созданных Августом, который опирался на своих приемных сыновей — Агриппу, потом Тиберия, несмотря на существование внуков. Не самая удачная параллель — и это мягко сказано. Август действительно хотел, чтобы ему наследовал Агриппа, если он умрет прежде совершеннолетия своих внуков Гая и Луция. Вот только Агриппа был их отцом, а потому являлся для них более надежной опорой, чем Луций для Британника!.. Что касается Тиберия, выбранного, в общем-то, из-за несвоевременной кончины Агриппы, то у Августа к тому моменту не оставалось других вариантов: Гай и Луций умерли до срока, а Постум, родившийся после кончины своего отца Агриппы, считался неспособным к правлению. И то еще Август принял предосторожности, обязав Тиберия усыновить Германика, который был женат на его внучке Агриппине I, чтобы в конечном счете власть перешла к его правнукам. Так и случилось с пришествием Калигулы. Кстати, и тут сложилась совсем другая ситуация. Тиберий был на 27 лет старше Германика, который был уже взрослым, обладал значительным опытом и являлся отцом семейства. Будущий Нерон старше Британника на три года, а потому ни за что не сможет сойти за временного императора, как

Тиберий, если сменит Клавдия. Очевидно, что усыновить сына Агриппины значило сделать его первым наследником Империи вперед Британника и в ущерб ему.

Однако Клавдий сделал это 25 февраля 50 года. Это может показаться странным, но думается, что у него не было выбора. Ослабленный политически падением Мессалины, император слишком нуждался в союзе с Агриппиной, чтобы отказаться усыновить ее сына. Свадьба и усыновление «шли в комплекте», он мог согласиться или не согласиться лишь на то и другое сразу. При этом невысказанное стремление его племянницы ни для кого не составляло секрета. Все знали, что она думает только об одном: облачить в пурпур своего сына. Эта мысль овладела ею, как только она стала матерью, и уже отправила ее в изгнание за заговор против ее брата Калигулы. Клавдий, конечно же, все это понимал, и маловероятно, что он согласился на усыновление со спокойной душой, но, в конце концов, еще ничто не решено, оба мальчика слишком юны: им тринадцать и десять лет. Столько всякого может произойти… Пока же Луций Домиций Агенобарб стал Нероном Клавдием Друзом Германиком Цезарем, что очень многое меняло.

Трудно определить, до какой степени Клавдий быт вынужден идти на уступки Агриппине. Нужно ли было, например, присваивать ей титул *Августа* одновременно с усыновлением ее сына? Конечно, де-юре это не наделяло императрицу никакой властью, однако она приобретала значительный авторитет. Вспомним, что титул *Augustus* был главнейшим элементом императорской титулатуры. Октавиан получил его от сената, чтобы подчеркнуть божественную сущность принцепса по отношению к прочим магистратам и институтам. С тех пор его преемники передавали его друг другу и сохранят до самого исчезновения Империи. Но никогда еще ни одна императрица не получала его при жизни мужа (Ливию им наделили только после кончины Августа). Агриппина знала, что делает, когда потребовала его для себя: ореол вокруг ее главы отбросит свет на ее сына и упрочит легитимность обоих, а бедный Британник окажется в тени. Характерно, например, что во время болезни Нерона, случившейся между 50 и 54 годами, братья-арвалы возносили мольбы о его выздоровлении, называя его «отпрыском Агриппины», а уже затем упоминая о приемном отце, словно он был прежде всего сыном Агриппины, а уж потом сыном Клавдия. В политическом плане это было как минимум некрасиво… В общем и целом, титул *Августы* вписывался в «пиар-кампанию», которую императрица провела мастерски, как в свое время ее мать. Агриппина Старшая сама создала себе популярность и

способствовала увеличению популярности своего мужа Германика и их детей, в особенности Калигулы. Ее дочь унаследовала этот дар и умела быть на виду. По торжественным случаям Августа устраивала величественные выходы. Она облачалась, как и ее муж, в шитый золотом палудаментум — военный плащ главнокомандующего, который отныне могли носить лишь императоры, а когда Клавдий принимал послов, сидела рядом на возвышении — конечно, отдельном и стоящем на некотором расстоянии, — и принимала те же почести, что и он. Сенат, никогда не упускавший возможности подольститься, предоставил ей также право отправляться в колеснице на игры и даже на Капитолий — до сих пор эта честь принадлежала одним лишь жрецам.

При этом Нерон всё больше приобретал облик претендента на императорский пурпур. Мало того что и он иногда носил палудаментум. Следуя методу, внедренному Августом, Клавдий предоставил приемному сыну особые почести, которые неофициально выставляли его преемником. В 51 году, когда юноша облачился в мужскую тогу, император стоял рядом с ним, в точности как Август, поступивший так же со своими внуками Гаем и Луцием в 5 и 2 годах до н. э. Применяя уже отлаженный механизм, Нерона наделили правом претендовать на должность консула с 20 лет, то есть за 13 лет до достижения законного возраста, его приветствовали как «предводителя молодежи», и он стал членом различных коллегий жрецов. В этом нет ничего необычного, поскольку Нерон стал сыном Клавдия, тем не менее отмечаются кое-какие расхождения с прежней практикой. Для начала, молодой человек надел мужскую тогу на девять месяцев раньше положенного срока (обычно эта церемония проводилась по достижении четырнадцати лет). Затем, в отличие от Гая и Луция, которые оба были «предводителями молодежи», Нерон не разделил этот титул с Британником. И наконец, он получил *imperium* проконсула, то есть гражданские и военные полномочия за пределами Рима, однако наделить властью проконсула, пусть даже чисто почетной, тринадцатилетнего мальчика было чем-то неслыханным.

Складывается однозначное впечатление, что Клавдий хотел предоставить преимущество приемному сыну в ущерб родному. Это не должно удивлять нас сверх меры. В предыдущей главе мы уже отмечали, что к отцовству относились не так, как сейчас. По меньшей мере, в высших сословиях отцовство по выбору превалировало над биологическим, поскольку позволяло не полагаться на случай при передаче по наследству имени и имущества. А уж тем более когда речь шла о передаче высшей

власти. Август усыновил Тиберия, а тот не старался проталкивать наверх собственных детей. Удивляет в поведении Клавдия другое: он отдавал Нерону настолько явное предпочтение, будто хотел оттереть в сторону Британника. Почему *imperium* проконсула? Почему бы и Британника не сделать «предводителем молодежи»?

Объяснить это можно тем, что Клавдий должен был предоставить некий залог клану Агриппины, главенствовавшему в тот момент. У нас нет данных о расстановке сил внутри правящего класса между «партией Нерона» и «партией Британника». Однако мы знаем, что в окружении принцепса между ними шла глухая борьба и побеждала первая. Всю дворцовую челядь, благорасположенную к Британнику, под разными предлогами удалили: командиры преторианцев очень кстати получили повышение по службе, вынуждавшее их возглавить войска вдалеке от Рима; вольноотпущенников и рабов прогоняли, ссылали или казнили как заговорщиков. Правду сказать, отношения между братьями тоже были не самыми лучшими. Британник из лукавства называл Нерона Домицием, словно того и не усыновили, и того это ужасно раздражало, не говоря уже про его мать. Короче, Агриппина воспользовалась тлетворной обстановкой, поддерживаемой обоими кланами, и добилась от Клавдия, чтобы тот создал вакуум вокруг Британника. Всю его прислугу заменили, начиная с учителей, главному из которых, Сосибию, перерезали глотку на том основании, что он якобы действовал против Нерона. Разумеется, люди, пришедшие на смену, сплошь преданные императрице, так строго следили за тем, с кем Британник водится и что делает, как будто мальчик был помещен под домашний арест.

Еще одним крупным успехом Агриппины было назначение «своего» префекта претория в 51 году. Этот пост обладал выдающимся политическим значением, потому что преторианская гвардия, хотя в нее и входила лишь малая толика имперской армии, была единственной военной частью, дислоцированной в Италии, да к тому же в Риме[19]. Причем уже после смерти Тиберия гвардия показала, что при выборе преемника необходимо заручиться ее согласием. В самом деле, Тиберий, в отличие от Августа, не назначил наследника прямо, так что Калигула и Гемелл оказались в равном положении. Спор между ними разрешил Макрон, префект претория, велев гвардии и морякам Мизенского флота приветствовать Калигулу, так что у сената оказались связаны руки и ему оставалось лишь утвердить решение военных. Помним мы и о роли гвардии в приходе к власти Клавдия. Став императором, он возобновил обычай

Августа, назначая двух префектов претория, чтобы поделить их власть и при необходимости натравлять одного на другого. Примеры Сеяна и Макрона, которые по очереди в одиночку командовали всей преторианской гвардией, были очень поучительны. Агриппина опасалась обоих действующих префектов — Лусия Гета и Руфрия Криспина, считая их креатурами Мессалины. У нее имелся свой кандидат, галл по имени Бурр Афраний. Это был человек, известный строгостью нравов, а также храбростью, о которой свидетельствовала отсеченная в бою правая рука; он побывал прокуратором нескольких императорских поместий — возможно, тогда-то Агриппина с ним и познакомилась. Клавдий согласился назначить его. Сам по себе выбор был неплох, однако предоставлял значительное преимущество Нерону, если трон вдруг опустеет. И в этом случае тоже не может быть, чтобы Клавдий не понимал, что делает, тем более что он не назначил второго префекта претория, словно хотел предоставить Бурру полную свободу действий.

Если присмотреться, то станет ясно, что император вовсе не позволял жене водить себя за нос. Оба были нужны друг другу: она ему — чтобы удержаться у власти, он ей — чтобы однажды привести к власти Нерона. Это не означает, что Клавдий окончательно оставил надежду сделать своим преемником Британника, но пока слабость собственных позиций вынуждала его опереться на партию Агриппины, чтобы не оказаться свергнутым. После падения Мессалины все его поступки — от женитьбы на Агриппине до назначения префектом Бурра — повиновались именно этой логике. В конце кондов, Клавдий придерживался линии, наименее опасной для государства и позволявшей избежать дворцового переворота, а то и еще хуже — гражданской войны, исход которой зависел от легионеров.

И потом, партия Британника, хотя и ослабленная, не совсем сошла со сцены, о чем говорит обвинение в оскорблении величия, выдвинутое против Вителлия — самого верного союзника императрицы. Обвинитель сильно замахнулся, поскольку заподозрил Вителлия ни много ни мало как в попытке захватить власть. В этом выпаде нельзя не увидеть косвенных нападок на Агриппину. Потому-то императрица немедленно отреагировала, добившись от Клавдия ссылки обвинителя. Всё это доказывает, что большое влияние императрицы не лишало смелости ее противников, а положение могло в корне измениться в любой момент.

Кстати, можно задаться вопросом, так ли уж прочны были

позиции Нерона, как заставляет думать историография. Нельзя отрицать, что благодаря своей матери он заработал несколько очков, но не слишком ли приукрашивают картину древние авторы? Не стоит забывать, что очень скоро они будут представлять императора Нерона чудовищем, а Британника — его первой жертвой. При такой драматургии постепенное восхождение первого к вершине соответствует сошествию последнего в преисподнюю. «Нерон взрослел, а Британник не получал никаких почестей», — пишет Дион Кассий. Совершенно несхожие пути, показанные параллельно, позволяют предугадать судьбу: пурпур для Нерона, смерть для Британника. Но было ли всё это настолько ясно? Судя по нумизматике — нет. Например, заметно, что в период между усыновлением Нерона и его приходом к власти провинциальные монетные дворы не выказали никакой приверженности к нему. Наоборот, Британник гораздо чаще, чем Нерон, изображен на монетах один, словно именно его считали первоочередным наследником. Зачастую братьев изображали вместе, но не подчеркивая главенства Нерона: либо оба показаны на аверсе — главной стороне, либо один на аверсе, второй на реверсе. И потом, Светоний делает замечание по поводу Британника, которое противоречит официальной историографии на этот счет: «Клавдий не раз младенцем поручал его вниманию народа и солдат, на сходки выносил его на руках, на зрелищах то прижимал к груди, то поднимал перед собой, и желал ему самого счастливого будущего под шумные рукоплескания толпы». Всё это дополняет картину и позволяет предположить, что Клавдий оставлял выбор за собой. И потом, на данном этапе повышение шансов сына позволяло императору, заложнику «юлианского союзника», слегка склонить чаши весов в пользу «партии Клавдия».

Как бы то ни было, Агриппина продолжала плести свою паутину. Ей еще нужно было устранить опасность, которую представляла собой Октавия. В 54 году дочери Клавдия должно было исполниться 15 лет, тогда она сможет выйти замуж, а значит, родить соперника Нерона. В худшем из случаев Клавдий мог отдать дочь за влиятельного человека и сделать его своим преемником, заставив усыновить Британника. Это стало бы повторением сценария, разработанного Августом в отношении Тиберия и Германика. Мы теперь уже достаточно знаем Агриппину, чтобы понять: она не стала бы устранять в 49 году жениха (Силана), зная, что через пять лет у Октавии все равно появится супруг. Если только им не станет Нерон… И Нерон стал им. В 53 году шестнадцатилетний юноша женился на своей

кузине, став не только сыном, но и зятем императора. Не будем и в этом случае рассматривать согласие Клавдия на этот союз как доказательство его слепоты или доверчивости в отношении замыслов Агриппины, как это часто пишут. Клавдий прежде всего был императором, а уже потом отцом, императором стареющим и к тому же заболевшим в тот год, и думал он уже не о том, чтобы удержаться у власти, а о том, чтобы передача этой власти прошла без потрясений. А обстоятельства были таковы, что принцепс, что бы он ни переживал в своей душе, в очередной раз сделал выбор в пользу того, у кого было больше шансов получить консенсус.

С этих пор повсюду видели только Нерона. Незадолго до свадьбы именно он отправился в курию вознести молитвы об исцелении Клавдия. Потом история показывает его в выгодном свете: он выступал в сенате и перед императором с речами по разным заранее выигранным делам. Так, он добился освобождения Трои от уплаты налогов, напомнив попутно, что Эней был основателем рода Юлиев. Все знали об этой легендарной генеалогии, наделявшей Рим троянскими корнями, но лишний раз напомнить не помешает: когда претендуешь на императорский пурпур, лучше быть Юлием и еще раз Юлием. Болонья получила своевременную помощь в десять миллионов сестерциев на восстановление кварталов, уничтоженных пожаром, а Апамею, пострадавшую от землетрясения, освободили от дани на пять лет. Родос, который Клавдий в 44 году лишил статуса вольного города в наказание за то, что там были распяты римские граждане, вернул себе этот статус благодаря своему пылкому защитнику.

В это время двенадцатилетний Британник еще носил детскую тогу-претексту. Пошатнувшееся здоровье отца и упрочившиеся позиции брата не предвещали для него ничего хорошего.

Часть третья
Провинции

VII. Завоевание Британии

Ступить на землю бриттов римляне намеревались еще в прошлом веке. В стратегическом плане установить контроль над Британией значило продолжить завоевание Галлии. Бритты и галлы были кельтскими племенами, принадлежавшими к одной культуре, они поддерживали между собой торговые и дружеские отношения. А потому чересчур большая независимость Британии, особенно племен, населявших юго-восток этого острова, вредила интересам Рима. Цезарь, в частности, жаловался на помощь, которую галлы получали от бриттов, и именно под этим предлогом с двумя легионами провел первую разведку боем по ту сторону Ла-Манша в 55 году до н. э. Эта вылазка была смелой и рискованной. Мало того что Британия оставалась малоизвестной страной, но и просто добраться туда само по себе было опасно. Представим себе, в какое приключение превращалось плавание в то время, когда о течениях и равноденственных приливах мало что знали, прогноза погоды не существовало, а кораблестроение находилось в зачаточном состоянии. После трудной высадки, во время которой защитники были отброшены бортовой артиллерией, римляне смогли пробыть на острове всего две-три недели, не продвинувшись вглубь. Тем временем равноденственные приливы сильно потрепали флот, стоявший на рейде, корабли пришлось спешно латать, пока не начались осенние штормы. Из осторожности Цезарь отдал приказ возвращаться в Галлию, не добившись решающих успехов, разве что заслужив себе славу первого римлянина, предпринявшего подобную военную авантюру.

На следующий год Цезарь вернулся — на сей раз с пятью легионами и двумя тысячами конников на шестистах транспортных судах под эскортом двадцати восьми военных кораблей. За этой внушительной флотилией следовали частные суда, вероятно, зафрахтованные купцами, желавшими нажиться на завоевании. Лучше оснащенные и более многочисленные, чем в 55 году до н. э., римляне достигли Темзы и форсировали ее после нескольких тяжелых боев. Отражая нашествие, бритты сплотились под командованием Кассивелауна. Этот энергичный человек был, вероятно, вождем катуветлаунов — белгского племени, которое эмигрировало на остров и поселилось к северу от Лондиниума (Лондона). Этот союз долго не продержался. Он распался, как только Цезарю удалось отделить от него тринованов — одно из самых могущественных местных племен. Оно проживало в нынешнем Эссексе и тяготилось властью

Кассивелауна, который убил их вождя и вынудил его сына Мандубрация бежать в Галлию под защиту Цезаря. Последний с удовольствием вернул этому племени вождя в обмен на его покорность, взяв для верности заложников. За этим предательством последовало отделение многочисленных прочих племен с юго-востока, и в конце концов Кассивелаун сдался.

Цезарь не мог оставаться в Британии вечно, когда ситуация в Галлии крайне ненадежна. Как и в предыдущем году, он снова отплыл, не добившись больших материальных преимуществ: никакой военной добычи, никаких поселений, чисто формальная покорность местных племен в отсутствие военного контингента.

Август практически не интересовался Британией. Он был занят расширением границ империи на континенте — по Дунаю, в Альпах, — а также походом за Рейн. Планы пересечь Ла-Манш, которые ему приписывают, возможно, были просто воинственной риторикой, чтобы утихомирить кое-какие племена. На самом деле британская политика Августа немного похожа на ту, какую империя обычно проводила там, где римские легионы не могли навязать свое господство, и состоявшую в оказании гостеприимства вождям, стремившимся захватить власть в своей стране. Через них Рим руководил на расстоянии оппозицией внутри враждебных ему правительств и при случае их свергал. При наиболее благоприятном раскладе на трон тогда возводили одного из государей, от которого можно было ожидать дружественной позиции. Проведя несколько лет в Империи, да еще в самой столице, изгнанники если и не романизировались полностью, то по крайней мере могли на досуге оценить мощь Империи и ее цивилизации. Вернувшись домой, они вели себя осторожно из восхищения и страха. Этот метод обычно давал хорошие результаты, по меньшей мере, пока римская «пешка» удерживалась у власти. Разумеется, Империя старалась держать в запасе нескольких кандидатов, способных прийти на смену.

Именно в рамках такой политики Август, желавший добиться покорности южных племен, оказал гостеприимство двум вождям бриттов, которым позволил носить титул царя: Тинкоммию и Думнобеллауну. Тинкоммий был сыном Коммия — вождя белгского племени атребатов. Союзник Цезаря, он участвовал в обеих его высадках в Британии, но потом изменил ему, примкнув к восстанию в Галлии. После поражения при Алезии он бежал в Германию, чтобы избежать мести Рима. Коммий еще какое-то время вел партизанскую войну, а потом сдался Антонию, который позволил ему уехать в Британию. Там он поселился со своим племенем в Каллеве (Силчестер). Увы, после его смерти три его сына оказались настолько властолюбивыми, что по очереди

свергали друг друга. Во время этой игры в «горячие стулья» один из них, Тинкоммий, и воспользовался сочувствием Августа. Короче, первый император ограничился определенным сюзеренитетом над югом острова, грубо говоря, по сю сторону Темзы, не прибегая к силе и военному присутствию. Его довольно скромная цель состояла в следующем: во-первых, не позволить Британии быть слишком независимой, чтобы не подавать плохой пример кузине Галлии, во-вторых, сохранить давние торговые связи между двумя этими странами.

Тиберий не стал менять политику своего предшественника в отношении Британии. Самым крупным его успехом было сохранить в поле римского влияния катувеллаунов и тринованто в. Еще во времена Августа два этих племени создали новый альянс, способный усилить их влияние в ущерб Риму. Однако царю катувеллаунов Кунобелину хватило мудрости не дразнить спящую собаку. Он понял, что ничего не выиграет от попытки прорваться на юг, а потому ограничил расширение своей федерации севером и западом вплоть до Уэльса. Таким образом, власть двух союзных племен простиралась на территорию, опоясывающую Англию по центру от Северного моря до Атлантики: она начиналась в Камулодуне (Колчестер) — городе тринованто в, который Кунобелин сделает своей столицей, и достигала Глева (Глостера), проходя через Веруламиум (Сент-Олбанс). Политика Кунобелина сильно напоминает поведение вождя маркоманов Маробода в Южной Германии. Примерно в то же время он пытался также создать союзное царство к северу от Дуная. Но сознавая, как и Кунобелин, насколько мощна Империя, из осторожности держался подальше от ее границ, чтобы не навлечь на себя гнев римлян.

Итак, бритты находились в добром согласии с Римом к удовольствию обеих сторон. Империя сохраняла за собой зону влияния на юге, а земли катувеллаунов и тринованто в простирались в другом месте, оставаясь главнейшим звеном в торговой цепочке между Галлией и Британией. В 16 году н. э. Кунобелин даже оказал большую услугу римлянам. В тот год часть флота, на котором Рейнская армия возвращалась в Галлию после германского похода, разметало бурей в Северном море, отбросив к британским берегам. Бритты подобрали потерпевших кораблекрушение и отправили обратно на континент, не потребовав выкупа.

Три сына Кунобелина изменили весь расклад. Для начала один из них, Админий, вступил в конфликт с отцом и в 39 году укрылся у Калигулы. Вероятно, в то же самое время два других сына, Каратак и Тогодумн, заняли южное побережье. Возможно,

именно этот поворот и побудил Калигулу захватить Британию в 40 году. В Булони собрали экспедиционный корпус в пять-шесть легионов, но император внезапно отказался от своих планов — надо полагать, из-за отказа армии участвовать в авантюре, казавшейся слишком рискованной. Такая ретирада только подогрела дерзость двух братьев, которые вскоре завладели землями атребатов и прогнали оттуда царя Берика. Тот же, как можно предположить, отправился поделиться своим горем с Клавдием, который только что сменил своего племянника.

Новому принцепсу досталась в наследство отвратительная ситуация: как-никак Рим утратил контроль над южной Британией. Но служит ли это оправданием для завоевательной войны? Необходимо ли римское присутствие по ту сторону Ла-Манша ради мира на юге Британии и двусторонней торговли? Сегодня многие в этом сомневаются, опираясь на примечания древних авторов. Географ Страбон, умерший в царствование Тиберия, считал, что таможенные пошлины, взимаемые с британских товаров, приносят больший доход, чем дань, которой едва хватило бы на плату оккупационным войскам. Веком позже завоевания историк Аппиан подтверждает предсказание Страбона: расходы на военное присутствие превышают налоговые поступления деньгами и натурой. Возможно, эти замечания верны, однако они не позволяют точно оценить экономический итог присоединения Британии.

Страбон и Аппиан не обладают глобальным видением экономики, рассматривая ее сквозь призму государственной казны. Их интересуют только денежные поступления и расходы. Отсюда вывод, что таможенные пошлины на импорт приносят больший доход, чем прямой налог наряду с расходами на военное присутствие. Зато они даже не задаются вопросом о стоимости для экономики Империи британских таможенных пошлин на экспорт. И не зря, потому что эти расходы довлели не над государственной казной, а над предприятиями-экспортерами. А ведь торговля не была односторонней. Археологические раскопки, производившиеся в Англии повсюду, позволили обнаружить изделия римского производства, датируемые до вторжения, например амфоры или предметы роскоши, до которых вожди бриттов были настолько охочи, что эти вещи находили в их могилах. Цезарь неоднократно упоминает об интенсивном торговом обмене между Галлией и Британией; кстати, именно у галльских купцов он наводил справки о том, в каких местах лучше производить высадку.

Экономика не сводится к налоговым поступлениям, и купцы,

кстати, понимали это лучше Страбона и Аппиана. Напомним, что в 55 году до н. э. за флотилией Цезаря следовало множество торговых судов, зафрахтованных людьми, которые, верно, с вожделением ожидали аннексии доходного рынка. В самом деле, купцам всегда было выгодно расширение своего рода «общего рынка», какой представляла собой Империя. Представляется, что окончательное завоевание Галлии распалило аппетит по обе стороны Ла-Манша. Хотя бы потому, что за этим последовало создание таможенных барьеров, которых раньше не существовало, по меньшей мере между галлами и бриттами, и которые теперь предстояло сломать. В Британии, надо думать, имелись внутренние раздоры между сторонниками и противниками римлян, затрагивавшие даже царские семьи. Возможно, именно такого типа конфликт привел к изгнанию Админия и прорыву двух его братьев на юг. Кстати, эти братья не были враждебны к Империи. То, что они прогнали царя Берика, вовсе не означает, что они считали его «проримским»: вполне можно предположить, что им нужна была доля атребатов в торговле с континентом. Вот только внутренние конфликты редко благоприятствуют международной торговле, которой для развития нужна политическая стабильность.

Таким образом, вторжение в Британию преследовало троякую цель: стратегическую, поскольку оно довершало завоевание Галлии; политическую, поскольку Рим не мог смолчать, утратив свое влияние на юге острова; экономическую, поскольку позволяло получить прямой доступ к некоторым ресурсам и развивать торговлю, более не опасаясь междоусобиц бриттов. Вообще аннексия острова считалась отложенной на потом со времени разведывательных экспедиций Цезаря веком ранее. Август от нее уклонялся, потому что расширение границ на континенте поглощало все силы. Тиберию было довольно покорности южных британских племен. Калигула решился на завоевание просто потому, что Рим утратил контроль над своей зоной влияния за Ла-Маншем. Этот план, который он был вынужден отложить из-за недовольства армии, собирался теперь исполнить его дядя Клавдий.

В целом ситуация после смерти Калигулы не изменилась. В 43 году она была достаточно спокойной, чтобы оказалось возможным собрать экспедиционный корпус, отведя часть легионов из армий, охранявших границы. Нельзя забывать, что в Империи не было войск запаса, ее армия, весьма малочисленная по сравнению с гигантской территорией, была распределена по областям, подвергающимся наибольшей угрозе в плане вторжения варваров или мятежей. Если возникала опасность или

принималось решение о походе во вражескую страну, приходилось снимать солдат с одного или нескольких участков границы в надежде, что там за это время ничего плохого не случится…

Чтобы напасть на Британию, собрали не менее шести легионов из двадцати семи, насчитывавшихся в Империи, то есть что-то вроде 22 процентов действующей армии. Ударный отряд экспедиционного корпуса состоял из отборных частей: легионы II «Августа» и XIV «Гемина» из армии с верховьев Рейна, XX «Валерия» с низовьев Рейна, IX Испанский легион из Дунайской армии. К ним добавили две новые части: XV и XXII Первородные легионы, созданные то ли Калигулой, то ли Клавдием. В целом — 60 тысяч солдат, если предположить, что легионы были полностью укомплектованы, что маловероятно[20]. Во главе многоопытного штаба стоял Авл Плавтий, которому помогали Госидий Гета, Флавий Сабин и его брат — будущий император Веспасиан[21].

Войска стянули в Гесориак (Булонь-сюр-Мер), где их уже поджидал флот. Но солдаты отказались подняться на борт, как и тремя годами раньше (в 40-м). Это были по большей части те же самые люди из гарнизонов с Рейна и Дуная. Они не изжили прежний страх. Об этой малоизвестной стране ходило столько легенд, что еще даже не знали точно, остров это или континент. Его воды и земли населяли чудовища-амфибии, полулюди-полузвери, в его небе летали невиданные птицы и носились невероятной силы вихри. Короче, Британия казалась им краем обитаемого света и началом запретного мира.

Ситуация разрешилась неожиданным образом, когда вольноотпущенник Нарцисс решил обратиться к толпе с речью. Едва завидев бывшего раба на возвышении рядом с Плавтием, солдаты принялись кричать: «Io Saturnalia!» Этот крик издавали во время веселого праздника сатурналии, когда господа и рабы менялись ролями. Таким образом, Нарциссу с юмором давали понять, что не его дело учить солдат гражданской доблести. Пускай он секретарь *ab epistulis*[22], ближний советник принцепса, да к тому же ворочает миллионами, он оставался вольноотпущенником, то есть бывшим рабом, — а следовательно, не ровней последнему из легионеров[23]. Короче, солдаты предпочтут выйти в море, чем выслушивать упреки от человека, которого они считали ниже себя, несмотря на его правительственную должность. Либо мы ошибаемся, либо это довольно ловкий ход со стороны правительства. Хотя Дион Кассий немногословен в своем рассказе, он уверенно говорит, что Нарцисс был послан Клавдием и одной его попытки «толкнуть

речь» оказалось достаточно, чтобы вернуть солдат к повиновению. Надо полагать, незадолго до этого в армии начались волнения, которые штаб не сумел усмирить. Отказ повиноваться в худшем случае грозил обернуться мятежом, если командиры попробуют прибегнуть к силе, а в лучшем — отказом от планов вторжения, если солдатам уступят. В конечном итоге Клавдий оказался в той же ситуации, что и Калигула, но сумел извлечь уроки из горького опыта своего предшественника. В самом деле, его племянник сам привел армию с Рейна до берегов Ла-Манша, так что неповиновение, с которым он не смог совладать, стало пощечиной ему самому.

Весьма возможно, что именно этого Клавдий и хотел избежать. Отправить к солдатам министра, чтобы не появляться перед ними самому, — похоже на решение, принятое по зрелом размышлении. Клавдий ведет себя в точности так же, как Тиберий во время кровавых мятежей рейнского и дунайского легионов в 14 году. В то время, несмотря на размах, который приняло восстание военных, осторожный император решил, как поясняет Тацит, «не покидать столицу государства и не подвергать случайностям себя и свою державу. <…> Но если в обоих войсках будут находиться сыновья, его величие не претерпит никакого ущерба, ибо чем он дальше и недоступнее, тем большее внушает почтение». Как и Тиберий, Клавдий не подставлялся сам в случае неудачи своего посланца, выигрывал время, чтобы ситуация могла уладиться сама собой, а он — хорошенько все обдумать. И если Нарцисс потерпит неудачу, у него, Клавдия, еще останется возможность обратиться к солдатам самому.

Тот факт, что прислан был Нарцисс, а не кто-либо другой, тоже, возможно, не случаен. Думается даже, что этот выбор был продиктован тонким знанием психологии, умением читать в душе легионера. Со времен реформ Мария в 107 году до н. э. армия довольно быстро стала профессиональной, а при Империи гражданин-солдат окончательно уступил место солдату-гражданину. В результате сильно изменились и менталитет солдата *(miles),* и представление о нем. На самом деле это был настоящий социальный переворот, породивший два новых типа: профессионального солдата и «гражданского», который никогда не возьмется за оружие. В военном лексиконе имелось слово, обозначавшее, как мы сказали бы сегодня, «гражданское лицо», — *paganus,* то есть «поселянин», «крестьянин»: наверное, потому, что солдатам чаще всего приходилось иметь дело с сельским населением[24]. Чувство принадлежности к двум разным социальным группам провело настоящую границу в умах между *paganus* и *miles.* И эту границу никто не желал пересекать, о чем

говорит такая история. Когда Цезарь однажды столкнулся с неповиновением одного легиона, который отказывался отправляться в Африку, то не стал грозить солдатам наказанием, а объявил, что распускает их, назвав *Quirites* вместо *milites.* Словом *Quirites* обозначали римских граждан в частной жизни, это что-то вроде французского «буржуа». Одного этого небрежно оброненного слова хватило, чтобы в корне изменить ситуацию: возмутившись, что их уподобили «штафиркам», легионеры завопили, что они солдаты, а чтобы это доказать, немедленно отправились за своим предводителем в Африку.

Нам кажется, Клавдий сыграл на той же психологической струне, отправляя своего вольноотпущенника выступать с речью перед войсками. Если *pagani* обычно считали легионеров наемниками-полуварварами, легионер в собственном смысле слова[25], напротив, очень гордился тем, что является гражданином Рима. И был тем более горд своим гражданством, что оно, как правило, было недавним: либо предоставлено его племени целиком, либо конкретно ему с момента поступления в армию. Гордился он также и тем, что его главнокомандующим был сам император, которому он официально приходился *commilito* — товарищем по оружию. В целом легионер времен ранней Империи имел высокое представление о своей роли и социальном статусе, и был совершенно прав. При всех своих недостатках он вовсе не напоминал скотину-наемника, каким его порой представляли себе гражданские, его современники. Как справедливо отмечает Жан Мишель Каррие, это был человек, «способный отождествить защиту империи и службу принцепсу на основе принесенной клятвы с выживанием общества, в котором он не был изгоем». Если представить себе такой умственный настрой, можно понять его реакцию, когда он увидел на возвышении для полководца *paganus* самого низшего пошиба — бывшего раба, вздумавшего учить его гражданскому долгу, его, римского легионера, товарища по оружию самого императора! Ловко придумано. Солдаты вернулись в строй.

Армия незамедлительно вышла в море. Набившись в корабли, плясавшие на волнах, солдаты мучились от морской болезни. (Тысячу девятьсот один год спустя, следуя в обратном направлении, с тем же испытанием столкнутся солдаты, участвовавшие в высадке в Нормандии.) К счастью, благоприятное знамение пролилось бальзамом на их исстрадавшееся нутро: по небу пронесся метеор, оставивший свой огненный след по ходу плавания. Боги указывали дорогу.

Десант высадился в трех разных местах[26], чтобы хотя бы в одном из них зацепиться за побережье. Напрасная

предосторожность, поскольку бритты, думавшие, что римляне еще бунтуют, и не подумали стянуть войска куда бы то ни было. Так что высадка произошла без боя на юго-восточной оконечности острова, вероятно, неподалеку от устья реки Стур. Теперь, когда возможность сбросить захватчика в море была упущена, бритты выжидали, прячась по лесам и болотам. С большим трудом Плавтий все-таки дал два сражения и обратил в бегство Каратака, а затем его брата Тогодумна. Дион Кассий говорит о победе, но это больше напоминает отступление войск бриттов к реке Медуэй. Не имея решающего значения, эти первые успехи позволили римлянам оставить гарнизон на берегах реки Стур, а главное — вклиниться в своего рода союзное королевство, сколоченное Кунобелином. Это объединение, в котором главенствовали катувеллауны и тринованты, было еще молодым и непрочным. Можно предположить, что оно держалось в основном благодаря личности своего основателя, а тот-то как раз и покинул подлунный мир незадолго до римского вторжения. Из-за раздоров между тремя его сыновьями, а теперь еще и военных неудач двух из них начались измены. Первыми отделились добуннии, жившие между Глевом (Глостер) и нынешним Оксфордом; часть их примкнула к римлянам. Это не случайно: их племя, занимавшее территорию по западной окраине конфедерации, Кунобелин покорил совсем недавно. Удаленные от центра и плохо интегрировавшиеся, добуннии первыми с радостью покинули союз, в который вступили последними и скрепя сердце.

Армия бриттов расположилась на левобережье Медуэй, понадеявшись, что римляне не смогут форсировать реку, не построив мост. Плавтий решил действовать быстро, отправив диверсионную группу прикрыть массированную атаку в другом месте. Отвлекающую операцию он поручил германцам из вспомогательного состава, возможно батавам[27]. Несравненные пловцы, они незаметно переплыли Медуэй и неожиданно напали на врага. Легковооруженные и очень подвижные, они должны были вывести из строя колесницы — ударное оружие бриттов. Поэтому они не стали нападать на людей, а убивали или ранили упряжных лошадей, посеяв смятение и подвергая опасности конницу. Воспользовавшись тем, что германцы отвлекли на себя бриттов, будущий император Веспасиан и его брат Сабин с крупными силами преодолели реку в другом месте. Задача была не учинить разгром, а удержать плацдарм на левом берегу. В очередной раз застигнутые врасплох, бритты понесли значительные потери, однако не были побеждены. Уже на следующий день они перешли в яростное наступление на

римский авангард. Битва бушевала весь день, и поле осталось за полководцем Госидием Гетой. За этот подвиг он получит знаки триумфа. Однако вражеская армия все еще оставалась боеспособной и отступила к Темзе, перебравшись на другой ее берег под Лондиниумом (Лондоном).

В очередной раз германских пловцов отправили отвлекать врага, пока другие войска завладели мостом. Атакованные со всех сторон, бритты понесли тяжелые потери, но снова избежали окружения. Благодаря превосходному знанию местности они сумели отступить в болота, где погибло множество римских солдат, неосторожно устремившихся в преследование. Игра была еще не закончена. Царь Тогодумн погиб в бою, армию бриттов сильно потрепали, но ее еще могло пополнить собой население, жаждавшее отомстить за своего монарха. Плавтий решил устроить передышку, чтобы обезопасить завоеванную территорию и подождать прибытия Клавдия.

По словам Диона Кассия, император отправился в путь, получив в Риме послание от главнокомандующего, сообщавшее, что завоевание застопорилось. Это очень маловероятно по нескольким причинам. Несмотря на неточности источников, можно утверждать, что Плавтий высадился на берег не со всей армией, а с авангардом, чтобы захватить плацдарм и обеспечить связь с континентом. Послать разом все шесть легионов, рискуя, что их разбросает бурей или их сбросят в море, прежде чем они успеют закрепиться на берегу, было бы просто дуростью. Так что Плавтий выполнил свою задачу: устроил прочную базу на юго-востоке, в нынешнем графстве Кент. Теперь он ждал подкреплений под командованием лично Клавдия. Кстати, совершенно очевидно, что Клавдий не мог дожидаться новостей в Риме, чтобы решить, выезжать ли ему к армии. Долгое путешествие из столицы в Гесориак (Булонь) предоставило бы бриттам достаточно времени, чтобы собраться с силами и создать угрозу для авангарда. Этот путь Клавдий проделал[28], пока Плавтий сражался на Темзе, так что его послание он прочитал в Гесориаке.

Клавдий высадился на берег с основными силами. Вероятно, он причалил в Кенте, чтобы как можно скорее добраться до авангарда вдоль Темзы. Крупное сражение развернулось на подступах к Лондиниуму. Бриттов ждал неприятный сюрприз: на них пустили слонов, которых император привез вместе с подкреплением. Надо полагать, слоны способствовали убедительной победе римлян, которые наконец смогли вступить в Камулодун (Колчестер) — столицу конфедерации, созданной Кунобелином. Военной победе сопутствовал большой

дипломатический успех. Скорее всего, именно в тот момент Рим заключил союз с другой конфедерацией бриттов, находившейся на севере Англии. Ее территория занимала примерно нынешние графства Камберленд, Йоркшир, Нортумберленд и Ланкашир — вплоть до тех мест, где позднее вырастет стена Адриана. В этот союз входило около дюжины племен под главенством бригантов и их правительницы Картимандуи. В обмен на свою поддержку она выторговала у Рима финансовую помощь, чтобы сохранить свое влияние в конфедерации. Единственная неприятность: Каратаку снова удалось уйти, и он был полон решимости продолжать борьбу.

Таким образом, завоевание Британии еще не закончилось. Конечно, Рим не интересовала вся страна целиком, тем более что никто не знал, насколько она обширна. Тем не менее даже юг нынешней Англии еще не находился в его руках. Под контролем оказался только юго-восток — грубо говоря, прямоугольник, в который входят Эссекс, Хартфордшир, Мидлсекс, Суррей, Кент и Сассекс. Как всегда на новозавоеванных периферийных территориях, Рим опирался на местных князьков, делегируя им кое-какие полномочия. Царю регниссиев Когидумну доверили несколько государств, которыми он управлял из своей столицы Новиомага (Чичестера). (Когидумна сделают римским гражданином и легатом Августа в Британии.) Впечатляющий результат после кампании, продлившейся два-три месяца. Клавдий мог быть доволен. Проведя 16 дней на острове (в течение которых он осуществлял командование чисто номинально), он уже мог считаться полководцем и завоевателем. В политическом плане дело выгорело! Солдаты даже несколько раз приветствовали его возгласом *imperator,* что, как отмечает Дион Кассий, противоречило обычаям, поскольку война была та же самая. Какая разница! Он мог оставить новую провинцию под командованием Плавтия и возвращаться восвояси. Клавдий не сразу поехал в Рим. Его зятья Силан и Магн должны были доставить туда добрую весть о его победах, пока он сам путешествовал по Галлии. И только через полгода после отъезда он вернулся в Рим, чтобы отпраздновать там свой триумф. Он мог гордиться: впервые принцепс получал такие почести за личные успехи.

Церемония состоялась согласно обычаям, за исключением той немаловажной детали, что праздновали слишком рано: война-то еще не закончилась… В 47 году до н. э., когда Цезарь праздновал свой четырехкратный триумф над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой, Верцингеторикс и царица Арсиноя шли в цепях за его колесницей, цари Фарнак и Юба погибли

побежденными. В 43 году Каратак был еще жив… Но если не слишком придираться, победа над южной конфедерацией была достойна такого почета. Короче, облачившись, как положено, в расшитую тунику и пурпурную мантию, увенчав себя лавровым венком и взяв в руку скипетр с изображением орла, Клавдий проехал по Риму от Марсова поля до Капитолия на колеснице, влекомой четверкой лошадей. На один день он уподобился Юпитеру. Впереди шли магистраты и сенаторы, позади — солдаты. Среди последних, наверное, было мало участников недавней кампании: все шесть легионов, похоже, остались в Британии, чтобы продолжить завоевание. Затем Клавдий на коленях вполз по ступеням Капитолия, повторяя поступок Цезаря. Его знаменитый предшественник исполнил это гимнастическое упражнение, чтобы не сбылось дурное предзнаменование: ось его колесницы несвоевременно сломалась. Этим «подражанием Цезарю» Клавдий показывал, что стоит в одном ряду с великим завоевателем. Наконец он достиг вершины холма, где состоялся последний этап церемонии: жертвоприношение быка Юпитеру. Наверное, в этот момент он вспомнил свое первое жертвоприношение этому богу, совершенное здесь же. Это было примерно 37 лет назад, по случаю облачения в мужскую тогу. Родственники привезли его сюда ночью, тайком, спрятав в носилках. Семейный изъян надо было прятать от чужих глаз. Какой путь ему пришлось пройти, чтобы вернуться в то же самое место и на сей раз явить себя взору всего Рима и всей Империи! Клавдий торжествовал — да, это был не столько триумф над бриттами, сколько над десятилетиями презрения, издевательств и насмешек.

Помимо этого сенат предоставил ему некоторые другие почести, которыми обычно сопровождается триумф. Со времен Республики полководцам, одержавшим великую победу, иногда присваивали прозвище *(cognomen),* напоминающие о их подвиге над побежденным народом. Это отличие считалось тем более лестным, что его можно было передать будущим поколениям. Ранее Друз I, дядя Клавдия, заслужил прозвище Германии за победы над германцами. Сегодня его племянник принял прозвище Британник в память о победах, одержанных над бриттами. А ведь в истории под именем Германик остался не Друз, а его сын. Вот так же и под именем Британник в историю войдет не Клавдий, а его сын Тиберий, которого сразу стали так называть. Вместе с этим сенат постановил проводить ежегодные игры в память о победе и воздвигнуть две арки: одну в Риме, а вторую в том месте, где Клавдий взошел на корабль. Чтобы подчеркнуть опасности морского плавания, триумфатору вручили

венок флотоводца.

Император тоже проявил щедрость, раздавая почести, в особенности знаки триумфа *(omamenta triumphalia)* — набор украшений, которые императоры обычно предоставляли высокопоставленным людям или чужеземным правителям в награду за военные заслуги. В него входили парадная тога, туника, расшитая пальмовыми листьями, скипетр из слоновой кости, пурпурная мантия и венок. Эти знаки получили все сенаторы вне зависимости от ранга, сопровождавшие Клавдия в Британию. Дион Кассий возмущается таким обесценением знака отличия, обычно предназначавшегося только для консулариев. Конечно, это было чересчур, тем более что далеко не все удостоенные этой награды сыграли выдающуюся роль для приближения победы. Но этот широкий жест говорит в основном о том, какой размах Клавдий хотел придать данному событию. Он пойдет еще дальше, предоставив овацию Плавтию, когда тот вернется в Рим в 47 году. Овация была малым триумфом: полководец приносил в жертву Юпитеру овцу (ovis), а не быка. При принципате этой награды удостаивали только членов императорского дома, а полководцам обычно доставались только *omamenta triumphalia.* Но как раз потому, что Клавдий только что раздал эти знаки людям, которые их вовсе не заслуживали, он не мог не предоставить овацию Плавтию — истинному творцу победы.

* * *

А в Британии война продолжалась. Веспасиан отличился, захватив остров Вектис (Уайт) и продвинувшись до нынешнего Девоншира на юго-западной оконечности Англии. Как уточняет Светоний, он покорил два племени. Одним из них были, вероятно, думноны из Девоншира. В 47 году Плавтий покинул нынешний Эксетер и вернулся в Рим, поручив командование Осторию Скапуле, тогда как Каратак вновь принялся за старое. Опираясь на свою репутацию непокорившегося и на доброе имя своего отца Кунобелина, он сумел подчинить своей воле племя силуров, живших к западу от Северна, на юге Уэльса. Деканги и ордовики, населявшие север Уэльса, примкнули к нему по своей воле или по принуждению. Снова возглавив армию, Каратак нападал на соседние племена, заключившие союз с Римом, в особенности (можем себе представить) на добуниев, покинувших его в 45 году.

В 50 году Скапула начал возводить линию укреплений в

западной части острова, по ту сторону Северна и реки Трент, чтобы отражать вылазки противника и создать плацдарм для будущего проникновения на запад и север. Эту линию, проходившую вдоль дороги, англичане называют Фосс-уэй: в конечном итоге она пересечет Англию наискось от Эксетера на юго-западе до Линкольна на северо-востоке. Скапула пока опасался идти к Атлантике, не будучи уверен в лояльности некоторых союзников, живших на востоке. Поэтому перед уходом он решил их разоружить. Икены (племя, проживавшее на побережье Северного моря на территории нынешних графств Саффолк, Норфолк и Кембридж) подняли мятеж, который пришлось срочно подавлять, ибо окрестные племена уже присоединялись к ним или собирались это сделать. Только подвергнув их суровому наказанию, Скапула выступил в поход. Армия отправилась на север Уэльса, к декангам. Римляне думали, что могут рассчитывать на поддержку или хотя бы доброжелательный нейтралитет царицы Картимандуи, земли которой граничили с севером Уэльса. Но, как и все британские конфедерации, союз, возглавляемый Картимандуей, был неоднородным и непостоянным. Оказалось, что некоторые из входивших в него племен поддерживали тесные связи с народами, на которые напал Скапула. Однако поход начался удачно. Деканги в бой не вступали, позволяя врагу опустошать их поля и грабить их дома. Но когда римляне практически достигли Ирландского моря, они узнали, что бриганты подняли восстание. Если они победят, римская армия может подвергнуться нападению с правого фланга и с тыла. Скапула благоразумно решил вернуться назад, чтобы укрепить власть Картимандуи, союз с которой по-прежнему был необходим. Быстрое вмешательство римлян позволило погасить бунт в результате простой полицейской операции, но эта тревога показала, что в Уэльс нельзя вторгнуться с севера, не вызвав беспорядков в царстве Картимандуи.

К тому же силуры на юге возобновили военные действия, заблокировав несколько когорт, — вероятно, в Глеве (Глостер) и Вироконии (Роксетер), где строились укрепленные лагеря[29]. Не теряя времени Скапула вышел к ним навстречу — на поле, выбранное Каратаком. Царь собрал все свое войско на землях ордовиков, на юге Уэльса. Несмотря на земляные укрепления, бриттов опрокинули и уничтожили. Каратаку в очередной раз удалось ускользнуть, но ему пришлось покинуть свою семью, захваченную врагом. Беглец думал укрыться у Картимандуи. Он, несомненно, надеялся взбунтовать бригантов против их правительницы, чтобы затем повести их на римлян. Разумеется,

Картимандуя не позволила себя провести. Она вовсе не стремилась привечать в своем доме харизматического конкурента. К тому же союз с римлянами был ей необходим, чтобы удержаться у власти. Короче, Каратак — это война, а царице не нужны были ни война, ни Каратак. Поэтому она сочла своим долгом сдать незваного гостя Скапуле.

Пленение этого вождя позволило Клавдию еще увеличить свою славу и популярность. В 51 году в Риме Каратак с женой, дочерью, братьями и своими подданными в цепях прошел по полю перед лагерем преторианцев. Чтобы подчеркнуть важность пленника, выставили добычу и трофеи, захваченные им в победоносных войнах против своих британских врагов. Затем созвали сенат и заставили его выслушать напыщенные речи о значении этого царя. Каратака в них сравнивали с прежними грозными врагами Рима — нумидийским царем Сифаксом и македонским царем Персеем, побежденными Сципионом Африканским (триумф в 201 году до н. э.) и Луцием Эмилием Павлом (в 167 году до н. э.). Тацит рассказывает об этом с ноткой иронии: по его мнению, Клавдий преувеличивал достоинства побежденного, чтобы ярче сияла его собственная слава. Возможно, Каратак не был величайшим стратегом, которого победил Рим. Но он сражался в очень сложных условиях, поскольку ему пришлось иметь дело не только с римскими легионами, но и с постоянными раздорами среди бриттов, их изменой и даже предательством. Семь или восемь лет вести борьбу против куда лучшей армии, при этом остерегаясь собственных друзей, — для этого надо было обладать качествами, превращающими Каратака в противника, достойного уважения и восхищения. Клавдий сохранил ему жизнь. Дело в том, что в отличие от Верцингеторикса, порвавшего дружбу с Юлием Цезарем, Каратак никогда не был римлянам другом. Так что милосердие выглядело и проявлением справедливости к побежденному в честном бою, и приглашением к миру, адресованным бриттам.

Скапула получил знаки триумфа. Это был минимум. Тем временем Британия к востоку от Северна так еще и не была усмирена. Племена южного Уэльса, в особенности силуры, продолжали упорную партизанскую войну, нападая на аванпосты и фуражиров. Скапула, похоже, решил покончить с силурами, которых хотел выселить в Галлию. Но полководец довел себя до изнеможения и умер в 52 году: как выразился Тацит, хотя он «не был умерщвлен в битве, его все же умертвила война». Скапуле удалось многое сделать: менее чем за пять лет второй наместник в Британии усмирил центр нынешней Англии до Фосс-уэй.

Именно тогда была основана первая колония — в Камулодуне (Кольчестер), к северу от Темзы, на восточном побережье, в относительно надежном секторе. Как и у всех колоний, ее роль заключалась в том, чтобы наделить землями ветеранов (в данном случае — XX Победоносного Валериева легиона), упрочить присутствие римлян и распространять их образ жизни. Таким образом, командование Скапулы стало важным этапом в покорении Британии.

Когда прибыл его преемник Дидий Галл, один легион потерпел неудачу с силурами, не имевшую серьезных последствий. Новый наместник не предпримет никаких масштабных действий вплоть до своего отъезда в 58 году. Возможно, ему было велено укрепить военные позиции и способствовать окультуриванию покоренных народностей. Надо полагать, Галл успешно справился с этой задачей. В этот период не было ничего слышно ни о силурах, удерживаемых на противоположном берегу реки Аск, ни о бригантах, которыми правила железной рукой их царица. Началось экономическое освоение острова: добыча золота, серебра, свинца, меди и олова, производство предметов роскоши (жемчуг, охотничьи собаки). Римлян интересовал также хлеб, хотя неизвестно, в каком объеме Британия пополняла закрома Италии.

Только в правление Веспасиана и его сыновей Уэльс и север нынешней Англии были покорены и начались первые вылазки в Шотландию. Эти успехи были куплены ценой кровавых сражений с силурами и бригантами, которые забрали слишком большую волю, свергнув Картимандую.

Завоевание Британии, начатое при Клавдии, станет величайшим свершением его царствования, славной страницей, пропуском в Историю. Как мы видели, оно дало ему право на триумф. А также стало предлогом, чтобы в 49 году перенести померий — священную границу Рима. Теоретически древний обычай позволял завоевателям новых земель проводить этот ритуал, так что это решение, принятое, вероятно, с согласия сената, было вполне законным[30]. Тем не менее, как подчеркивает Тацит, ни один римский завоеватель, кроме Суллы, этого не делал[31]. Что, кстати, означает, что на практике сакральная граница, редко подвергавшаяся изменениям, находилась внутри города. Клавдий ввел в нее Авентин и Пинчо. Таким образом, присоединение Британии стало видно в самом Риме, и не заметить этого было нельзя, поскольку перенос померия представлял собой нечто из ряда вон выходящее.

Но оказалась ли Британия полезной Империи? Нет сомнений,

что в экономическом плане ее интеграция была выгодна для обеих сторон. Не настолько выгодна, как присоединение богатой Галлии, но в такой же мере, а то и больше, чем присоединение других провинций. Но в отношении стратегической выгоды от оккупации острова сомнения существуют. Независимая Британия не представляла собой никакой военной угрозы. Когда ее оккупировали, пришлось постоянно держать там три легиона — как для поддержания порядка, так и для предотвращения вылазок племен из Шотландии, которую так никогда и не завоюют. Непокорные северные племена потребуют внимания к себе со стороны множества императоров; один из них — Септимий Север — скончается в Эбораке (Йорке), готовясь на них напасть. Такой энергии можно было бы найти лучшее применение — например, в Германии, чтобы закрепиться хотя бы между Рейном и Эмсом. Правда, экономическая выгода от этого была бы не так велика…

VIII. Рейн и Дунай

Завоевание Британии побуждает нас задуматься о внешней политике Клавдия в целом и о его действиях на территориях, расположенных у границ Империи. Август в своем завещании посоветовал оставить границы такими, какими они были при нем. Тиберий последовал этому совету и только удерживал нажитое. Вторгнувшись в Британию, Клавдий вслед за Калигулой отступил от этой линии поведения. Но это исключение из правила. В остальном он вел себя осторожно — в общем, очень близко к курсу, рекомендованному первым императором. Да у него и не было выбора: в тот момент британская экспедиция отнимала слишком много сил, чтобы пытать военного счастья в другом месте.

Верность Клавдия политике своих предшественников особенно четко прослеживается в Германии. Там еще больше, чем где бы то ни было, не стоило и заговаривать о расширении. Разгром Вара в 9 году, когда Империя потеряла три легиона в Тевтобургском лесу, положил конец продвижению за Рейн и начало новой политике в этом регионе. Германик возобновил наступление в первые три года правления Тиберия. Но эти походы, хотя и блестящие, не привели к оккупации земель. Это были чисто тактические успехи без явных стратегических последствий. Прекратив их в конце 16 года, Тиберий ограничился деятельной дипломатией и, кстати, весьма в ней преуспел. То подогревая раздоры между германскими племенами, то играя на соперничестве между вождями этих самых племен, он поощрял кровавые междоусобицы, в которых в конечном счете погибло столько же, если не больше, людей, сколько могла бы перебить римская армия. Именно таким образом начиная с 17 года херуски и маркоманы (два могущественнейших народа Западной Германии) бились друг с другом, раздираемые еще и внутренними противоречиями, и очень скоро потеряли и свое главенство, и лучших вождей. В 19 году вождь маркоманов Маробод, преданный своими союзниками, был вынужден просить убежища в Риме. Город охотно его принял, тем более что уже почти 20 лет мечтал от него избавиться. Маробод мирно скончается там в 37 году — в том же, что и Тиберий, его старый враг, а порой и сообщник. Арминию повезло меньше: грозный вождь херусков, разбивший римлян в Тевтобургском лесу, падет под ударами соплеменников в братоубийственной войне вскоре после того, как Маробод сдастся Риму.

Калигула как будто не планировал наступательных операций

за Рейном, хотя его намерения трудно себе представить из-за неточности и тенденциозности источников. Во всяком случае, он старался восстановить дисциплину в одной Рейнской армии, где она дала слабину. Казнив военачальника Гетулика, который плел заговор против него, Калигула решил поставить во главе четырех легионов, стоявших в Верхней Германии, Гальбу — того самого, который потом сменит Нерона. Выбор оказался верным. Гальба придерживался строгих принципов, особенно в военной области, и очень быстро навел порядок, положив конец грабительским вылазкам, которые, похоже, участились после смерти Тиберия.

Тем временем вылазки германцев бессистемно продолжались. В 41 году, когда Клавдий только пришел к власти, Гальба и его товарищ Габиний, командовавший войсками в Нижней Германии, столкнулись с несколькими северогерманскими племенами, в том числе хавками и хаттами. Неизвестно, где происходили сражения. Была ли это оборона от орд, форсировавших Рейн, или репрессии на вражеской территории? Мы склоняемся ко второй гипотезе. В 41 году нужно было отвадить германцев от проникновения в Галлию, чтобы оттуда можно было снять два легиона для завоевания Британии. Отсюда необходимость в демонстрации силы в землях самых неспокойных племен. Эта одновременно карательная экспедиция и акция устрашения явно возымела свое действие, поскольку о данных племенах не будет слышно до 47 года. Она позволила и подлечить уязвленную гордость римлян: у хаттов отняли последнего «орла», утраченного Варом, что, кстати говоря, подтверждает гипотезу о сражении за Рейном.

Это было важное событие, поскольку в Древнем мире штандарт играл бóльшую роль, чем знамя сегодня, — это был религиозный символ. На значках римских легионов был изображен орел Юпитера, символизировавший мощь *Populus Romanus* (римского народа) и его объединительную миссию, благословленную богами. Легионеры справляли перед ними обряды, даже воздавали им настоящий культ; припасть к воткнутому в землю значку значило получить право на убежище. Короче, они были чем-то вроде походных храмов, которые солдаты втыкали в землю в своих лагерях и брали с собой на битву. Независимо от поражения захват врагом значков сам по себе был катастрофой. Поэтому римляне не знали покоя, пока не возвращали их обратно. В 20 году до н. э. Август устроил грандиозное действо по случаю возвращения штандартов, утраченных Крассом в Персии вместе с семью легионами в жестоком поражении при Каррах в 54 году до н. э. Император лично отправился встречать значки на границе, а потом благоговейно поместил их в храм Марса Мстителя в Риме. Это

возвращение, хотя его добились дипломатическим путем, а не военным, было расценено и отпраздновано как победа: воздвигли триумфальную арку, отчеканили монеты с соответствующим изображением. В 41 году возвращение последнего значка легионов Вара встретило меньший отклик. Победы Германика уже смыли кровью поражение в Тевтобургском лесу и позволили отбить два других штандарта (один — у бруктеров в 15 году, второй — у марсов в 17-м). Но Клавдия все-таки приветствовали как императора (полководца, одержавшего победу), а Габиний получил прозвище Хавк, поскольку победил хавков.

Шестью годами позже, в 47-м, Рим снова испытал удовлетворение, когда херуски явились просить себе царя. В эпоху Вара, а потом Германика этот мощный народ был передовым отрядом антиримской борьбы в Германии, но с тех пор, как перестал сражаться с легионами, его главная деятельность свелась к междоусобицам. Смерть Арминия не положила конец резне, в которой погибла большая часть знати и вся семья вождя. Последний выживший представитель династии находился в Риме. Его звали Италик. Его отец Флав приходился братом Арминию, против которого он сражался в рядах римлян. Именно этого человека теперь хотели себе херуски, надеясь, что он остановит у них кровавую анархию. Таким образом, Италик стал первым гражданином Рима, пришедшим к власти за рубежом. Поначалу херуски повиновались ему не переча, тем более что он не отдавал преимущества какому-либо клану. Кроме того, хотя он и воспитывался в Риме, но знал обычаи германцев и следовал им, в том числе устраивал попойки, которые, кстати, зачастую и приводили к смертельной поножовщине. Но очень скоро в стане херусков вновь начались разброд и шатания. Те, кто хотел прибрать власть к своим рукам, напоминали о происхождении Италика и противопоставляли его отца, союзника римлян, его дяде-герою. Постоянно толкуя о «свободе», как все демагоги, они старались натравить соседние племена на римского прихлебателя, сына предателя, целью которого было обратить германцев в рабов. Состоялось еще одно сражение, которое Италик выиграл, но тут и его прогнали. Тогда он заручился помощью лангобардов, живших к востоку от Эмса: им было выгодно, чтобы могущественные херуски продолжали истреблять друг друга. Так он вернул себе власть, но все же не смог пресечь межклановые разборки.

Междоусобицы херусков и их соседей казались достаточным основанием для политики невмешательства, провозглашенной Тиберием, которой придерживались и его преемники. За несколько десятилетий она помогла сделать неопасным самый

грозный народ Западной Германии, не потеряв ни одного римского солдата. Но этот народ не был единственным. В том самом 47 году, когда херуски просили у Рима даровать им вождя, хавки, на какое-то время присмиревшие после взбучки, полученной в 41-м, вновь принялись за пиратские набеги, подходя на легких судах к берегам белгов[32] и разоряя их. Предводительствовал ими некий Ганнаск. Этот человек был родом из племени каннинефатов, живших на самом севере Нижней Германии у устьев Мааса и Рейна. Римляне набирали там вспомогательную конницу, где одно время служил и Ганнаск, который затем счел более прибыльным делом дезертировать и предаться грабежу во главе хавков. Уже не в первый раз командир вспомогательных войск становился врагом Империи. Конечно, такие перебежчики были особенно опасны, потому что изнутри знали армию, против которой сражались. Самыми известными из них были Арминий в Германии и Такфаринат в Африке, которые не так давно задали Риму много хлопот. Будут и другие.

Вероятно, не случайно, что хавки возобновили свои набеги во время британского похода, в котором участвовали три рейнских легиона из восьми. В частности, в армии, стоявшей в низовьях Рейна, не хватало XX Валериева легиона, ближе всего находившегося к территории, пострадавшей от разора, учиненного хавками. Кроме того, несвоевременная смерть Санквиния, наместника в Нижней Германии, вызвала замешательство «наверху». Клавдий назначил вместо него энергичного и успешного человека — Гнея Домиция Корбулона. Первым делом он должен был очистить Рейн и каналы от пиратских судов и прогнать Ганнаска. Потом — укрепить дисциплину, сурово наказывая за легкие проступки во избежание серьезных. Отметим про себя периодически возникавшую необходимость действовать жестко. Гальба, Габиний, а теперь и Корбулон были вынуждены, как говорит Тацит, прибегать *ad morem veterem* (к старым нравам), хотя между сменой этих военачальников проходило всего несколько лет. Можно себе представить, насколько политика невмешательства, исключавшая масштабные военные операции, приводила к ослаблению дисциплины, с чем постоянно приходилось бороться.

Решительный настрой нового легата оказал неожиданное воздействие на фризов. Это племя жило на берегу Северного моря к западу от Эмса. Долгое время фризы были союзниками Рима, как и их соседи хавки, проживавшие между Эмсом и Везером. Благодаря их поддержке, обеспечивавшей контроль над устьями этих рек, Друз I, а потом его сын Германик смогли подняться вверх по течению и высадить войска в центре вражеских

территорий, в частности на землях херусков и хаттов. Но в 28 году представителю Рима в племени фризов пришла в голову неудачная мысль увеличить необременительную дань, до сих пор уплачиваемую в виде бычьих шкур небольшому гарнизону из легионеров. Начался бунт, солдаты были вынуждены отступить. Наместник в Нижней Германии попытался усмирить фризов, но его плохо продуманная карательная экспедиция окончилась неудачей. Тиберий, отказавшийся от мысли завоевать Германию, вовсе не горел желанием начинать новую войну за возвращение Фризии. Поскольку хавки, похоже, уже вернули себе независимость с окончанием походов Германика, с потерей Фризии у Рима больше не оставалось опорных пунктов по ту сторону Рейна.

Такое положение сохранялось, пока Корбулон не дал отпор набегам хавков. Фризы вдруг согласились перейти под римский протекторат и даже в подражание Риму обзавелись сенатом и магистратами. В этих землях вновь разместили военный контингент из легионеров, а фризам к тому же пришлось поселиться на территории, указанной им Корбулоном. Это не значит, что переместили всё население; думается, что римляне просто выделили «ничейную полосу» для прохождения своих войск. Вот только это внезапное подчинение без малейшего сопротивления вызывает вопросы. Древние авторы не делают уточнений, но можно предположить, что фризы стали пассивными соучастниками хавков, позволив им пройти через свои земли. Реакция Корбулона заставила их задуматься: нарваться на войну с Римом, чтобы не рассердить хавков, — опасная игра. Кроме того, нигде не сказано, что фризы находились в хороших отношениях с хавками, которые, возможно, вели себя слишком вольно. Можно даже предположить, что та легкость, с какой они уступили Корбулону, указывает на их желание избавиться от хавков.

Наместник не собирался останавливаться на столь удачно начатом пути. Он хотел уничтожить Ганнаска, а главное — «мягко» восстановить контроль над хавками, как это ему удалось с фризами. Но между «большими» хавками, жившими к востоку от Везера, и «малыми» хавками, обитавшими на другой стороне реки, существовал определенный антагонизм. Корбулон решил опереться на первых против вторых. Он вступил в переговоры с «большими» хавками, чтобы те принесли клятву верности, и они согласились убить Ганнаска. Но это убийство пробудило в племени хавков такой гнев, что Империя чуть не оказалась втянута в новую германскую войну.

В Риме вмешательство и успехи Корбулона вызвали

оживленные дебаты. Одни ему рукоплескали, другие, верные «тибериевской» политике, опасались посылать армию в Германию. Клавдий больше склонялся ко второму мнению, он отдал приказ отвести гарнизоны обратно через Рейн. Когда Корбулон получил это послание, он находился в Германии, возможно во Фризии, чтобы запугать хавков. Удрученный этим решением, которое не мог оспорить, он ограничился такими словами: «Счастливы были прежние римские полководцы!» Потом велел сниматься с лагеря. Клавдий послал ему знаки триумфа. Обычно триумф, овация или знаки триумфа были наградой за решающую и полную победу. Здесь — ничего подобного. На самом деле это был любезный и льстивый способ дать понять Корбулону, что его приключение закончилось. Тиберий поступил так же, предоставив триумф Германику. Корбулон утешился, заставив свои войска прорыть канал длиной 34 километра между Маасом и Рейном. Это сооружение должно было предотвратить наводнения, а пока — чем-то занять войска. Его коллега из Верхней Германии Квинт Курций Руф заставлял своих солдат работать на серебряных рудниках у маттиаков — союзного племени, жившего на территории современного Висбадена. Чтобы Корбулон не завидовал, Клавдий и ему послал *insignia triumphi*. Мы уже знаем, что он взял в привычку раздавать их направо и налево. Конечно, легионеры были привычны к земляным работам, однако им пришлось не по вкусу вкалывать в жаре и духоте рудников или в гнилых и сырых поймах. На войне можно хотя бы захватить какую-то добычу, а тут ничего не выкопаешь. Поэтому когда командиров, заставлявших их махать кайлом, а не мечом, наградили, они восприняли это с иронией, к которой примешивалась досада. Им пришла в голову мысль тайно написать письмо императору и объяснить ему, что они об этом думают. Довольно фамильярно (ведь принцепс — их брат по оружию) солдаты посоветовали Клавдию заранее награждать новых полководцев — глядишь, те и не станут посылать солдат на каторгу, чтобы выслужиться.

Три года спустя, в 51-м, хаттские разбойники снова появились в Верхней Германии. Армия легко с ними справилась, бросив на них вспомогательные войска из вангионов и неметов (племен, живших в районе Вормса и Шпайера), которые изрубили их в капусту. Стоит ли уточнять? За этот подвиг легат Помпоний получил знаки триумфа. Тацита это забавляет. Поскольку Помпоний был еще и известным поэтом, историк не удержался от уточнения, что его стихи принесут ему гораздо больше славы у потомков, чем его *ornementa*… Это лишь одна из шпилек в адрес германской политики Юлиев — Клавдиев. Тацит беспрестанно

возмущается пассивностью, заставляющей Империю держать оборону. Он охотно признает, что набеги пресекались и карались (по крайней мере самые разорительные), но бесится от того, что угроза не была устранена совершенно. На самом деле, хотя вылазки германцев носили ограниченный характер, они свидетельствовали о проницаемости границы и тем самым порождали чувство незащищенности. Во всяком случае, это был повод пересмотреть политику в отношении германцев. Тацит так и делает, а дебаты в сенате, вызванные энергичными мерами Корбулона, показывают, что такое положение дел не находило единодушного одобрения у правящего класса.

Что обо всем этом думать? Прав ли был Клавдий, продолжая «тибериевскую» политику в Германии? Напомним, что эта политика опиралась на принципы, установленные Августом после поражения под Тевтобургом. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо знать, чем Римская империя отличалась от своего германского соседа. Эта Империя, которую лучше было бы назвать «греко-римской», представляла собой в основном средиземноморский ансамбль — более однородный, чем может показаться на первый взгляд. Восток объединял бывшие греческие царства, порожденные завоеваниями Александра Македонского, а средиземноморский Запад — бывшие колонии Греции и Карфагена. Общим для этих наций была политическая структура, основанная на признании центральной власти и международных правил. Их экономики также обладали общими чертами, например, большая роль в них отводилась морской торговле.

Галлия с легкостью вписалась в этот мир, с которым завязала отношения задолго до римского завоевания. Греческое влияние там распространялось из «греческой Галлии», простиравшейся от Италии до Испании. Вдоль побережья протянулось ожерелье греческих городов, которые живы до сих пор, а их имена порой несильно изменились: Монако (Моноикос), Ницца (Никея), Марсель (Массилия), Антиб (Антиполис), Агд (Агата), Ла-Сиота (Кифариста), Эмпуриес (Эмпорион), а еще Йер (Олбия), Сен-Тропе и т. д. Археологические находки говорят о хорошо налаженной торговле в этих греческих колониях, откуда греческие товары распространялись по всей Галлии. Самыми подвижными были фокейцы, поселившиеся в Марселе еще в VI веке до н. э. Изначально они торговали оловом, которое привозили с Британских островов, используя в основном речные пути: по Сене, Ду, Соне и Роне, — и отправляли в Грецию. Потом массалиоты разнообразили свою деятельность, о чем говорят аттические гончарные изделия и бронзовые предметы, встречающиеся по

всей Галлии, а также их деньги, которые находили даже на Джерси. С другой стороны, галлы не во всем были похожи на лубочные картинки или на иллюстрации из школьных учебников. Забудем на минуту об усатом воине, голова которого покрыта шлемом с крылышками. Галлы были умелыми ремесленниками, изготавливавшими самую лучшую стеклянную посуду, кожаную обувь, повозки, эмали, ткани, украшения, керамику; они в совершенстве умели обрабатывать самые разные металлы. Еще они изобрели бочку, сито, мыло, разные типы колесниц, в том числе повозки с поворачивающимися передними колесами. Вместе с этими предметами пришли обозначавшие их галльские слова, заимствованные латынью. Галлы-модельеры создавали столь удобную одежду, что она сохранилась до сих пор: штаны, короткие плащи (пелерины), обувь с высокими голенищами (*galoche*), *caracalla* — вид плаща, которому обязан своим прозвищем носивший его римский император. Добавим, что эти модельеры использовали самые яркие расцветки. Отсюда ткань, которую мы сегодня называем «шотландкой» — наверное, потому, что она долгое время использовалась в Шотландии, оставшейся кельтской. Наконец, галлы были земледельцами, возделывавшими зачастую столь обширные поместья, что название каждого двадцатого французского поселка происходит от имени галльского помещика! И здесь тоже применялись передовые технологии. В то время, когда римляне и греки еще пользовались сохой с закрепленным лемехом, галлы изобрели колесный плуг с независимой передней подвеской и подвижным сошником. Они раньше всех стали использовать борону и даже принялись за механизацию сельского хозяйства, внедрив сенокосилку и жнейку, перед которыми Плиний застывает в восхищении. Это что касается техники. Но наш земледелец далеко продвинулся и в науке удобрения почвы: на севере он применяет мергелевание, приводя римлян в восторг, во влажных областях — известкование, на юге посыпает чересчур сухую почву перегноем.

Короче, Галлия была крупной экономической державой, первой на Западе. Кстати, после своего завоевания она быстро займет место Италии во многих областях. Но ее могущество было подорвано раздробленной политической организацией. Единой Галлии не существовало, были галльские племена, в подавляющем большинстве управляемые по принципу античных полисов. Как и греки, галлы так и не сумели создать длительный союз, несмотря на чувство национальной общности. При таких условиях страна не могла в одиночку сопротивляться германской угрозе. Кстати, именно эта опасность побудила эдуев обратиться

за помощью к Цезарю в 58 году до н. э., чтобы выстоять перед нашествием сотен тысяч гельветов, свебов, танктеров и усипетов. Так что не стоит воображать, будто Галлия стала галло-романской только под воздействием силы. В ее интересах было политически интегрироваться в структуру, с которой она и так уже была связана цивилизационно и экономически, чтобы ее не смыло неуправляемым потоком германцев.

Таким образом, римляне завоевали и объединили народы разных обычаев, но с родственными государственными институтами и высоким уровнем развития цивилизации. В итоге старых господ сменили новые, но для этого не пришлось в корне менять политические традиции. Добавьте к этой естественной однородности довольно широкую автономию, предоставленную местным властям, чтобы привязать их к центральной власти, — и вы получите политическую формулу Империи. Только некоторые регионы на периферии еще создавали серьезные проблемы. Там проживали народы, всегда обретавшиеся в удалении от крупных цивилизационных центров: кочевники из Северной Африки, альпийские горцы, иллирийцы, иберийцы, рейнские и дунайские племена. После подчас весьма жестоких конфликтов некоторые из этих народностей интегрируются, как иллирийцы и альпийские племена, или, по меньшей мере, станут верными союзниками, как батавы. Прочие будут частично истреблены и переселены, как астуры и кантабры в Иберии. Другие же, понеся большие потери, всё же останутся непокорными и неуловимыми, как кочевые племена в Северной Африке.

Германия тоже оставалась вдали от крупных цивилизационных центров, хотя и не была такой отсталой, как мы обычно себе воображаем. Но в отличие от периферийных областей, о которых только что упоминалось, она была гораздо более населенной, глубинной и обширной, что усложняло применение военной силы. Использовать дипломатию было не проще. Германские племена не знали постоянных правительств, а жили по системе кланов, в результате чего вокруг тронов возникала чехарда. Когда Тацит говорит о правителях германцев, то сразу добавляет: «насколько можно править германцами». При таких условиях установить надежные дипломатические отношения было невозможно. Не случайно, что Корбулон хотел навязать фризам приличные институты власти. Вести переговоры с царем? Это значило заключать договоры с вождем клана, временно получившим большинство и не обладавшим никакой реальной властью над другими кланами. Нужно было беспрестанно оценивать реальное влияние того или иного вождя на население и взвешивать информацию, поступающую от

другого вождя. Ошибка в оценках могла повлечь за собой катастрофические последствия: Вар потерял свои легионы, поверив Арминию, а не Сегесту, а ведь тот его предупреждал о готовящейся ловушке.

Этой хронической нестабильностью и можно объяснить, почему Германия не принимала отношений клиентелы, которые Рим устанавливал на своих границах. Чтобы понимать, о чем идет речь, надо знать, что этот аспект дипломатии строился на понятии «патроната», определяемом римским частным правом. В строгом смысле слова это связь между семьей патрициев и ее «клиентами», то есть людьми, которым она покровительствует. В обмен клиенты служили своему патрону (главе патрицианского семейства), в частности, составляя его электорат. Отсюда выражение «избирательная клиентура». Такой вид социальных отношений, свойственный Риму, распространялся по мере завоеваний. Могущественные роды (*gentes*) защищали интересы целых полисов, чтобы увеличить собственный политический вес, в частности во время гражданских войн. Таким образом, система, изначально относившаяся к частному праву, незаметно перешла в область публичного права. Оставалось применить ее к окраинным царствам, сохранявшим чисто номинальную независимость. Царь-клиент награждался титулом «друга римского народа» — эта дипломатическая формула своей любезностью маскировала неравенство отношений патрон — клиент. Превратившись в конечном итоге в формулу публичного международного права, патронат сделал Республику, а потом и Империю патроном множества мелких государств и племен.

Окружив себя клиентами, Рим сумел без лишних затрат построить своего рода оборонительный вал. В самом деле, дееспособное государство-клиент не только в одиночку поддерживало внутренний порядок, но и обеспечивало внешнюю безопасность, а то и безопасность близлежащих территорий. Иными словами, это была полиция и погранохрана на самофинансировании, облегчавшая нагрузку на имперские армию и казну. Таким образом, царства-клиенты играли важную стратегическую роль, поскольку в мирное время мощь Рима с их помощью выходила за пределы его границ. А в случае войны между Римом и вражеской державой они превращались в первую линию обороны, пока не подоспеет имперская армия, которой они тогда поставляли вспомогательные войска. Если государство-клиент не справлялось с поддержанием внутреннего порядка, Рим вмешивался, чтобы рассудить конфликтующие стороны. Он восстанавливал на троне царя или возводил на него другого, если считал его более надежным. В конечном итоге, когда

существование этих марионеточных государств больше себя не оправдывало (либо они становились неспособны играть свою роль, либо их интеграция уже не представляла сложности), Империя превращала их в провинции и управляла ими напрямую.

Для такой системы необходимо наличие трех условий. Во-первых, какой-никакой стабильности в государстве-клиенте. Во-вторых, способности государства-патрона разрешать его внутренние конфликты, а то и аннексировать, если беспорядки будут продолжаться. Наконец, способности покарать за измену. В германских же племенах, с одной стороны, не было достаточно стабильности для установления действенной связи патрон — клиент, а с другой — Империя не была в состоянии осуществлять военное вмешательство без особого риска, как чтобы защитить своих клиентов, так и чтобы покарать их.

Из этой невозможности создать в Германии дееспособную сеть клиентелы и родилось то, что нам хочется назвать политикой «активного невмешательства», введенной Тиберием. «Невмешательства» — потому что Империя отказывала в помощи клиентам, попавшим в беду; «активного» — потому что она разжигала междоусобицы, на которые германцы тратили много сил. Эта политика давала хорошие результаты, в частности ослабило маркоманов на юге и херусков на севере, но не решило германской проблемы в целом. Ибо, если приглядеться, стратегия отстранения, несмотря на успехи, имела два больших недостатка.

Первый из них — неспособность Рима защитить своих клиентов или держать их в узде. Направимся к Дунаю и рассмотрим это на примере Южной Германии. Вождь маркоманов Маробод был свергнут в 19 году и получил убежище в Равенне. Очень хорошо; этот человек имел чересчур большие амбиции в ущерб Империи. Тиберий использовал его как жупел против Катуальды — нового вождя маркоманов: как пишет Тацит, свебам (народности, в которую входили маркоманы и квады) давали понять, что Марободу «будет возвращена царская власть, если свебы начнут своевольничать». Такого рода давление на клиентов, чтобы принудить их к повиновению, было обычным делом. Пока всё прекрасно. А потом? В том же году Катуальда, свергнутый в свою очередь, укрылся во Фрежюсе, где будет играть роль очередного жупела против сменившего его Вибилия. Этот Вибилий был вождем союзного Риму племени гермундуров, проживавших на территории современной Тюрингии. Позже, опасаясь, что сторонники Маробода и Катуальды устроят беспорядки, Тиберий поселил их на юге нынешней Словакии, под властью Ванния из племени квадов — еще одного вождя-клиента. И вот настал 50 год: после трех десятков лет верной и

беспорочной службы оный Ванний был изгнан своими племянниками по наущению Вибилия. Опять он. Что делает Клавдий? Ничего. Как и Тиберий, он отказывается рассудить своих клиентов. Его действия ограничиваются приведением одного легиона в состояние боевой готовности во избежание набегов воюющих сторон по сю сторону Дуная, а затем Ванний со своими последними спутниками получил приют в Паннонии. По меньшей мере надо признать, что племянники Вангион и Сидон, поделившие между собой его земли, останутся верны Риму. Однако постоянные государственные перевороты в стане союзников заставляют усомниться во власти Империи над германскими вассалами. Поведение тех же гермундуров, например, выглядит парадоксальным. В своей книге о Германии Тацит отзывается о них очень хорошо: «Племя гермундуров, верное римлянам; по этой причине с ними одними из всех германцев торговля ведется не только на берегу (Дуная. — *П. Р.),* но и внутри страны, а также в самой цветущей колонии провинции Реции. Они повсюду свободно передвигаются, и мы не приставляем к ним стражи; и если другим племенам мы показываем лишь наше оружие и наши укрепленные лагери, то для них, не проявляющих ни малейшей жадности, мы открыли наши дома и поместья»[33]. Это не помешает им свергнуть Катуальду, а главное — Ванния, не спросив согласия Империи. Во всяком случае, ничто не указывает на то, что Рим направлял издалека «выход в отставку» этого князька, который ни разу ему не изменил. Скорее, Риму приходилось всячески выкручиваться, лавируя между теми и другими, чтобы добиться хрупкого мира на протяжении одного поколения! Если присмотреться, Тиберий и Клавдий походили на жонглеров, вынужденных постоянно подбрасывать булавы, поскольку не знали, как остановить номер, чтобы они не упали им на голову…

Второй, куда более серьезный недостаток, — уход в сторону, предоставление инициативы германцам, когда те не убивали друг друга. В эпоху Юлиев — Клавдиев положение на Рейне было более напряженным, чем на Дунае. Почему? На наш взгляд, потому, что в Южной Германии еще ни одна народность не стала настолько сильна, чтобы принять эстафету у маркоманов в противостоянии Риму. Напротив, на севере хатты сменили своих соседей и конкурентов херусков, ослабленных междоусобными войнами, а сами соперничали с племенами послабее, типа хавков. Клиентеле не хватало глубины. В Северной Германии Рим только-только сумел привязать к себе ближайшие порейнские племена — батавов, вангионов и неметов, с которыми мы уже встречались. А дальше он не дотягивался кнутовищем, чтобы надолго установить

реальное влияние.

Оставались чисто карательные экспедиции, которые тоже оказались не столь эффективными, как в других местах. Набег такого рода окупается только в том случае, если направлен против урбанизированного и богатого врага, которому есть что терять. Тогда выгода двойная: стратегическая, поскольку наказанный впредь дважды подумает, прежде чем приняться за старое, и экономическая, поскольку затраты на поход можно будет хотя бы частично восполнить за счет грабежа или собранного выкупа. Полукочевым северогерманским племенам мало что было терять, и забрать это малое у них было гораздо сложнее.

В целом обычная стратегия Римской империи была почти не применима к Германии. Эта доктрина основывалась главным образом на устрашении. Август сделал выбор в пользу немногочисленной, но хорошо оснащенной и дисциплинированной армии. Такая система «экономии сил» имела целью как сберечь государственные финансы, так и отвадить чересчур могущественных полководцев от дурных мыслей. При небольшом личном составе, разумеется, не может быть и речи о том, чтобы оказаться сразу везде вдоль огромной границы, но важно *показываться* в самых чувствительных точках. Идея не в том, чтобы *немедленно* отражать все набеги внешнего врага или подавлять внутренние бунты (всем ясно, что это невозможно), а чтобы *сдерживать* их за счет *присутствия* крупных сил. Только если сдерживания оказывалось недостаточно, приходилось прибегать к *массовым репрессиям,* чтобы вернуть ему характер устрашения. Это прекрасно работало, как уже было сказано, в отношении богатых, политически развитых, то есть способных поддерживать международные отношения, и доступных в военном плане государств. Германия не соответствовала ни одному из этих критериев. Это была страна, по величине равная Галлии, но гораздо менее развитая, без хороших дорог, покрытая по большей части лесами и болотами, где жило множество мало оседлых и мало управляемых племен. Там не существовало «центра тяжести», о котором говорит Клаузевиц и на который враг может надавить, чтобы победить. Добавьте к этому храбрость воинов, мобильность племен, свободолюбие и стремление к независимости, и вы поймете, как трудно было завоевать и поработить то, что нам хочется назвать «германской эктоплазмой».

Столкнувшись с таким неблагоприятным геополитическим раскладом, Клавдий продолжил испытанную политику своих предшественников. Стоит ли похвалить его за это? Возможно ли

было выбраться из этой «вялотекущей клиентелы» и прибрать Германию к рукам, особенно на севере? Точно можно сказать лишь одно: переброска шести легионов в Британию лишила его возможности это сделать. Напомним, что ради этой операции Рейнскую армию урезали на три легиона из восьми, из Дунайской забрали один легион из четырех, а еще два создали специально. Каковы бы ни были экономические выгоды, завоевание Британии стало серьезной стратегической ошибкой. Этот остров не представлял собой никакой опасности для Империи — в отличие от беспокойной Германии, где эти шесть легионов можно было применить с большей пользой. Вероятно, опыт Друза I и его сына Германика не вызывал желания ввязаться в новую военную авантюру. Первый заложил основы романской Германии, вписывающейся в прямоугольник, очерченный на западе Рейном, на востоке Везером, на юге Дунаем. Но разгром Вара в 9 году положил этому конец, доказав непрочность клиентских отношений с вождями кланов. Как и отец, Германик предпринял крупные операции на суше и на воде, но без оккупации территории, боясь повторения тевтобургской катастрофы. Его тактика заключалась в том, чтобы опустошать территорию, вынуждая врага вступить в бой, в результате которого тот нес тяжелые потери. И тем не менее, несмотря на некоторые успехи, в том числе две блестящие победы, племенной союз, возглавляемый херусками, не был уничтожен. Без военной оккупации покончить с ним было крайне сложно.

Видимо, в Германии были испробованы уже все средства. Сначала завоевание и традиционная клиентела — не вышло. Затем отстраненность и то, что мы называем «вялотекущей клиентелой», — это начало давать кое-какие результаты благодаря междоусобным войнам среди германцев. Но в правление Клавдия эта политика себя исчерпала, особенно на севере. Однако похоже, что в это время положение в Германии позволяло вновь перейти в наступление. На юге маркоманы и родственные им квады превратились в тень самих себя: их вожди стали покорными и испытывали влияние гермундуров. Последние хотя и не спрашивали мнение Рима, влезая в дела своих соседей, но оставались верными союзниками. На севере херуски значительно ослабли. Соответственно хатты, наверное, превратились в самое могущественное племя в регионе. Но антиримский союз двух этих племен, сложившийся во времена Германика, больше не существовал. А если бы восстановился, то, вероятно, не обладал бы прежней мощью.

Возникает вопрос: позволили бы усилия, затраченные в Британии, совершить значительный прорыв в Германии — если

не повторять ошибок прошлого? Масштабные наступления в стиле Германика проводить нежелательно, поскольку их исход непредсказуем. Бросить всю Рейнскую армию в поход, далеко оторвавшись от тыла, значило бы сильно рисковать. Зачастую путь назад оказывался куда опаснее пути вперед. И потом, большой размах операции побудил бы германцев объединиться, а это нехорошо. Вот почему можно задуматься о том, не оказалась бы успешнее стратегия *постепенного продвижения вперед*. История с Корбулоном показала, что оккупировать территории по ту сторону Рейна было вполне возможно. Кстати, два новых легиона, созданные для нападения на Британию, дали бы возможность осуществить бросок, не оголяя границу по Рейну. Квадратик между Северным морем, Эмсом на востоке, Липпе на юге и Рейном на западе стал бы первым этапом, если бы его решили захватить. Его можно было бы превратить в надежный тыл, прежде чем устремиться дальше. Пойти дальше значило бы столкнуться с хаттами и херусками. Это уже задача, но на сей раз две народности можно было бы разделить: у херусков был вождь, предоставленный Римом, они ослабли и продолжали грызться друг с другом. Хатты рисковали остаться одни. Более того, на юге они соседствовали с гермундурами. Если бы Империя заручилась поддержкой гермундуров, хаттов можно было бы взять в клещи.

Но не будем увлекаться исторической фантастикой. Точно можно сказать лишь одно: будущее Империи решалось не на Темзе, а на Рейне и Дунае. Это знали уже в I веке нашей эры. Кровь и пот, пролитые в Британии, а также затраченное серебро могли бы оплодотворить клочок романской Германии и, возможно, изменить ход истории.

Клавдий ошибся. Корбулон был прав.

* * *

Не одни лишь германские племена создавали напряженность на Дунае. Эта река, на которой проживало много народностей, была неспокойной границей и требовала тем большей бдительности, что находилась в непосредственной близости от Италии. В 6 году внезапный и страшный бунт иллирийцев показал уязвимость Апеннинского полуострова, которому грозила реальная опасность со стороны этих еще плохо усмиренных областей. Потребовались три года ужасной войны, чтобы подавить мятеж. Но Иллирию хотя бы поделили на две провинции — Далмацию и Паннонию, и она прекрасно интегрировалась в Империю, став даже одной из самых прочных ее опор. Ее крепкое,

здоровое население поставляло превосходных солдат, а начиная со второй половины III века — длинную череду императоров, которые спасут Империю от военной анархии и германских орд.

Во времена Клавдия Иллирия, занимавшая примерно территорию бывшей Югославии за исключением восточной половины Сербии и Македонии, больше не вызывала проблем. Вот уже несколько лет как очаг напряженности переместился во Фракию — государство-клиент на востоке Балкан, географически соответствующее южной части Болгарии, восточной части Греции и европейской части Турции. Долгое время Рим не мог нарадоваться на это государство. В частности, во время мятежа иллирийцев царь Реметалк I оказывал Риму военную помощь. После его смерти в 13 году Рим поделил царство между его братом Рескупором III и его племянником Котисом VIII. Первый, считая себя обделенным, организовал убийство второго в надежде, что Рим смирится со свершившимся фактом и не полезет в драку. Рескупор оказался прав лишь наполовину. Тиберий в самом деле хотел избежать войны, но не собирался закрывать глаза на убийство, которое подрывало его авторитет. Поэтому он хитростью пленил царя и выслал его в Александрию, где его в конце концов казнили. Фракию же император заново разделил между наследниками: половину отдал сыну Рескупора по имени Реметалк II, а вторую половину — сыновьям Котиса VIII. Вот что значит мыслить последовательно. Тем не менее, поскольку мальчики Котиса были еще слишком юны, чтобы править, их пригласили в Рим на учебу. Позднее мы увидим, кому достанется пока еще неделимая половина царства. Как только предоставлялась такая возможность, Империя воспитывала у себя союзных принцев, чтобы держать их в запасе: это был лучший способ приобщить их к своей культуре, а также заставить осознать мощь их сюзерена. Они получали самое лучшее образование, порой вместе с юношами из императорского дома. Товарищем сыновей Котиса стал Калигула, который, придя к власти, решил подыскать им трон. В 38 году он предоставил половину Фракии Реметалку, который стал Реметалком III, чтобы его не путали с дядей Реметалком II, правившим другой половиной.

Но в 45 или 46 году Реметалка III убила его жена Пифодорида, являвшая одновременно его двоюродной сестрой. Неизвестно, чем руководствовалась эта дама, но ее поступок можно было бы объяснить ее происхождением. Пифодорида была дочерью Реметалка II и могла наследовать ему, что позволило бы объединить королевство. Если, исходя из этого, приписать ей намерение править всей Фракией без мужа, оставалось сделать

только один шаг. Вот только после этого дворцового переворота Клавдию пришлось аннексировать Фракию. Нам неизвестно в подробностях, как именно это царство прекратило существовать, поскольку древние тексты об этом умалчивают. Эпиграфика, однако, сообщает нам о сосредоточении войск в этом регионе, а Тацит рассказывает, что Византия в 53 году добилась отсрочки по уплате налогов в возмещение затрат, понесенных в связи с фракийской войной. Всё это дает понять, что аннексию нельзя объяснить только политико-семейными неурядицами между Реметалком и Пифодоридой. Был еще и бунт против Рима, подстрекаемый претендентами. В 21-м, а потом в 25–26 годах страну уже потрясло восстание менее цивилизованных племен, не желавших покориться власти, в том числе и собственным вождям. Вероятно, эти племена снова восстали в 46 году в связи с династическими проблемами.

Мы уже говорили, что пребывание автономных царьков на троне в периферийных областях зависело от их способности обеспечить порядок в своей стране. Так случилось и во Фракии, большая часть которой еще не была готова интегрироваться в Империю. Вместо оккупации, которая дорого обошлась бы в плане человеческих жизней и денег, лучше было поддерживать там местное правительство, которое скорее поладило бы с недовольным населением. Но вот в 46 году произошли уже второй государственный переворот и третье восстание за четверть века! Конечно, Рим нес свою долю ответственности за неспособность предупредить мятежи 21 и 25–26 годов, поскольку управлял половиной царства во время несовершеннолетия сыновей Котиса VIII. Кстати, весьма вероятно, что именно по этой причине Калигула передал бразды правления Реметалку III, надеясь избежать новых беспорядков. Увы, бедный царь не смог ничего сохранить — ни порядок, ни собственную жизнь… Такая династия, ненадежная, как и население, которое она должна была успокоить, уже не представляла никакого интереса для Империи. И даже начинала мешать.

Превращение Фракии в провинцию становилось неизбежным. Рим не мог терять время на решение династических споров, и раз имперской армии приходилось слишком часто вмешиваться, чтобы исполнять полицейские функции, лучше уж перейти к прямому управлению. Надо еще подчеркнуть стратегическое значение Фракии, в особенности ее северной части. Она представляла собой вторую линию обороны (после Мёзии) от набегов племен, живших в низовьях Дуная по ту сторону реки. В частности, даки и бастарны[34] были совершенно неукротимыми племенами и уже давно требовали присутствия в Мёзии двух

легионов, которые при необходимости усиливала фракийская армия. Например, в 19 году царь предоставил войска для похода против бастарнов и скифов. А беспокойные племена, поднимавшие восстания, жили как раз на севере Фракии. Если такой мятеж разразится во время военных действий против народов из низовьев Дуная, римская армия попадет в тиски или, в лучшем случае, останется без фракийских пополнений.

Не стоит думать, будто Клавдий приветствовал аннексию царств-клиентов. Лучшее доказательство тому — что братья несчастного Реметалка III сохранили за собой Малую Армению и Понт, куда Калигула посадил их на царство в 38 году. Просто подунайская область справедливо привлекала к себе его внимание, в особенности Балканы, реорганизованные после аннексии Фракии. Тиберий в начале своего правления объединил руководство Мёзией, Ахеей и Македонией. До 35 года эти три провинции оставались под властью одного наместника — Поппея Сабина, который установил рекорд чиновничьего долголетия[35]. Впоследствии Калигула не пересматривал систему объединенного правления на Балканах. В 44 году Клавдий вновь сделал эти территории отдельными провинциями. Ахея и Македония, где не было легионов, снова стали сенатскими провинциями; Мёзию, где стояли два легиона (IV Скифский и V Македонский), передали под управление императорского легата в ранге консула. Эта реформа была необходима. Мёзия занимала главное стратегическое положение в низовьях Дуная. Наместнику хватало военных забот, а он к тому же обладал властью над прокуратором из всадников, руководившим новой провинцией — Фракией. Ему были не нужны Ахея с Македонией, переданные под надзор гражданской администрации, поскольку там установился мир. И потом, возвращение этих двух провинций под управление сената было приятно для высокого собрания и нисколько не умаляло власти императора, так что эта операция была успешной и в плане внутренней политики.

Таким образом, Клавдию удалось удержать границы на западе, несмотря на переброску войск для завоевания Британии. Увы, он упустил исторический шанс в западной Германии, лишив Империю притока крепкого населения и стратегической глубины, которых ей всегда будет не хватать.

Направимся теперь к Средиземному морю и поплывем в Африку и на Восток.

IX. Африка и Восток

Придя к власти, Клавдий немедленно столкнулся с трудным положением Мавретании. Эта обширная территория, включавшая в общих чертах север Марокко и Алжира вплоть до Атласских гор, уже давно находилась под влиянием Рима. Еще в эпоху Югуртинской войны (112–105 годы до н. э.) этой областью управлял союзник Рима — царь Бокх. Позднее его преемники Бокх II и Богуд, делившие власть, приняли сторону Цезаря против Помпея. Этот удачный выбор позволил Мавретании расшириться на восток до реки Ампсаги (уэд Эль-Кебир), по которой пройдет граница с Нумидией. Затем Октавиан воспользовался смертью Бокха в 33 году до н. э., чтобы перевести Мавретанию под свое прямое управление, но в 25 году до н. э. передал ее нумидийскому князю Юбе II, женив его на Клеопатре Селене, дочери Марка Антония и Клеопатры. Этот монарх был образцовым царем-клиентом все 25 лет своего царствования. В частности, он оказал эффективную помощь в борьбе против нумидийского мятежника Такфарината (чтобы избавиться от него, римской армии потребовалось семь лет).

Его сын Птолемей наследовал ему в 23 году н. э. Его царствование началось удачно — с окончательного поражения Такфарината. Участие в войне против мятежника принесло Птолемею триумфальную тогу, расшитую пурпуром и звездами, и скипетр из слоновой кости. В 38 или 39 году царь, приглашенный в Рим Калигулой, весьма некстати облачился в пурпурную мантию, в которой и стоял на глазах у всех рядом с императором. По словам Светония, это стоило ему жизни. Тут он и в самом деле дал маху. Эта тряпка, символ высшей власти, могла покрывать только плечи императора. Во всяком случае, получение триумфальной тоги не позволяло царю носить *paludamentum* (пурпурную мантию) в присутствии принцепса. И все-таки, даже если предположить, что Птолемей действительно сделал такую глупость, не она, вероятно, стала причиной его устранения. За поведение, которое само по себе не представляло никакой опасности для императора, ему могли назначить более легкое наказание.

Современные историки согласны в том, что Птолемей был замешан в заговор Гетулика, командовавшего войсками в Верхней Германии, против Калигулы. К аргументам в пользу этой версии относится тот факт, что отец Гетулика, Косс Корнелий Лентул, долгое время сражался в Северной Африке во времена Юбы II. Именно там он получил прозвище Гетулик за свою победу над

гетулами — берберийским племенем. Его сын Гней (военачальник-заговорщик) носил его в свою очередь, согласно обычаю. В молодости Птолемей наверняка знал Гетулика-отца, и можно предположить, что Гетулик-сын искал его поддержки. У царя была как минимум одна причина ввязаться в эту авантюру: осуществить разбитую мечту своего предка Антония, особенно если Гетулик дал ему надежду… Вот только его братец Калигула, тоже потомок Антония, иначе смотрел на эти вещи. Когда Птолемей явился в Рим, Калигула попросил его поехать с ним в Галлию. Официально целью поездки была подготовка похода в Германию, а затем вторжение в Британию. На самом деле нужно было прежде всего пресечь заговор, неожиданно захватив главных заговорщиков и казнив их. Под предлогом осмотра Галлии Калигула собрал их всех, чтобы разом накрыть сетью.

Мастерски проведенная полицейская операция полностью удалась. Первым делом надо было обезоружить заговор. Вот почему, явившись в Галлию, Калигула вызвал к себе военачальника Гетулика. Думая, что его зовут для обсуждения стратегии, тот был неприятно удивлен, узнав, что его переводят в преисподнюю: на Стиксе, в отличие от Рейна, легионы не стояли. В виде утешения его отправили в последний путь в обществе двух членов императорского дома — кузена Калигулы Птолемея, а также Лепида, который был женат на младшей сестре императора, умершей за несколько месяцев до этого. Калигула не позабыл взять его с собой в Галлию. И не зря! Судя по всему, именно Лепид собирался облачиться в пурпур после переворота. Как видим, это было дело семейное, как и большинство дворцовых переворотов. Двум старшим сестрам принцепса повезло больше: поскольку они тоже участвовали в заговоре, их ласково пригласили в галльское турне, но император обрек их всего лишь на изгнание с конфискацией имущества.

После падения Птолемея Рим решил преобразовать его царство в две провинции: Мавретания Цезарейская и Мавретания Тингитанская, на месте нынешних Алжира и Марокко. Неизвестно, кто провел этот административный раздел: Калигула (как утверждает Плиний Старший) или Клавдий (по словам Диона Кассия). Точно одно: принцип (превращение в провинцию) принадлежит Калигуле и не был пересмотрен его преемником. Однако это не произошло само собой. Легко себе представить, что правящее сословие в Мавретании не обрадовалось утрате своего влияния. Кроме того, им двигало некое патриотическое чувство, основанное на эллинистической культуре. Само по себе это не мешало мягкому переходу царства-клиента в провинцию — другие эллинистические государства, подревнее и пославнее,

проделали тот же путь без особых затруднений. Но это преобразование обычно происходило во время престолонаследования и в тот момент, когда общественность не была настроена против.

На сей же раз царский вольноотпущенник по имени Эдемон поднял восстание уже в начале 40 года. О ходе его нам известно очень мало. Судя по всему, оно ограничилось Тингитанией и было быстро подавлено, однако восставшие успели причинить серьезные разрушения городам Волюбилис и Ликсус, а Тамуд (Тетуан) был полностью уничтожен.

Видимо, Эдемону не удалось объединить племена, как это сделал Такфаринат во времена Тиберия, а регулярная царская армия не взбунтовалась — или сделала это частично. К тому же Эдемон столкнулся с упорным сопротивлением городов, настроенных в пользу Рима и враждебных кочевым племенам, их жестоким набегам. Волюбилис, кстати, сделали муниципией (предоставили самоуправление и римское гражданство) в награду за верность. Клавдий же спокойно принял знаки триумфа за победу, вероятно, одержанную во времена Калигулы[36].

В 42 году восстание вспыхнуло снова, его подняли несколько непокорных племен, которыми командовал некий Салаб. Плиний и Дион Кассий говорят, что это были мавры, в свое время пошедшие за Эдемоном. С ними покончили два человека: сначала Светоний Паулин, потом Госидий Гета. Оба довели войска до самых Атласских гор. Кстати, благодаря этой войне Паулин стал первым римским полководцем, перешедшим через эту горную гряду. Но окончательную победу одержал Гета. Между прочим, ему здорово везло. После двух столкновений с благоприятным исходом Гета бросился преследовать Салаба в пустыне, на незнакомой местности. Римляне взяли с собой всю воду, какую могли, но очень скоро ее стало не хватать, а противник знал, где ее добыть, и был полон решимости воспользоваться своим преимуществом. Гета оказался в критической ситуации, которую можно кратко обрисовать так: вперед не пойдешь и назад не вернешься. И вот тут-то один из командиров вспомогательных войск шепнул ему на ухо совет: совершить магические обряды. Этот туземец, хорошо знавший местные нравы и обычаи, утверждал, что, если как следует произнести заклинания, может пойти дождь. Попытка не пытка, да и хуже уже не будет. Гета произнес соответствующую абракадабру. Почти тотчас начался настоящий ливень. Вода с небес не только позволила римлянам утолить жажду, но и убедила берберов в том, что боги к ним неблагосклонны и надо просить о мире.

Все эти операции, похоже, разворачивались в основном в

Тингитании, хотя, вероятно, имели место и в Цезарейской Мавретании. На западе проконсульской Африки, в Нумидии, мусуламы тоже устраивали нападения, но неизвестно, существовала ли связь между ними и событиями в Мавретании. Во всяком случае, с поражением мавританских племен в нынешнем Магрибе восстановился мир. Кое-какие операции, вероятно, проводились еще в 43–44 годах на юге Мавретании и Нумидии. Скорее всего, именно в связи с этим Клавдий отставил от должности и прогнал из сената наместника Бетика, который поставил недостаточно хлеба войскам в Мавретании. В общем, обращение Мавретании в провинцию произошло быстро, несмотря на яростный, но недолгий мятеж Эдемона.

Однако Рим интересовали не столько эти две новые провинции, сколько их соседка — проконсульская Африка. Мавретания Цезарейская, протяженностью около 700 километров, в глубину не превышала 50 километров, за исключением восточной области Ситифис. Только в правление Септимия Севера граница спустится до массивов Ходна и Уарсенис, что нельзя назвать большим продвижением вперед. Тингитанская же Мавретания занимала только север нынешнего Марокко вдоль линии, которая начиналась у муниципии Сала (Сале под Рабатом), проходила под Мекнесом и заканчивалась на реке Мулуха (Мулуя), по которой проходила граница с Мавретанией Цезарейской. Клавдий сразу же возобновил романизацию обеих Мавретаний, развивая города: Ликсус, Тингис (Танжер), Сала, Волюбилис — в Тингитанской; Цезарию (Шершелл), Типас, Русукуру (Деллис), Oppidum Novum (Новый город) в Цезарейской. Но этот порыв быстро выдохнется. Города в этом регионе останутся менее многочисленными, чем в проконсульской Африке и Нумидии. Однако они будут процветать и позволят римской цивилизации проникнуть и в более отдаленные области.

Несмотря на неукротимость кочевых племен, мир и безопасность сохранятся, причем надо подчеркнуть, что их поддерживали только вспомогательные войска — впрочем, довольно многочисленные. (Согласно Тациту, в 69 году в обеих Нумидиях насчитывалось девять когорт пехоты и пять ал конницы, то есть примерно 21 тысяча солдат, усиленных мавританскими подкреплениями.) Раз Империя никогда не размещала надолго легион в этих плохо усмиренных землях, значит, она не считала их своим приоритетом на севере Африки. На самом деле римская цивилизация на этом побережье Средиземного моря расцветет в проконсульской Африке, которая в то время простиралась от реки Ампсага (уэд Эль-Кебир на востоке Алжира) до Киренаики, пока Септимий Север не отделил

от нее Нумидию, чтобы превратить ее в полноценную провинцию (территория современных Туниса и Восточного Алжира).

* * *

Завоевание Британии и война в Африке обычно заслоняют восточные дела. Однако Восток играл важную роль в правление Клавдия, хотя он и не пожал там столько же лавров. Одной из главных забот Рима в этом регионе было обеспечить контроль над Черным морем для ведения торговли. В Мёзии и Фракии, надежных базах на западном побережье, Рим построил эскадру из сорока кораблей и благодаря ей распространил свое влияние на восток до самого Кавказа. На полпути находилось царство-клиент Боспор (территория современного Восточного Крыма). Это небольшое государство занимало ключевое стратегическое положение на Боспоре Киммерийском (Керченском проливе), открывавшем доступ в Азовское море.

Так получилось, что Клавдий, посадивший на боспорский трон Митридата в 41 году, затем заменил его младшим братом Котисом по причинам, которые Тацит объясняет в — увы! — не сохранившейся части своих «Анналов». Однако мы вновь встречаем низложенного царя в 49 году. Он «скитался» по царству, как говорит Тацит, продолжая с этого слова рассказ о его приключениях. Эти скитания позволяют предположить, что Митридата оставили на свободе или что он сбежал. Во всяком случае, он не тратил времени зря и собрал войско из племен, сохранивших ему верность, и сбежавших к нему солдат регулярной армии.

Поскольку римская армия только что ушла из страны, настал момент действовать — сейчас или никогда. Армией командовал Дидий Галл, первый наместник в Мёзии, недавно ставшей полноценной провинцией. Усмирив мятеж во Фракии в 46 году, Дидий отправился в Боспорское царство — вероятно, чтобы обеспечить передачу трона Котису. Уезжая, он оставил лишь небольшой контингент для защиты молодого неопытного монарха. Митридат этим воспользовался, чтобы завладеть Дандарикой — государством, расположенным по другую сторону Боспора Киммерийского. Прислонившись спиной к Кавказу, он теперь обладал превосходной базой для реконкисты собственного царства, тем более что сираки (соседи дандаров) оказывали ему поддержку.

Аквила, командовавший несколькими когортами, оставшимися при Котисе, сумел заключить союз с аорсами,

жившими к востоку от сираков и дандаров, в нижнем течении Волги и Дона. Теперь Митридат с союзниками оказался окружен врагами с востока и с запада. Аквила и царь Эвнон разделили между собой задачи: римско-боспорская пехота должна была захватить города, а аорсы — сражаться с конницей противника. Благодаря этому союзу Митридата быстро прогнали из Дандарики, и он укрылся у Зорсина, царя сираков. Чтобы не давать ему передышки, Аквила тотчас вторгся в земли сираков, в долине Кубани, и занял крепость Успе[37]. Этот город, стоявший на возвышенности, был защищен двойными стенами, сплетенными из прутьев и с насыпанной между ними землей. Этого было слишком мало, чтобы противостоять римлянам, искусным в науке осады. Жители хотели капитулировать, предложив десять тысяч рабов. Предложение было отклонено. На следующий день легионеры получили приказ взять город и перебить всех жителей. Ненужная жестокость? Нет. Применение военных законов того времени, по которым побежденный отдавался на милость победителя. Ксенофонт в «Киропедии» (VII, 5, 73) говорит о том, что по общему и вечному закону в захваченном городе всё принадлежит победителям — и люди, и их имущество. Тем не менее если города, взятые штурмом, обычно ждала ужасная участь, то добровольной сдачей этого часто можно было избежать. Тогда почему в этот раз никому не было пощады? Потому что «сторожить такое множество затруднительно», объясняет Тацит. Но не в этом главная причина. За несколько дней до того римляне овладели дандарским городом Соза, но не устроили там резню. Они просто оставили в городе гарнизон «вследствие ненадежности горожан». На самом деле печальная участь жителей Успе преследовала стратегическую цель: как можно скорее покончить с войной, посеяв ужас. «Истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных, — продолжает Тацит. — И вот Зорсин после долгих раздумий, поддержать ли попавшего в беду Митридата или позаботиться о доставшемся ему от отца царстве, решил, наконец, предпочесть благо своего народа и, выдав заложников, простерся ниц перед изображением Цезаря».

Резня в Успе была продиктована необходимостью *экономить силы*, принуждавшей Рим к стратегии устрашения. Как мы уже видели, людей было мало, их нужно было сосредоточивать в «болевых точках», чтобы они своим присутствием устрашали врага. В случае неудачи сосредоточенные силы приступали к *массовым репрессиям*, то есть устраивали террор — с двоякой целью. В настоящем требовалось заставить противника как можно скорее капитулировать, потому что *экономия сил* не позволяла

вести затяжные войны, а в будущем — заставить его сидеть спокойно, чтобы *устрашение* снова сработало. Эпизод с Митридатом в точности соответствует этой схеме. Устрашение перестало действовать из-за слабости контингента, оставленного в Боспоре, а также из-за решимости Митридата, который, наверное, думал, что Рим, занятый Британией, отреагирует не сразу. Аквиле требовалось нанести быстрый и сильный удар, чтобы не увязнуть в конфликте, находясь в трижды невыгодном положении. Во-первых, тыл остался далеко: по словам Тацита, его войска углубились на восток, поскольку находились всего в трех днях пути от Дона — крайней границы римского мира. Во-вторых, наличный состав ограничивался несколькими когортами, то есть, вероятно, не набралось бы и половины легиона[38]. Наконец, его союзники аорсы обычно представляли собой угрозу для Боспора, так что их следовало остерегаться, если война затянется.

Что касается Митридата, то капитуляция Зорсина положила конец его авантюре. Он сдался Эвнону, который передал его римским властям под обещание, что его не казнят и не заставят идти за колесницей во время триумфа. Клавдий сдержал слово. Царя-пленника просто показали народу с ростры (ораторской трибуны на Форуме) и сохранили ему жизнь.

Когда Клавдий облачился в пурпур, Рим утратил контроль над Арменией — буферным государством, за которое римляне с незапамятных времен спорили с парфянами. Положение между двумя Империями, на торговом шелковом пути придавало Армении важное стратегическое и экономическое значение, чем и объясняется ожесточенность, с которой две великие державы старались прибрать ее к рукам. Тиберию удалось под конец царствования посадить на армянский трон иберийского царя[39] по имени Митридат — не путать с тем, с которым мы только что расстались. Калигула по неясным причинам посадил его в тюрьму. Если коротко, то Митридат не сумел предотвратить государственный переворот, направляемый царем персов Артабаном, и был свергнут. Империя часто низлагала или наказывала царей-клиентов, проявивших некомпетентность. Вероятно, теми же причинами была продиктована отставка наместника в Сирии Вителлия — примерно в то же самое время. Выражаясь современным юридическим языком, этот высокопоставленный чиновник был «надзорной инстанцией», которой следовало пристально следить за всем, что делается в Армении. Калигула, вероятно, решил, что Вителлий утратил бдительность, а потому несет долю ответственности за падение Митридата. (Впрочем, Дион Кассий приводит совершенно иную

версию, утверждая, что Вителлий был отозван из-за так называемого безумия Калигулы.)

Со своей стороны, в Парфянской империи регулярно происходили дворцовые перевороты. Аршакиды совершили подвиг, продержавшись у власти с 250 года до н. э., хотя безжалостно истребляли друг друга. Из-за этого частенько случались междоусобные войны, которыми Рим порой пользовался, чтобы прогонять пропарфянских царей Армении, раз не удалось помешать их восшествию на трон. В интересующую нас эпоху, после смерти Артабана III в 40 году, его сыновья никак не могли прийти к согласию по поводу своих прав на корону. Похоже, что первым наследовал престол Артабан IV, поскольку Тацит сообщает нам, что его брат Готарз II подстроил его убийство[40]. Этот достойный последователь Каина заодно отправил на тот свет жену и сына, чтобы не вздумали мстить. Однако сей избыток осторожности встревожил третьего брата — Вардана I. Он собрал армию и в результате блицкрига овладел большей частью страны. Однако допустил ошибку, потратив драгоценное время на осаду Селевкии, что позволило его брату наверстать упущенное благодаря подкреплениям из дахов и гирканцев[41]. Вардану пришлось снять осаду и отступить в Бактрию[42].

В 47 году Клавдий узнал от иберийского царя Фарсмана о том, насколько серьезная сложилась ситуация у парфян. Фарсман (Фарасман) — кстати, брат Митридата, — намекнул, что Готарз сейчас слишком занят гражданской войной, чтобы отвлекаться на менее важные дела — то есть Армению. Император без труда убедился в обоснованности этих аргументов и решил провести операцию подобную той, что была только что предпринята для защиты Боспора: римляне займут города, а иберийские вспомогательные войска возьмут под контроль долины. Быстрый и полный успех позволил Митридату вернуться на трон. Увы — ненадолго: в 51 году он снова его потерял — на сей раз вместе с жизнью. Фарсман Иберийский уже давно беспокоился по поводу дурных мыслей, которые от праздности рождались в голове его родного сына Радамиста. Тот во всеуслышание заявлял, что его старик-отец что-то слишком долго не передает ему власть. Чтобы не ввести нетерпеливого юнца в искушение отцеубийством, царь решил направить его пыл на Армению. В конце концов, объяснил он Радамисту, именно он, Фарсман, отдал эту страну своему брату, изгнав из нее парфян, так неужели он теперь не поможет своему дорогому сыну ее завоевать? Думается даже, не для того ли он в свое время так старался сделать своего брата царем Армении, чтобы удалить его от себя…

Отец и сын тотчас разработали план, чтобы действовать сначала хитростью, а уже потом силой. На первом этапе Радамист попросил убежища у дяди Митридата под предлогом конфликта с отцом и мачехой. Воспользовавшись гостеприимством дяди, который ни о чем не подозревал, Радамист начал тайную войну. Он довольно легко привлек на свою сторону местную знать, не простившую монарху суровости, которую он выказал в начале своего царствования. Обзаведясь достаточным количеством сообщников внутри страны, Радамист простился с Митридатом, уверив его, что примирился с отцом…

Теперь можно было приступать к военной фазе, но только так, чтобы ей не помешали римляне: не будем забывать, что Митридат был их союзником. Для захвата Армении нужен предлог. Но в тот момент Иберия сама воевала со своей соседкой Албанией и обратилась за помощью к Риму. Фарсману пришла в голову мысль раскрыть Клавдию глаза на мнимый сговор Митридата с врагом и отдать армию вторжения под командование энергичного Радамиста. Разумеется, старый царь понимал, что долго дурачить Империю не удастся, поэтому надо действовать быстро, не дожидаясь разрешения, чтобы поставить ее перед свершившимся фактом. Под предлогом срочной необходимости иберы внезапно вторглись в Армению, вынудив Митридата, преданного своими вассалами, укрыться в Горнеях — крепости, где находился римский гарнизон.

С горечью, к которой примешивается гнев, Тацит рассказывает нам о том, как бесславно римляне сдали несчастного царя его племяннику. Чести им это, конечно, не делает. Но, увы, надо признать, что у них не было выбора: Рим в очередной раз угодил в ловушку собственной стратегии отстраненности, показавшей свою несовершенность в Германии. Посмотрим, как было дело. Сначала Радамист осадил Горней. Уже это указывает на «вольность», которую позволил себе по отношению к Риму царевич из далекой страны, считавшейся союзной. Однако Радамист не слишком упорствовал: с одной стороны, он не владел искусством осады, а с другой — не хотел настроить римлян против себя, желая, чтобы они признали его новым царем Армении. Он предпочел вести переговоры о выдаче Митридата с командирами римлян. Те же не были военачальниками высокого ранга. Начальник гарнизона был всего лишь префектом, то есть в данном случае — командиром когорты вспомогательных войск[43]. Помощник его был центурионом. Вот что значит отстраненность: судьба царя и Армении оказалась в руках людей, которые сегодня носили бы звание майора или в лучшем случае полковника (префект) и капитана (центурион).

Тацит рассказывает о конфликте между ними. Алчный префект Целий Поллион готов был сдать царя за деньги, предложенные Радамистом, а центурион Касперий отказывался. Кстати, Митридат с самого начала не доверял префекту, зная о его продажности, к тому же тот соблазнил одну из его наложниц… Не знаем, развлекался ли Поллион с придворными дамами и принимал ли время от времени «небольшие подарки». Точно так же нам не известно, раздавал ли сам Митридат щедрой рукой эти подарки натурой и звонкой монетой. Но как иначе можно объяснить, почему он был столь хорошо информирован. Без сомнения, Поллион не рискнул бы в открытую продать царя и Армению в обмен на личное обогащение. Это гарантировало бы ему смертную казнь в очень скором времени. Зато нам точно известно, что Радамист пытался с помощью подкупа добиться выдачи ему Митридата и передачи трона, посулив деньги не лично префекту, а Империи. Поллион, чувствуя, что не сможет выдержать долгую осаду, возможно, решил согласиться — и столкнулся с возражениями своего помощника.

Во всяком случае, читая между строк, мы увидим, что оба римлянина наилучшим образом использовали то небольшое пространство для маневра, что находилось в их распоряжении. Ибо их положение, хотя Тацит упоминает об этом вскользь, было почти безнадежным. Крепость в армянской глуши, полностью изолированную, где провианта в обрез, защищали только армянские вспомогательные войска. Армяне — хорошие солдаты, но мы сомневаемся, что они с восторгом позволили бы себя перебить за Митридата. Давно привыкшие к дворцовым переворотам и вмешательству иноземных держав, они вряд ли видели большую разницу между нынешним царем и претендентом. Тем более что, напомним, ни тот ни другой не были армянами. Префект и центурион поступили так, как поступают в безвыходном положении: стали тянуть время. У них оставался последний козырь: Радамист предпочел бы полюбовное соглашение с римлянами. Было решено, что Касперий отправится к его отцу в Иберию для переговоров. Фарсман принял его любезно, дипломатично наговорил много слов, но втайне отправил сыну приказ без промедления захватить крепость любыми способами.

Тогда префект разыграл последнюю карту. Он знал, что крепость падет прежде, чем его начальство, предупрежденное центурионом, успеет прислать подкрепления из Сирии или Каппадокии… если вообще пришлет! Однако Поллион не мог выдать Митридата без его согласия: это значило бы уронить престиж Рима, а такого бы ему не простили. В конце концов ему

удалось убедить царя довериться своим родственникам: разве Фарсман ему не брат и тесть? А сам он, Митридат, разве не приходится дядей и тестем Радамисту? Их соединяет столько уз! Чего бояться? Тацит утверждает, что одновременно Поллион тайком подкупил солдат, чтобы те потребовали мира и царь понял, что у него нет другого выхода, кроме как отдаться в руки своей родни. Возможно. Возможно также, что, дабы успокоить солдат, готовых взбунтоваться, Поллион «выплатил награды», пообещав уладить дела между Радамистом и Митридатом. Пойди узнай… На самом деле всё зависит от того, как представить историю. А Тацит как раз от начала и до конца рисует ее самой черной краской, чтобы виднее был вред политики отстраненности. Ему надо доказать, что эта стратегия, зачастую ставившая Империю в положение слабого, вынуждала ее представителей идти на сделки, подлость и даже продаваться. Конфликт между префектом и центурионом принимает в этом ключе драматический оборот. В рассказе Тацита он превращается в аллегорию битвы между честью и позором: Радамист «подкупает алчного Поллиона, несмотря на то что Касперий заклинал того не предавать вероломно и корыстно царя-союзника и Армению, отданную ему в дар римским народом». Но порочный начальник одерживает верх над своим доблестным подчиненным. Метафора обретает смысл: честь подчиняется позору, как центурион — префекту.

Митридат согласился отдаться во власть своего племянника по настоянию римлянина. Это первый глоток стыда. Радамист пообещал не убивать его — ни мечом, ни ядом. Он сдержал обещание. По прибытии в священную рощу, чтобы официально заключить мирный договор, он задушил дядю. Не зная, что делать с царицей, своей родной сестрой, и с малолетними детьми, он послал за распоряжениями к Фарсману. Властолюбие старого царя возобладало над отцовской любовью, и он дал ответ. В соответствии с его пожеланиями его дочь удушили. Что же до внуков, то, поскольку никто не клялся не губить их мечом, их прирезали. Фарсман, однако, избавил себя от неприятности присутствовать при их умерщвлении. На него порой находила деликатность…

Квадрат, правитель Сирии, наконец-то извещенный о ситуации в Армении, решил использовать успехи Радамиста в интересах Рима. В конце концов, он же не порвал с Римом, а его злодеяния в любом случае запятнают его позором. Уже не в первый раз римские императоры преподносили армянскую корону как отравленный подарок с единственной целью посеять раздоры. В этом угадывается принцип *divide et impera* — «разделяй

и властвуй», на котором основывались отстраненность и вялотекущая клиентела, как и в Германии. В очередной раз Тацит повествует об этом с гневной дрожью в голосе. Рассказывая об участниках совещания, созванного Квадратом, он восклицает: «Заботу о достоинстве Римского государства проявили лишь очень немногие; большинство высказались за то, что безопаснее: всякое преступление у чужестранцев следует принимать с радостью; больше того, надлежит сеять семена междоусобиц…» Короче, всюду побеждают Поллионы.

Для видимости все-таки возмутились. Фарсман получил приказание удалить своего сына из Армении, куда вступили вспомогательные войска под командованием прокуратора Каппадокии. Тут Тацит снова сгущает краски больше, чем нужно, чтобы придать своему рассказу необходимый моральный подтекст. Прокуратор Юлий Пелигин, «одинаково презираемый как за низость души, так и за телесное безобразие», не стал сражаться, отправился к узурпатору, принял подарки и присутствовал при его воцарении «как пособник и вдохновитель». Всё понятно: физическая и нравственная неполноценность Пелигина, подарки (которые он, кстати, наверняка принял от имени Рима) не должны заслонять простую реальность. Задачей прокуратора наверняка было не изгнать Радамиста столь ничтожными силами, а попросту показать, что Рим остается сюзереном. Отсюда присутствие армии при вручении царских знаков. Тацит об этом знает и, кстати, не говорит прямо противоположное, но, верный своей привычке, искусно орудует намеками. Сначала он объясняет, что командование на Востоке проявило осторожность, потом намекает, что прокуратор, известный своими пороками, оказался подкуплен Радамистом. Всё это противоречиво: с чего бы Радамисту подкупать Пелигина, если тому не было приказано отнять у него тиару? Понятно, что Радамист подкупал Рим, но Тацит не хочет сказать этого прямо, а только дает это понять. Он предпочитает воплотить позор в нескольких людях, которые были только исполнителями. Заклейменные его проклятиями, Пелигин и Поллион становятся козлами отпущения, на которых возложены бесчестные поступки Рима. Историк отдает их в искупительную жертву своим согражданам и потомкам. И ловко завершает свое доказательство: порочной системе отстраненности требуются порочные люди.

Сразу после этого Квадрат отправил в Армению легион — непонятно, с какой конкретно задачей. Согласно Тациту, командовавший им легат Гельвидий Приск, «успев навести порядок больше умеренностью, чем применением силы… получает приказ возвратиться в Сирию, дабы не вызвать войны с

парфянами». Непонятно, в чем именно был наведен порядок, поскольку Радамист сохранил трон за собой, к тому же начались угрозы со стороны парфян. Отметим попутно, что Приск тоже не сражался, просто его вмешательство представлено в выгодном свете: он предпочел «умеренность» «применению силы». Эта внезапная деликатность больше говорит о том, что легат преуспел не больше, чем прокуратор и префект прежде него! Но тогда почему изменился тон? Потому что Тацит не может выставить злодеем человека, достоинства которого расхваливает в другом труде — «Истории»: «Как гражданин и сенатор, как муж, зять и друг, он был всегда неизменен: презирал богатство, неуклонно соблюдал справедливость и не ведал страха». В драматургии «Анналов» такой человек не позволит себя использовать для нужд грязной политики. Как часто бывает у Тацита, историк уступает место драматургу: быстренько проскакивает через неприятный эпизод, слегка его приукрасив, — короче, оберегает репутацию хорошего человека для сохранения связности пьесы.

По крайней мере, Рим сохранил контроль над Арменией. Но в 52 году Радамист лишится трона, уступив его парфянскому государю, потом вернет его себе и окончательно потеряет в 54 году, вскоре после смерти Клавдия… Во время бегства он пронзил беременную жену мечом и бросил ее в реку Араке, чтобы она не попала в плен, а возможно, и чтобы не была ему обузой… Ну наконец-то! После стольких убийств, которыми нас пичкали все это время, мы счастливы сообщить читателю, что эта дама осталась жива: ее спасли пастухи и доставили к царю Тиридату, который принял ее с почестями. Радамист — тоже, хотя это нас радует меньше. Он добрался до Иберии, но для него это значило угодить от Харибды к Сцилле. Рим так и не простил убийства Митридата, и Фарсману надо было угождать новому императору Нерону, развернувшему энергичную восточную политику. Можно догадаться, чем всё кончилось. Старый царь, у которого отцовской любви было не больше, чем у Сатурна, без всяких угрызений совести преподнес императору голову своего сына в качестве залога верности.

* * *

Армянские дела были лишь одним из аспектов восточной внешней политики, которая зависела в первую очередь от непростых отношений с парфянским соседом. Не углубляясь в прошлое, которое завело бы нас слишком далеко, напомним, что

обе империи соперничали за одни и те же территории, исходя из экономических и исторических причин. Большие торговые пути, соединявшие Восток и Запад, проходили через Парфию и заканчивались в римском «терминале», который образовывали нынешняя Турция и государства-клиенты Причерноморья и Закавказья. Обе державы, разумеется, старались распространить свой контроль на эту артерию, по которой поступали предметы роскоши: шелк, драгоценные металлы, пряности, благовония… Этим, в частности, объясняется их соперничество в Армении. Но экономика — еще не всё. История наделяла эти устремления легитимностью, выводя их на высший уровень. Парфия, наследница огромной персидской империи Ахеменидов, считала восточные владения Рима до самой Сирии, а то и Египта, своим естественным достоянием. Рим, империя греко-римской культуры, претендовал на то, чтобы объединить Запад и Восток. А Восток в идеале был эфемерной империей Александра Македонского и простирался до самого Инда. Но силы обоих соперников были примерно равны, у обоих имелись многочисленные враги вдоль нескончаемых границ, и они страдали от хронических внутренних конфликтов. Этим объясняется, что чаще всего они будут избегать войны между собой и никогда не осуществят свою мечту.

Тем не менее в эпоху Юлиев — Клавдиев у Рима имелся крупный козырь. Династия Аршакидов, правившая с середины III века до н. э., так и не смогла установить прочную власть над местными династами, которые этим пользовались, разжигая ссоры в царской семье в своих интересах. Из-за довольно шаткой структуры Парфянского государства в нем регулярно вспыхивали междоусобицы и происходили дворцовые перевороты. Напротив, прочная система администрации, учрежденная первыми императорами из династии Юлиев — Клавдиев, избавляла Римскую империю от таких периодических потрясений. Как мы уже отмечали, нестабильность Парфии позволила Риму сохранить за собой государства-клиенты вплоть до берегов Каспийского моря. Порой она и предоставляла случай повлиять на внутреннюю политику соседа, рассудив споры. Для этой цели Рим принимал у себя членов рода Аршакидов. Это были государи, вынужденно покинувшие трон или не смогшие его получить, или царевичи, которых Рим требовал в качестве заложников от парфянского царя, когда позиции того ослабевали. Таким образом, император на какое-то время обеспечивал покорность парфянского царя под угрозой помочь своим гостям отнять у него трон. А в лучшем случае парфяне сами приходили в Рим просить себе нового царя, когда убивали предыдущего…

Именно так и случилось в 49 году. Мы оставили Готарза и Вардана в 47-м, когда они еще не разрешили свой спор. Вскоре, прознав о заговоре против них обоих, они примирились, чтобы вместе обратиться против врагов, и Готарз даже согласился посторониться и пропустить брата вперед. Но вскоре пожалел о своем великодушии и собрал армию, чтобы вернуть им самим же отданное. Вардан его разбил, но в свою очередь пал под ударом кинжала заговорщиков. Разразился новый кризис — между Готарзом, вновь увенчавшим голову тиарой, и сторонниками Вардана, подыскивавшими ему замену. Очень скоро они нашли ее в лице Мегердата, которого Рим приберегал на такой случай. Этот человек всю жизнь прожил в Риме. Его отец Вонон был сыном царя Фраата IV, который отдал его Августу — не столько в заложники, сколько чтобы защитить от дворцового переворота. В 9–16 годах Рим сделал Вонона парфянским царем, потом армянским царем, и в конце концов он вернулся обратно после двух непродолжительных правлений.

Теперь, в один прекрасный день 49 года, делегаты пришли за его сыном. Действительно, хотя парфяне снисходительно относились к политическим убийствам, Готарз, по их мнению, все же начал ими злоупотреблять, убивая беременных женщин, чтобы устранить конкурентов в зародыше. Клавдий охотно отдал им царевича, не слишком веря в его шансы. Он посоветовал молодому человеку править с умеренностью и справедливостью и поручил его Кассию, правителю Сирии. Тот сопровождал царевича до Евфрата и там простился с ним. К советам Клавдия Кассий добавил предупреждение, что надо действовать быстро, чтобы не утомить своих сторонников, поскольку у парфян воодушевление с легкостью переходит в коварство. Мегердат не прислушался к советам Кассия и напрасно потерял драгоценное время в Армении и соседней Осроене, вместо того чтобы ворваться в Месопотамию. Опустим подробности. Готарз, силы которого были невелики, воспользовался этим, чтобы переманить на свою сторону династов, настроенных в пользу его противника, и в конце концов победил его в регулярном сражении. Мегердат попал в плен. Добрый правитель Готарз сохранил ему жизнь, но все-таки отрезал уши.

Для Рима это была просто неудача без серьезных последствий. Мегердат в любом случае долго бы не продержался. Аристократии он показался бы слишком «римлянином», как и его отец Вонон. Тацит прав: «варвары более склонны просить из Рима царей, чем жить под их властью». Вскоре после этого произошло куда более досадное событие: внезапная смерть Готарза — от болезни, как утверждает Тацит, или в результате покушения, если

верить Иосифу Флавию. С точки зрения Рима, существование этого серийного убийцы погружало его страну в хаос, что было очень хорошо. Но теперь, избавившись от него, парфяне вновь обретут стабильность — хотя бы на время. В 51 году знать пришла к соглашению и вручила тиару Вонону И, правителю мидян. Этот человек, предположительно брат Артабана III, тотчас скончался — видимо, естественной смертью. Ему наследовал младший сын под именем Вологез I. При нем Парфянская империя обрела мир и вернулась на международную арену. Уже в 51 году знаменитый Приск уносил ноги из Армении вместе со своим легионом: лучше не злить могущественного соседа, вернувшего себе способность вести внешние войны. Но этим отступлением Клавдий дал понять, что он покидает Армению — ни больше ни меньше. Парфяне это сразу поняли: нам известны злоключения Радамиста, первый раз изгнанного в 52 году, а окончательно — в 54-м. У Вологеза был старший брат по имени Тиридат, которому тоже хотелось примерить корону. Он и стал царем Армении.

Как видим, хотя Римская империя льстила себе мыслью о том, будто поступает с парфянами как с прочими клиентами, это было иллюзией. Рим мог время от времени «даровать» царя своему соседу, приберегая другого в запасе, но это предоставляло лишь временное и второстепенное преимущество. На какое-то время, порой продолжительное, Парфия предоставляла Риму свободу действий в Армении или другом царстве на периферии, но только не у себя. Просто державой с таким населением, экономической и военной мощью, как Парфянская империя, не получится помыкать, как Боспорским царством или Фракией. На самом деле у Рима никогда не было и никогда не будет средств силой навязать свое влияние Парфии. Все прошлые и будущие попытки вторжения окончились поражениями или победами без далеко идущих последствий.

Клавдий, как и его предшественники, не сотворил чуда в отношениях с Парфией. Как и Августу, Тиберию и Калигуле, ему то везло, то не везло — в зависимости от обстоятельств. Он восстановил контроль над Арменией благодаря раздорам в лагере парфян — и утратил его к концу своего царствования. Его неудача вызвана не только прекращением гражданских войн среди парфян, но и в равной мере объясняется военными действиями в Британии. Рим не мог оказаться сразу везде. Держать Парфию в ежовых рукавицах можно было, только освободившись от всех других крупных внешних конфликтов. И наоборот: Парфянская империя демонстрировала свою силу на западе, когда ей не надо было переключаться на далекие

восточные границы. Этими помехами и объясняется, что за три столетия отношений между Римской империей и империей Аршакидов на вооруженные конфликты приходится не более тридцати лет.

Отметим в заключение, что междоусобицы и несправедливая казнь нескольких римских граждан побудили Клавдия превратить Ликию в провинцию. Эта небольшая область, расположенная на юге современной Турции, сохраняла свой греческий статус Ликийского союза — лиги вольных городов. Она была слишком мала, чтобы посылать туда наместника, и Клавдий объединил ее с Памфилией, отделенной от Галатии, — получилась новая преторианская провинция Ликия-Памфилия. Ее первым правителем стал Квинт Вераний. За пять лет на этой должности он усмирил непокорные города, обрушив их стены.

Мы не можем покинуть Восток, не навестив иудеев, богатая история которых тесно связана с историей Римской империи. Период, соответствующий правлению Клавдия, настолько насыщен событиями, что заслуживает того, чтобы посвятить ему следующую главу.

X. Иудеи

Иудеи не относились к самым многочисленным народам Востока, но требовали к себе особого внимания властей. Исключительный характер их единобожия, мессианские и эсхатологические надежды, утробное недоверие ко всякому правительству, в том числе их собственному, презрение к смерти делали их народом «с твердым сердцем и каменной выей», как скажет император Юлиан в IV веке. Кроме того, их территория находилась совсем близко от соперников-парфян, что тоже беспокоило римское правительство. Кстати, с середины I века новой эры иудейские бунты помешают амбициозным восточным проектам, приписываемым Нерону. Позднее, когда Траян почти уничтожит парфянского врага во время молниеносной войны, дойдя почти до Персидского залива, он чуть не окажется отрезанным от тылов ужасным иудейским восстанием, которое заставит его тотчас отказаться от завоеванного. Этими психологическими и стратегическими особенностями объясняются разные разделы территории и формулы правления, испробованные римлянами начиная с Августа. С 40 года до н. э. и до своей смерти в 4 году н. э. Ирод Великий умудрялся править всей Палестиной, нося титул царя Иудейского, дарованный ему римлянами. Август тотчас разделил его царство между тремя его сыновьями, отказав им в титуле царя. Двое назывались тетрархами. Этот почетный титул означает «правитель четверти», но лучше было бы его перевести как «правитель области», поскольку территорию не обязательно делили на четыре части. В данном случае Филипп брал себе северную область: Батанея, Трахонитида, Авранитида[44], а Ирод Антипа — Галилею и Перею[45]. Третий брат, Архелай, произведенный в этнархи, то есть «правитель народа», правил Иудеей, Самарией и Идумеей[46]. Был еще и четвертый «четверовластник» по имени Писаний, правивший маленькой Авилинеей на северо-западе от нынешнего Дамаска. О нем известны лишь две вещи: он занимал свою должность в 29 году, как следует из Евангелия от Луки, и один из его вольноотпущенников по имени Нимфай посвятил свои труды Тиберию и Ливии.

Этот первый раздел просуществовал недолго. Два года спустя Архелай, настроивший против себя иудеев своей жестокостью, был низложен и изгнан в Галлию. Его этнархия стала провинцией Иудея под управлением прокуратора. В 34 году Филипп умер, и Тиберий присоединит его земли к провинции Сирия. Казалось, провинциализация бывшего царства Ирода Великого неизбежна,

но это значило не считаться с его внуком Иродом Агриппой — авантюристом, приспособленцем и решительным человеком. Мы покинули его в 41 году, когда он помог Клавдию осуществить переворот. В 37-м он уже получил тетрархию Филиппа, а позже, в 39-м, — Ирода Антипы по милости Калигулы, которого он очень вовремя поддержат в конце правления Тиберия. Понятно, что Клавдий не мог поступить иначе, чем его предшественник, учитывая помощь Агриппы в решающий момент, когда речь шла о его жизни и власти. Поэтому в самый год своего воцарения он отдач Ироду Иудею и Самарию, которые Архелай потерял из-за своей тирании, присовокупив к ним Абилинею таинственного Лисания. Ко всему этому, разумеется, прилагался титул царя — не столь декоративный, как звание тетрарха или этнарха… Этот незаурядный человек, словно сошедший со страниц романа, достиг цели своего существования. После долгих лет удач и злоключений, роскоши и безденежья, свободы и заключения, пережив трех римских императоров, повидав множество государей, обокрав тучу кредиторов, он, наконец, воссоздал царство убийцы своего отца — своего родного деда Ирода! Оставалось только принять, как и он, прозвище «Великий». Потомки его им наделят. Он станет Агриппой I Великим.

Его дело не пережило его самого. После его смерти в 44 году Клавдий словно не знал, что делать с этой обширной Палестиной, которая больше никогда не будет единой.

У Ирода Агриппы, конечно, был семнадцатилетний сын, Агриппа II, который жил в Риме. Он был слишком молод, чтобы править столь непростым регионом, тем более что его приход к власти был бы воспринят неоднозначно, судя по проявлениям радости в Кейсарии и Себасте после кончины его отца. Поэтому император, по совету своего окружения, передал царство под прямое управление прокуратора. С 44 по 52 год при нелегких обстоятельствах сменилось три прокуратора.

Уже в 44 или 45 году этнический конфликт между иудеями вынудил первого из них, Куспия Фада, прибегнуть к суровым репрессиям. Этот энергичный человек также успешно боролся с вооруженными бандами, наводнившими территорию, и даже против ложного мессии, вызвавшего бунт в 45 году. Некий Февда, на которого снизошло озарение, заставил простонародье поверить в то, что он прикажет Иордану остановиться, чтобы его можно было перейти и направиться к Иерусалиму. Но когда поверившие ему добрались до реки, та осталась глуха к его заклинаниям, и Фад, подоспевший с малой конницей, рассеял эту импровизированную армию. Февду пленили, и он так и не попал в Иерусалим — во всяком случае, целиком: ему тотчас отсекли

голову, которую и отправили в этот город, чтобы выставить на всеобщее обозрение.

Однако больше всего хлопот Фаду доставил отказ жрецов Храма передать священные одежды первосвященника под охрану римлян. В основе этого дела лежала глухая борьба между Иродом Великим и иудейским духовенством. Царь начал большой ремонт Иерусалимского храма, он также постарался, чтобы у него не отняли даже толику духовной власти, зато, наоборот, лишил синедрион всякой светской власти. Сам первосвященник теперь был всего лишь чем-то вроде чиновника, назначаемого царем. Именно чтобы показать зависимость религиозного главы от трона, монарх и запирал священническое облачение в башне Антония[47] по соседству с Храмом. Архелай сохранил эту практику, и когда он был низложен, римские губернаторы ее возобновили, пока Тиберий ее не отменил. Царь Агриппа восстановил ее, так что после его смерти вопрос об облачениях первосвященников возник снова, поскольку Рим опять перешел к прямому управлению. Политикой Империи было по возможности подстраиваться под нравы и обычаи управляемых народов, чем, кстати, и объясняется ее долголетие. Естественно, в обмен она требовала, чтобы ее представитель пользовался теми же прерогативами, что и государи, место которых он занял. В данном конкретном случае, поскольку цари-иродиане могли распоряжаться облачением первосвященника, прокуратор должен был сохранить эту власть.

Таким образом, Фад всего лишь исполнял приказ Клавдия, который восстановил дотибериевскую практику. Однако священники добились от него, чтобы он повременил до ответа императора на их челобитную. По совету юного Агриппы Клавдий издал эдикт в пользу священников, основываясь на решении, принятом при Тиберии. Это было очень умно с его стороны. Хранение облачения было лишь символом порушенной власти духовенства, но символом опасным. Рим ничего не выигрывал, унижая касту, которая уже не правила, но фактически сохраняла значительное влияние на население. Достаточно было держать синедрион под надзором. У Агриппы был брат Ирод, которому Клавдий отдал в 41 году небольшую область Халкиду — город в центре современного Ливана. Именно ему император передал управление Храмом с правом назначать первосвященников и держать под своим контролем священную казну; эту должность он мог передавать по наследству.

В 46 году Клавдий назначил вместо Фада Тиберия Александра. Это был иудей из Александрии, племянник философа Филона и очень богатый человек. Недолюбливаемый

своими единоверцами из Палестины, он столкнулся с голодом и новым бунтом, который, похоже, вспыхнул в Галилее. В этой области начиналось брожение — признак подъема иудейского национализма и предвестник великого восстания 66 года. С назначением в 48 году Вентидия Кумана лучше не стало. Отметим попутно быструю смену прокураторов Палестины, которые не оставались на своей должности более двух лет. Кумана сразу же начало преследовать невезение. На Пасху, во избежание чрезмерного скопления толпы, перед Храмом собрали войска, как каждый год. Так получилось, что один из солдат, возможно для удовлетворения естественной надобности, показал часть своего тела, которую Иосиф Флавий прямо не называет, но легко догадаться, о чем речь. Этого хватило, чтобы начались беспорядки, тем более что самые горячие подстрекали других, вопя, будто Куман отдал солдату приказ совершить это святотатство. Губернатор пытался восстановить спокойствие, но тщетно. Тогда, вероятно во избежание кровопролития, он приказал своим людям уйти в башню Антония. Но толпа расценила движение войска как попытку атаки и, охваченная паникой, разбежалась по переулкам вокруг Храма. К несчастью, эти улочки были такими узкими, что более двадцати тысяч человек оказались затоптаны.

Только-только улеглась эта первая драма, как слугу Кумана ограбили в окрестностях Иерусалима. Прокуратор схватил старост окрестных деревень, но во время этой операции один солдат разорвал религиозные книги — к великой досаде присутствовавших свидетелей. Весть об этом святотатстве быстро облетела священную столицу, и иудеи тотчас отправились в большом количестве в Кесарию, где обретался губернатор. Если и есть что-нибудь, чего израэлиты не потерпят от римской власти, так это (пусть невольное) неуважение к их религии. Во времена Тиберия Понтий Пилат чуть не вызвал бунт, поместив золоченые щиты в царский дворец Ирода. Он, однако, проследил за тем, чтобы на этих щитах не было изображений, зная, что в Иерусалиме они под строжайшим запретом. Но простого хранения предметов языческого культа в священном городе хватило, чтобы вызвать гнев израэлитов. Дело дошло до самого императора, приказавшего немедленно вынести щиты. Этот прецедент, а также некоторые другие показали, что иудеи готовы пойти на тысячу смертей, чтобы смыть оскорбление, нанесенное их богу. В связи с этим было весьма вероятно, что Клавдий будет вынужден отозвать своего представителя, не сумевшего учесть крайнюю обидчивость населения в этом отношении. Подчиненные Кумана, уже давно проживавшие в стране, знали

всё это лучше своего начальника и постигли душу этого народа. Они подсказали ему единственный способ успокоить умы: казнить солдата. Прокуратор отдал такой приказ.

Всё это были еще цветочки: бедный Куман вскоре столкнулся с яростным спором между Иудеей и Самарией. По историческим и религиозным причинам иудеи (жители Иудеи) ненавидели самаритян. После смерти царя Соломона в IX веке до н. э. царство раскололось надвое. На юге — царство Иуды, сохранившего верность сыну Соломона, то есть земли Иудеи римской эпохи. На севере — царство Израиль, столицей которого вскоре стал город Самария, давший в итоге свое имя всей области. Политическое разделение сопровождалось религиозным расколом по инициативе самаритян, установивших культ Яхве, изображаемого в виде золотого тельца. Для избранного народа в целом начинался ужасный период. Сначала — духовная драма трех веков искушения идолопоклонством и религиозного синкретизма, с которыми боролась горстка вдохновенных людей — 16 пророков. Одновременно рухнуло царство Израиль (в 721 году до н. э.), а часть самаритян отправились в изгнание, высланные ассирийским царем Саргоном II. Вместо них новый господин устроит поселения из народностей, явившихся со всех концов его империи. Они принесут с собой множество идолов, и поклонение им прибавится к культу Ваала, оставшемуся от царицы-вероотступницы Иезавель из IX века до н. э. Таково происхождение народности «самаритян», презираемой иудеями. Те же, временно спасшиеся, сохранят веру в чистоте, придав мистический смысл трагедии Израиля. По этой причине весь избранный народ станет называться их именем — именем Иуды, иудеев. Но и они тоже приносили жертвы ложным богам, что вызвало гнев Яхве: тогда они в свою очередь познают поражение и изгнание в 586 году до н. э., под властью Навуходоносора. Когда иудеи вернулись в конце V века, то отказались участвовать вместе с самаритянами в восстановлении Иерусалимского храма, потому что считали их идолопоклонниками и нечистой породы. Самаритяне, конечно, отвергали эти обвинения; они образуют отдельную группу, противостоящую остальным евреям. Хотя они тоже делали обрезание и праздновали субботу, их обряды были иными, а их Священным Писанием было только Пятикнижие, что превращало их в еретиков. Примирение между двумя народами останется невозможным до практического исчезновения самаритян: сегодня от них осталась лишь небольшая деревенька под Наблусом.

В интересующую нас эпоху, между 51 и 52 годами, разразилась новая свара — после поножовщины, в ходе которой

иудеи из Галилеи, направлявшиеся в Иерусалим, были убиты в Самарии. Галилеяне прибегли к суду Кумана, но не добились от него желаемого решения. Они тотчас заявили, что прокуратор подкуплен самаритянами, и под этим предлогом призвали иудеев из Галилеи и Иудеи к восстанию против Рима. Некоторые примкнули к Елеазару, которого Иосиф Флавий представляет разбойником с большой дороги, занимавшимся грабежом и поджогом поселков в Самарии. Очень вероятно, что он был и вождем зелотов. Куман тогда начал военные действия, чтобы подавить восстание.

К счастью, иерусалимская знать сумела убедить большинство людей, примкнувших к Елеазару, разойтись по домам. Тем дело бы и кончилось, если бы самаритяне, у которых тем временем опустошили множество поселков, не пошли в Тир, чтобы прибегнуть к суду правителя Сирии Квадрата и добиться возмещения ущерба. Напомним, что правитель Сирии обладал властью над всем Востоком, а потому стоял выше Кумана. Можно себе представить, с какими чувствами иудеи и самаритяне предстали перед ним, чтобы взвалить друг на друга ответственность за беспорядки. Квадрату надо было действовать крайне осторожно. Выражаясь современным юридическим языком, банальный случай намеренное нанесение телесных повреждений, повлекшее за собой смерть потерпевшего, — вылился в теракты и покушение на государственную безопасность. Или, если вы предпочитаете более образный язык, то была искра, грозившая разжечь пламя по всей Палестине.

Как часто делают судьи, Квадрат сначала отложил вынесение решения. Ему требовалось время, чтобы провести расследование. А как гражданский и военный руководитель, он должен был поразмыслить над тем, какое вынести решение, чтобы успокоить умы, всегда готовые возмутиться. В делах такого рода правосудие зачастую должно подстраиваться под государственные интересы. Через некоторое время он специально приехал в Самарию, чтобы вынести приговор. Не забыли никого. Казнили не только самаритян, виновных в убийстве иудейских путников, но также и иудеев, вступивших в шайку Елеазара и захваченных Куманом. Для ровного счета Кватрат присовокупил к ним пятерых высокопоставленных людей, подстрекавших к бунту. На самом деле всё это была мелкая рыбешка. Из осторожности правитель ограничился этим, опасаясь, что ему придется осудить первых лиц в стране. Их он вежливо отправил объясняться к императору. Так, первосвященник Анания, иудейский стратег Анан и главные руководители Иудеи и Самарии отправились в Рим. С ними поехали Куман, которого иудеи по-прежнему называли

подкупленным самаритянами, и префект лагеря Целер. По меньшей мере мнимая несправедливость прокуратора больше не сможет послужить предлогом к восстанию.

Иосиф Флавий, от которого нам и известно об этом деле, рассказывает, что по прибытии в столицу Куман дал взятку императорским вольноотпущенникам, но вмешательство молодого Агриппы изменило положение дел.

К юноше перешла по наследству от отца дружба Клавдия. В 48 году император сделал его государем Халкиды вместо покойного дяди Ирода — того самого, который хранил у себя облачение первосвященников. Кроме того, у Агриппы была грозная союзница в лице новой императрицы Агриппины. Со времен ее предков, Марка Агриппы и Антонии, семья Агриппины завязала отношения клиентелы с династией Иродов. Кстати, именно чтобы подчеркнуть свое почтение к патронам, несколько иудейских правителей принимали имя Агриппа. В результате все самаритяне, явившиеся в Рим, были переданы в руки палача, Целер вернулся в Иерусалим, и его волокли там по улицам, пока он не умер, а Кумана подвергли изгнанию. Квадрат ограничился ролью судьи, покарав виновных с обеих сторон. Клавдию же предстояло выбрать, кто *должен* быть прав — в интересах высокой политики. Император сделал выбор в пользу иудеев против самаритян, потому что считал первых более опасными, чем вторые. И чтобы показать им, что Рим беспристрастен, он пожертвовал еще и Целером, и Куманом. Неизвестно, в чем обвинили Целера, но не слишком-то верится в продажность Кумана. Если он не осудил самаритян, убивших галилеян во время потасовки, то, возможно, просто потому, что не смог решить, кто нападал, а кто защищался. Сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

Вместо Кумана Клавдий назначил в 52 году Феликса, брата своего вольноотпущенника Палланта. Тот недолго будет править всей Палестиной. Уже в следующем году император передал повзрослевшему Агриппе II бывшие тетрархии Филиппа и Писания, забрав у него при этом крошечную Халкиду. Возможно, что, назначая Феликса, Клавдий стремился уравновесить милости, только что оказанные иудеям, и наделить Агриппу бдительным соседом. Кружок императорских вольноотпущенников не был благорасположен к иудеям. Если предположить, что Феликс был настроен так же, то, во всяком случае, недолго, так как вскоре после переезда в Иудею он соединился с династией Иродов, женившись на сестре Агриппы II — красавице Друзилле.

Положение дел останется неизменным до смерти Клавдия.

Как мы видим, постоянное брожение в Палестине делало ее трудноуправляемой областью. Со времен изгнания в Вавилон иудеи ждали «Нового союза», с которым настанет торжество праведников. Существовали разные мнения по поводу предвестников Дня Яхве, с которого начнется новая эра, но с I века до н. э. эти эсхатологические надежды сопровождались ожиданием царства Божия на земле и пришествия мессии. Для многих восстановление Царства Давида на земле как раз и было предвестником конца времен. Тогда Мессия будет править очищенным Иерусалимом, начнется тысячелетний золотой век, после которого настанет конец времен и воскресение мертвых.

В эпоху Юлиев — Клавдиев ожидание мессии, уже давно владевшее умами, становилось всё настойчивее, приобретая насильственные формы, поскольку, не утратив религиозного смысла, становилось делом политическим. Кое-кто считал, что борьба с римлянами и умеренными иудеями должна ускорить пришествие помазанника Божия. В частности, так рассуждали зелоты, которые сформируют передовой отряд иудейского национализма. С самого начала правления Ирода Великого они стали досаждать римлянам и их союзникам из иудеев: в Иудее и Самарии началась череда грабежей и убийств; Галилеи это касалось меньше, поскольку там находился очаг мятежа. Короче, беспорядки, разразившиеся в правление Клавдия, вписывались в это повстанческое движение, зародившееся в 4 году, которое закончится всеобщим восстанием 66 года. Иногда пишут, что Клавдий неудачно выбирал прокураторов Палестины. Не думаю. Эти люди были не хуже своих коллег из других земель, просто они прибыли в тот момент, когда ожидание Мессии и сопутствующее ему националистическое движение приняли радикальные формы. Кстати, надо помнить о том, что еврейский народ был очень своеобычным, трудно доступным для понимания. Для римлянина (вернее, греко-римлянина), воспитанного на рациональной греческой философии, иудей, веривший в единого ревнивого бога, оставался загадкой. Что понимал «гой» (не-иудей) во всех этих историях про Мессию, избранный народ, Союз? Конечно, он был образованным человеком, знал о концепции Всевышнего, трансцендентного существа. Солнца, описанного Платоном и стоиками. Но он не имел ни малейшего представления об особой связи между Богом и Человеком, о божественной любви, ниспосланной иудеям в виде откровения, которую они подарят человечеству. Только когда христианство встретится с греческой философией, родится новый мир, и начиная со следующего века кое-что начнет проясняться.

С этой точки зрения назначение Феликса прокуратором было

удачным выбором. Каковы бы ни были его личные чувства к иудеям, он хорошо разбирался в богословских спорах и религиозных течениях, будораживших страну. Из «Деяний апостолов» известно, что Феликс прекрасно знал о догме воскресения мертвых и порожденных ею спорах[48]. Уже по одному этому можно судить о том, что он хорошо разбирался в еврейской религии. Кстати, сделать этого императорского вольноотпущенника прокуратором Иудеи Клавдию рекомендовал предыдущий первосвященник Ионафан. Тем хуже для него, потому что Феликс велит его убить. Сам же он был родом с Востока, возможно, из страны по соседству с Палестиной, чем и объясняется его близкое знакомство с иудейской культурой.

* * *

Иудейские дела получили важное продолжение в Египте, особенно в Александрии, где жила крупная и древняя еврейская община. При Лагидской династии, оборвавшейся после победы Октавиана над Клеопатрой и Антонием, иудеи принадлежали к главенствующему социальному страту эллинов, возникшему в результате завоеваний Александра Македонского. Чтобы понять, как это произошло, надо сделать пояснение. В 305 году до н. э., через 18 лет после смерти Александра, Птолемей, сын Лага (основатель династии Лагидов), стал царем Египта. Он открыл ворота для греческой иммиграции, и греки начали обживаться, в частности, в Александрии — городе, основанном великим завоевателем и получившем его имя. Новая монархия могла бы отнять статус полиса у трех греческих городов в Египте: Александрии, Навкратиды и Птолемаиды. Но Птолемей и его преемники их не тронули, поскольку эти города уже не обладали никакой суверенной властью. Таким же образом эллинистические монархии, где бы они ни утверждались, уничтожали политическую систему полисов, хотя номинально та продолжала существовать. В Египте последствием ее выживания стало сохранение традиционного гражданства на греческий манер в трех этих городах. Но поскольку грекоязычные иммигранты селились также в агломерациях, не имевших статуса полиса, царь предоставил им особый юридический статус, основанный на этническом происхождении. Чтобы пользоваться преимуществами и привилегиями классического гражданства, достаточно было доказать, что ты эллин. Это понятие приобрело очень широкий смысл: под него подпадали не только выходцы из собственно греческих полисов типа Афин или Спарты (и их потомки), но и

все эллинизированные народы и даже народы, недавно покоренные Александром. Иудеи принадлежали как раз к последней категории и утвердились в статусе эллинов, доказав свою верность и поставляя царю солдат.

Для иудеев такое положение было выгодно вдвойне. С одной стороны, они как эллины пользовались привилегиями этой общины. С другой — как иудеи пользовались свободой вероисповедания согласно заповедям Моисея. Таким образом, их статус был исключительным. Нигде в Греции не было ничего подобного: гражданин греческого полиса, какой бы религии он ни придерживался, был обязан поклоняться местным богам. Еврейских эллинов из Египта к этому не принуждали. Этим объясняется, что в стране сложилась еврейская община, в которую входило, по приблизительным оценкам, 300 тысяч человек, по большей части в Александрии.

Римское завоевание поломало лагидскую юридическую систему, основанную на этническом происхождении. Македонец, афинянин, фракиец, будучи или нет гражданином Александрии, Птолемаиды или Навкратиды, получал привилегии благодаря своему македонскому, афинскому или фракийскому происхождению, поскольку являлся «эллином». Римское же право не различало людей по их происхождению — только по гражданству. Человек либо гражданин, либо нет — и точка. В результате, поскольку статуса эллина больше не существовало, египетский грек, не принадлежавший к одному из трех греческих городов, становился египтянином наряду с туземным земледельцем. Среди прочих неприятностей это подразумевало, что ему придется платить те же налоги. В пропорциональном отношении эта перемена больнее всего ударила по иудеям, так как большая часть их общины проживала в Александрии. Поскольку они, за редким исключением, не были гражданами Александрии до прихода римлян, теперь они скатились до уровня египтян. Новым властям, однако, хватило ума ограничить негативные последствия двумя мерами: установлением льготного налогообложения, позволявшего эллинам платить сокращенные подати, и, в том, что касается иудеев, сохранением их религиозных привилегий.

При этом Октавиан перевел Египет под прямое управление и даже лишил славную Александрию ее *буле,* то есть городского совета, который занимался делами греческих и эллинских городов. Александрийцы почувствовали себя униженными этой мерой, которая, кстати, надолго испортила их отношения с Римом, пока Септимий Север наконец не восстановил этот совет около 200 года.

Итогом всего этого стали трения между иудейской общиной и остальным населением. Понятно, что коренное население недолюбливало иудеев, потому что они принадлежали к главенствующему классу эллинов. Но самый острый конфликт возник у них с греками, уже давно корившими их за обособленность. Все дело в том, что в Древнем мире религия и политика были тесно связаны. У полисов имелись свои боги, а у вышестоящих царств и потом Империи — свои. Следовательно, воздавать культ этим божествам было как проявлением личного благочестия, так и гражданским долгом. Отрекаться от богов было все равно что отрекаться от полиса и Империи. Иудеи же со своим монотеизмом неизбежным образом попадали в ложное положение. Конечно, если говорить о Египте, то Птолемеи, а потом и Рим разумно позволяли им не исполнять языческих обрядов при условии, что вместо этого они будут молиться за спасение государства и его правителей. Но общественности этого казалось мало, особенно когда иудейская община составляла важное меньшинство, как в Александрии, где она выглядела инородным телом, хотя и жила там несколько веков. На взгляд язычников, «иудеи утверждали, будто разделяют с греками систему ценностей, однако отвергали важную ее часть, непримиримую с принципами их религии», как поясняет профессор Жозеф Мелез-Моджеевский. Короче, они стояли одной ногой тут, а другой там — поза, которая всегда внушает недоверие и враждебность.

К этому традиционному упреку теперь добавился другой: иудеи поддерживали Рим. В самом деле, в Александрии существовали греческие «националисты», которые корили иудеев за то, что эту поддержку они оказывают в обмен на сохранение привилегий, предоставленных Птолемеями. Такая ситуация могла обернуться драмой при первой же возможности, которая и представилась в 38 году. Случилось так, что приход к власти Калигулы в предыдущем году заставлял префекта Египта Флакка обливаться холодным потом. В самом деле, у нового императора были причины его не любить: он был врагом его семьи, против которой, возможно, плел заговор вместе с Сеяном; в конце царствования Тиберия Флакк поддержал Гемелла против Калигулы в их борьбе за власть. Чтобы повысить свой рейтинг, наш префект вздумал объединиться с вождями александрийских «националистов», хотя те и были его вчерашними врагами: во времена Тиберия один из них, Исидор, предпринял тщетную попытку погубить его посредством судебных тяжб. По словам Филона Александрийского, от которого мы знаем подробности этого дела, идея заключалась в том, чтобы выставить иудеев

враждебными Калигуле. Таким образом Флакк получил бы предлог для репрессий и способ доказать свою верность молодому принцепсу. Короче, «позабыв» передать Калигуле декрет иудейской общины о молитвах, вознесенных по случаю его прихода к власти, он дал волю черни, позволяя ей в частности, устанавливать статуи Калигулы в синагогах. В августе эти первые проявления насилия завершились погромом с многочисленными жертвами. Калигулу одурачить не удалось, и тот велел в октябре схватить Флакка. Александрийские «националисты» его предали: Исидор лично выступил с обвинением и на сей раз получил голову префекта. Флакка приговорили к изгнанию, а там вскоре казнили по приказу императора.

В Александрии воцарился мир до самого конца правления Калигулы. Но едва узнав о его смерти, иудеи взялись за оружие, чтобы отплатить грекам за погром 38 года. И вот при таких обстоятельствах александрийские «националисты» потребовали у Клавдия суда над царем Иродом Агриппой. Мы знаем об этом благодаря пяти фрагментам папируса из свитка, известного в кругу специалистов под названием «Деяния александрийских мучеников». Ирод Агриппа сыграл решающую роль в событиях 38 года. Побывав проездом в Александрии, он отправит своему другу Калигуле копию знаменитого декрета, удержанного Флакком, с сообщением об отказе вершить правосудие, в котором префект провинился перед иудеями. Мыв Риме весной 41 года, Агриппа принимает от Клавдия новые территории, которые вернут его царство в пределы, установленные его дедом Иродом Великим. Исидору потребовалось редкостное мужество, чтобы напасть на человека, настолько близкого к императору и любимого им. На самом деле образ Исидора и его друга Лампона, который можно себе представить на основе папирусов, контрастирует с тем, что создает Филон Александрийский в своем труде «Против Флакка». Защитник еврейской общины, к которой он принадлежал, Филон описывает их демагогами, специалистами «агитпропа», как мы сказали бы сегодня, готовыми пойти на чернейшие злоупотребления ради достижения своих целей. Наверное, всё это присутствовало: Исидор со товарищи наверняка не были пай-мальчиками, и у иудеев имелись веские причины их не любить. Но в папирусах обрисован иной портрет. Исидор представлен ответственным политиком, одновременно александрийским патриотом и космополитом, заботящимся о целостности всемирной империи римлян, мужественным защитником порядка и умелым оратором. Лампон показан верным товарищем, пошедшим за своим учителем даже на смерть.

На чем конкретно основывались обвинения против Агриппы,

неизвестно, но сама идея суда над ним претила Клавдию. Потребовалось вмешательство двух сенаторов, чтобы он согласился созвать императорский суд из-за «вселенской» тяжести обвинений. 1 мая суд начался, и Клавдий предостерег Исидора: «Не реки ничего, во имя богов, против моего друга [Ирода Агриппы]. Ты уже навлек смерть на двух моих друзей — Феона и Макрона… Ты уже их убил. А теперь преследуешь этого человека»[49]. Так мы узнаём, что Исидор старался погубить не только Флакка, он замешан и в гибели Макрона. Этот человек был префектом претория в конце царствования Тиберия и способствовал приходу к власти Калигулы. Последний, однако, не доверял ему и заставил совершить самоубийство, пока он не занял свой новый пост. Теперь, благодаря папирусу, мы знаем, что Исидор сыграл определенную роль в этом роковом решении. Вернемся к судебному процессу. Не смутившись, Исидор отвечает императору: «Господин мой Цезарь, зачем так высоко ставить Агриппу, трехгрошового еврея?» Тут уж Клавдий рассердился не на шутку: «Что ты говоришь? Ты самый дерзкий из людей, раз говоришь так…»

После этой стычки заседание было прервано и возобновилось на следующий день.

На сей раз в центре внимания было столкновение между посольством города Александрии, в которое входил Исидор, и делегацией александрийских иудеев. Последние требовали восстановить привилегии, которых они лишились с утратой статуса эллинов. Первые вернулись к классическому обвинению в «безбожии», основанному на том, что иудеи не позволяют вносить изображения в свои святилища и не приносят жертвы иным божествам, кроме собственного. Отметим, что иконоборчество иудеев было одним из аспектов религиозной исключительности, которая так раздражала александрийских греков. Затем Исидор озвучил второй пункт обвинения: «Я упрекаю иудеев за то, что они стараются весь мир ввергнуть в смуту». Обращаясь к Клавдию, он добавил: «Тебе следует оставить личные соображения и взглянуть на них в целом. Они не похожи на александрийцев; они более походят на египтян: разве не обложили их так же данью?» Разумеется, надо понимать, что Ирод Агриппа — душа этого заговора с целью дестабилизации Империи. Александрийские «националисты» превращались, таким образом, в защитников *ойкумены*[50] от иудеев и их главы и делали предостережение Клавдию, прямо обвиняя его в том, что он ставит дружбу выше интересов государства. Исидор действительно был мужественным человеком, раз так говорил с императором, и можно предположить, что составители папируса

немного прибавили от себя, чтобы возвеличить своего героя.

Вот только его приговорили к смерти за клевету вместе с его другом Лампоном. Оба главных действующих лица в последний раз обменялись любезностями. Клавдий обозвал Исидора «отродьем музыкантши», а тот Клавдия — «кидышем от Саломеи иудейки». Известно, что музыкантши считались женщинами легкого поведения, но поди узнай, кто такая эта Саломея…

Через несколько месяцев после суда, стараясь успокоить умы александрийцев — и греков, и иудеев, — Клавдий обратился к этому городу с открытым письмом, которое префект Египта велел вывесить 10 ноября 41 года. Часть письма посвящена конфликту между двумя общинами. Вначале принцепс говорит о беспорядках, последовавших за смертью Калигулы. Он говорит, что подстрекателями их были иудеи, но отказывается покарать их ради сохранения гражданского мира, хотя греческое посольство твердо настаивало на их ответственности во время «противоречивого совета» (вероятно, по поводу суда над Исидором). Клавдий ограничился тем, что запретил еврейской общине приводить в Александрию соотечественников из-за рубежа и предостерег их от резких выпадов во время зрелищ, устраиваемых греками. Так мы узнаём, что иудеи старались увеличить свою численность в египетской столице за счет иммиграции из Сирии и разных областей Египта. Разумеется, это вызывало опасения и гнев греков, и можно понять, почему император этому воспротивился. В обоснование своего запрета он напоминает, что иудеи живут в «городе, который им не принадлежит», а потому должны удовлетвориться «тем, что имеют». Наверное, в этом надо видеть отказ в удовлетворении просьбы иудейского посольства, которое жаловалось на упразднение статуса эллинов: иудеи лишились его вместе со всеми остальными, однако им не предоставили александрийское гражданство. Клавдий даже грозит: если евреи будут устраивать беспорядки, он покарает «их всеми способами как людей, стремящихся навлечь повальный недуг, способный ослабить ойкумену». Отметим, что в этой последней фразе он почти дословно воспроизводит обвинения, сформулированные Исидором.

С другой стороны, Клавдий требует, чтобы греки оставили иудеев в покое и, в частности, проявляли уважение к их религиозным обычаям. Август, напоминает он, даровал им разрешение им следовать, а сам он, Клавдий, подтвердил это разрешение, «выслушав обе стороны», что позволяет предположить, что пресловутые религиозные привилегии иудеев были оспорены александрийским посольством во время суда.

Вскоре во все провинции был разослан второй эдикт, распространявший гарантии, предоставленные иудеям, на всю Империю.

Мы думаем, надо отдать должное Клавдию в том, как он старался уладить александрийский конфликт. Император не отдал предпочтение ни одной из общин, напротив, он сохранил равновесие ради поддержания мира. Фразу, которой он завершает свое послание к александрийцам, стоит процитировать. Разведя по разным углам греков и иудеев, принцепс высказывает надежду: «Если же, отказавшись от подобных деяний, вы станете жить друг с другом в мире и человеколюбии, я покажу, как и в прошлом, свое благоволение к этому городу, как и к дому, принадлежащему нам через наших предков».

Какое-то время воля Клавдия исполнялась. На протяжении четверти века Александрия жила спокойно, пока не начались новые вспышки насилия, которые в правление Траяна приведут к исчезновению египетского иудаизма.

* * *

В самом Риме Клавдию пришлось принимать полицейские меры против иудеев. В 41 году он для начала ограничил их культовое право пределами, которые трудно определить, но возможно, что дело доходило до закрытия синагог[51]. Позднее, в неопределенное время (вероятно, около 50 года), он изгнал из столицы некоторое число иудеев, «постоянно волнуемых Хрестом»[52], как сообщает Светоний. О значении этой не вполне ясной фразы было много толков. Был ли то обманщик, выдававший себя за Иисуса на волне мессианства? Или речь о евреях, перешедших в христианство, у которых возникали стычки с бывшими единоверцами, потому что они проповедовали в Риме Евангелие? Мы больше склоняемся к последнему предположению. В самом деле, примерно в то же время, точнее, в 52 году, святой Павел, находившийся в Коринфе, столкнулся с враждебностью израэлитов, которые привели его в судилище губернатора Ахайи. Два этих связанных друг с другом события могут обозначать начало затяжного конфликта между евреями и христианами.

Как бы то ни было, эта мера была временной. Клавдий не собирался окончательно запретить в Риме иудейский культ.

Часть четвертая
Император, государство, общество

XI. Император, сенаторы и всадники

Приоритетом Клавдия было обеспечить благорасположение аристократии и ее представительного органа — сената. Или, если благорасположение — слишком сильное слово, по меньшей мере умерить его враждебность. Мы знаем, что вся история принципата была трудным сосуществованием между сенаторским сословием и принцепсом, стоившим жизни многим сенаторам и императорам. И мы уже отмечали, что государственный переворот Клавдия положил дурное начало его отношениям с аристократией и высоким собранием. Ни амнистия с целью успокоить заговорщиков, затеявших убийство Калигулы, ни заявления о добрых намерениях не помешали попыткам убийства и путча против нового императора. Почему? Потому что аристократия не простила Клавдию, что его провозгласили императором в лагере преторианцев, а не в курии. Впоследствии это станет обычным делом, но в 41 году это было ново и нарушало так называемый августовский компромисс. Этот компромисс представлял собой свод неписаных и чисто эмпирических правил, который служил в некотором роде конституцией принципата. Согласно одному из этих правил принцепс должен быть «избран» сенатом. Ставим глагол «избрать» в кавычки, потому что на самом деле сенат утверждал выбор, сделанный предыдущим императором. Однако, убив Калигулу, заговорщики создали небывалую ситуацию: отсутствие преемника. Одновременно обнаружилось, что сенат неспособен заполнить эту юридическую пустоту, тогда как армии это быстро удалось, особенно с опорой на плебс. Суровый урок для сенаторской аристократии, неспособной уладить кризис, который она же и создала. Отныне у нее уже не могло оставаться сомнений, что при любых обстоятельствах избрание принцепса будет не ее делом. Конечно, эти люди были не дураки и понимали, что их роль в приходе к власти трех первых императоров была чисто формальной, но эта проформа обусловливала законность. После устранения Антония Октавиан отрекся от своих полномочий в сенате в 27 году до н. э., и тот поспешил возвратить ему эти полномочия вместе с титулом Августа. В 14 году Тиберий, вероятный преемник, явился в сенат, чтобы тот возвел его на трон, предложив даже разделить с ним власть. А Калигула в 37 году явился в курию, сыпля любезными словами и обещаниями. И потом, хотя армию и держали за кулисами, она никогда не вмешивалась в эту хорошо срежиссированную комедию. Только в 37 году высунулась ненадолго — и тотчас занавес закрыли. На сей же раз меч не

только высказался вперед тоги, но и навязал ей свой выбор, словно чтобы показать, что режиссер пьесы — он. При этом военные не только создали опасный прецедент, но и явили на всеобщее обозрение то, что раньше стыдливо скрывалось, — милитаристскую основу режима. Вот чего сенаторское сословие не снесло, вот за что оно хотело заставить заплатить человека, извлекшего выгоду из этого откровения.

Однако после шести лет правления и устранения тридцати пяти сенаторов страсти несколько поутихли. Этот успех нельзя объяснить одними лишь репрессиями. Главная причина, как нам кажется, связана с личностью Клавдия, бывшего полной противоположностью своего предшественника. В то время как Калигула нарочито демонстрировал презрение к аристократии и тягу к политическому устройству в восточном духе, Клавдий вел себя с сенатом чрезвычайно вежливо и придерживался римской концепции власти. В этом он возвращался к традиционному поведению Августа и Тиберия.

Вежливость недорого обходится, однако обладает первостепенным политическим значением. Принципат — замаскированная монархия — был целиком построен на видимости. Принцепс был царем, который должен был выглядеть республиканским магистратом. Конечно, магистратом нового типа, могущественнее других, но магистратом. Поэтому он должен был соответствующим образом вести себя по отношению к сенату и прочим магистратам, чтобы скрыть истинную величину своей власти. Для начала это означает, что о внедрении восточного церемониала не могло быть и речи. Калигула попытался было это сделать, заставляя кое-кого целовать его ногу, и хотя он не возвел это упражнение в правило, в противоположность намекам древних авторов, но наверняка старался понемногу приучить к этому умы. Клавдий мудро отказался от этого. В его время подобное поведение было недопустимым, поскольку нарочитая демонстрация отношений «господин — слуга» противоречила западным обычаям, в особенности римским. Аристократия не могла смириться с тем, чтобы ее низводили до уровня прислуги в позолоченных одеждах, обращали в пьедестал для статуи бога-императора. Как минимум принцепс должен был притворяться, будто относится к сенаторам и магистратам как к равным себе. Калигула погиб именно из-за того, что нарушил это правило августовского компромисса. Нельзя забывать, что принцепс — не король, а аристократ, которому делегируют власть по *consensus universorum,* то есть по общему согласию аристократии, всадников, народа и армии. Конечно, эта делегированная власть очень широка, почти

безгранична, поскольку объединяет *imperium majus* с *tribunicia potestas,* но ее носитель остается членом сената. Точнее, он *princeps senatus* — «первый в сенате». Это старинный титул, которым при Республике наделяли самого достойного из сенаторов, облеченного самой большой *auctoritas,* который по данной причине возглавлял список сенаторов и пользовался «прерогативой», то есть правом высказываться первым. Сенат присвоил этот титул Августу, но тот очень быстро стал *princeps civitatis* — «первым из граждан», хотя это и не было официальным званием. Сам термин «принцепс», сильно отличающийся от «рекс» (царь), достаточно показывает, кем представляли себе римского императора — вождя с раздутыми полномочиями, остававшегося тем не менее для сенаторского сословия «первым среди равных». Тиберий, возражая в курии одному сенатору, завершил свою речь такими словами: «Прости, прошу тебя, если я, как сенатор, выскажусь против тебя слишком резко…» И он же наилучшим образом дал определение своей функции в виде афоризма: «Я господин для рабов, император для солдат и первоприсутствующий для остальных». Эта формулировка тем более интересна, что Тиберий отреагировал таким образом на тенденцию называть его *dominus* (господин). Это слово его раздражало, потому что так подданные обращались к царю, а рабы — к своему хозяину. Поэтому он четко напомнил, что римляне, каким бы ни было их социальное положение, не подданные и не рабы, а император — лишь первый среди них.

Политические воззрения Клавдия и его характер настолько же сближали его с Тиберием, насколько отдаляли от племянника. Он не только покончил с «ориентализмом», прельстившим Калигулу, но и вслед за Тиберием выказывал необходимую учтивость, чтобы сохранить видимость равенства. В латыни есть слово для обозначения учтивого поведения — *civilitas.* Оно происходит от *civis* (гражданин) и в первом своем значении отсылает к правилам взаимного уважения между гражданами. Клавдий никогда не пренебрегал *civilitas* в отношении высокопоставленных особ. Так, в курии он вставал, чтобы обратиться к консулам — представителям высшей республиканской магистратуры. Он часто присутствовал в качестве советника на заседаниях суда, где председательствовали магистраты. И вообще, хотя по состоянию здоровья ему приходилось говорить сидя, он делал над собой усилие и поднимался, чтобы высказаться, если прочие сенаторы долго оставались на ногах. Когда он присутствовал на играх, утраиваемых магистратами, то вставал вместе со зрителями, чтобы почтить их, словно он простой гражданин. Однажды на его

суд явились народные трибуны для дачи показаний, и он извинился, что не может усадить их за неимением места. Возможно, он перебарщивал, если верить Светонию, который находит его *iactator civilitatis,* чересчур стремившимся показать себя простым и доступным. Но Светоний говорил то же самое и о Тиберии, словно намекая на лицемерие. Клавдий тоже отказывался носить триумфальную тогу, напоминавшую о военной природе режима. По той же причине он избегал использовать свой титул *Imperator* (победоносный полководец), хотя не отказался от многочисленных и чрезмерных приветствий, которыми его наградили солдаты во время британского похода. Клавдий также оказывал людям деликатные знаки внимания вне зависимости от их общественного положения. Так, оглохшему с возрастом сенатору Л. Сулле он позволил сидеть на преторской скамье, откуда было лучше слышно; он по возможности навещал больных всадников и охотно участвовал в их праздниках, помня, что принадлежал к их сословию и сохранил там популярность.

Это что касается учтивости. Внешняя оболочка принципата также требовала, чтобы сенат казался тем, чем был в эпоху Республики, то есть вдохновителем римской политики. Чтобы понять ситуацию, нужно немного вернуться назад. В республиканском институционном механизме сенат был аристократическим звеном. Он состоял из бывших высших магистратов и народных трибунов, то есть опытных людей, которые, кстати, могли снова стать магистратами и которых называли «отцами» (*Patres*). Это наделяло сенат *auctoritas,* то есть моральным и политическим авторитетом. Частица его принадлежала каждому, когда-либо приобщенному к делам, но только сенат был облечен высшей властью — *auctoritas patrum* (властью отцов). В чем она заключалась? Не в том, чтобы избирать магистратов или принимать законы — это было задачей народных собраний. Нет, сенат попросту дозволял этим собраниям принять решение[53]. Де-юре предварительное разрешение ничем не связывало Законодательное собрание, но де-факто *auctoritas patrum* обладала таким политическим весом, что ни один законопроект, ни одна кандидатура не выставлялись на голосование без одобрения сенаторов. Конкретнее, сенат, созываемый высшим магистратом (консулом либо претором) или народным трибуном, издавал сенатусконсульт, то есть высказывался о деле, представленном на его рассмотрение. Поскольку политически было невозможно пойти против *auctoritas patrum,* магистрат выходил из курии с более или менее измененным законопроектом, а то и вовсе без него, если тот не понравился «отцам», так что ни один закон не издавался без

одобрения сенаторами. Добавьте к этому, что высокое собрание контролировало финансы, принимало послов, вело переговоры о трактатах, давало разрешение на мобилизацию, назначало военачальников, распоряжалось завоеванными территориями, а плюс ко всему было еще хранителем культов и обладало *auspicium,* то есть правом вопрошать богов и толковать их волю, — и вы поймете, что ни одна область не ускользала от его влияния.

Увы, после столетних Пунических войн и вековой гражданской войны экономика и менталитет значительно изменились, и не в лучшую сторону: уничтожение среднего класса и моральное разложение аристократии просто-напросто разрушили прекрасную Республику. В последние годы этого режима сенат больше походил на синдикат богачей, чем на палату парламента, а его власть обратилась практически в ничто по сравнению с властью республиканских династов, хозяев легионов. Августовская революция по сути только завершила уже давно начавшийся процесс. Но Август, тонкий политик, поостерегся трогать древнее собрание. Наоборот, сохранил его вместе с прочими республиканскими институтами, так как понял, что его революцию примут лишь в том случае, если она не будет выглядеть таковой. Хотя под аристократию уже давно подкапывались из-за ее кастового эгоизма, она оставалась могущественной и несокрушимой. Калигула этого недооценил и стал первым принцепсом, павшим под ее ударами.

В новой системе сенат как институт власти полностью утратил свою роль вдохновителя римской политики, так что собрание уже не отражало реальной силы социальной группы, из которой оно произошло. Всемогущество принцепса вообще иссушало власть традиционных институтов. Но дело не только в этом. Сенат больше не хотел ничего решать. Всё, чего он желал и чего желала представленная им аристократия, — чтобы принцепс вел политику, соответствующую его устремлениям, но не взваливал ответственность на него. Как сказал проницательный Поль Вейн, значительная политическая роль «была бы опасной и противной его достоинству. Он не хотел быть тем, чем являлся теоретически — советом принцепса, у которого, кстати, имелся собственный совет. <…> Эти аристократы не могут быть вольными советниками дурного императора, способного заставить их заплатить головой за откровенность, или достойными советниками хорошего императора, который свободно мог обойтись без их советов. <…> Сенаторская знать была руководящим классом, элитой, диктующей свою волю правительству (под угрозой его свержения), но не правящим классом, лично участвовавшим в этом правительстве». Добавлю,

что знатные люди по отдельности ничего иного и не желали, хотя под конец истории Рима будут жалеть о былой «свободе». Этим людям, не имевшим в душе ничего общего с древней *nobilitas,* нужна была видимость власти, а не ее заботы. Принимать важные решения или участвовать в их подготовке им было совсем не интересно, достаточно было их утверждать. Пусть этот воз тащат принцепс и его секретари. В том, чтобы иметь над собой господина, есть и свои преимущества… Тиберий попытался было в начале царствования вернуть сенату часть реальной ответственности и был в этом более искренним, чем утверждают древние авторы, однако быстро разочаровался.

Но не будем заблуждаться. Сенат сохранял важный функциональный аспект. В частности, приобрел законодательную роль, потому что народные собрания отошли в прошлое. Чтобы заполнить этот институционный вакуум, Август наделил силой закона сенатусконсульты, ранее бывшие всего лишь оценочными суждениями. И потом, сенаторское сословие по-прежнему занимало ключевые должности и наряду с сословием всадников поставляло губернаторов, префектов и полководцев. Уже этим оправдывалось существование аристократии как общественного класса, а ее представители могли сделать успешную карьеру. В целом, равновесие между принцепсом и аристократией зиждется на негласном договоре. Сенат соглашается предоставить императору всю полноту полномочий, соглашается даже чествовать его как царя со всей вытекающей отсюда помпой. Взамен император, во-первых, считает аристократов равными себе, во-вторых, позволяет им исполнять республиканские магистратуры, поручает им высокие гражданские и военные посты, а в-третьих, проводит политику в их интересах. Понятно, что сложнее всего было осуществить третий пункт. Императору нужно было угодить не только аристократии. Много императоров падет под предлогом тирании, то есть из-за того, что вели себя как цари, хотя истинной причиной была их деятельность, идущая вразрез с пожеланиями сенаторского сословия.

Вернемся к Клавдию, который, казалось, весьма старательно соблюдал всю эту видимость. Сенат информировали о важных делах, в особенности в сфере дипломатии. В 41 году Агриппе I предоставили дополнительные земли и царский титул в результате соглашения с сенатом[54]; в 43 году там обсуждалась аннексия Ликии; в 49 году парфянские послы явились именно в курию, чтобы просить себе в цари Мегердата. Важные внутренние дела также не ускользали от внимания сенаторов, например введение в сенат галлов или расширение полномочий прокураторов, о котором мы еще поговорим. Император снова,

еще больше, чем его предшественники и преемники, использовал сенатусконсульты для издания законов, в среднем по одному каждые девять месяцев.

В обращении к сенату наличествовало и желание придать торжественности, даже театральности некоторым делам. Парфянским делегатам пришлось выслушать речь о почтении Парфии, привыкшей получать царей от Рима, к пресыщенному славой Риму, который желал лишь покоя чужеземным народам, и о том, что Мегердату надлежит править справедливо и милостиво, поскольку два эти качества тем более придутся по душе варварам, что доселе были им неизвестны, парфянам же не следует слишком часто менять своих царей… Конечно, эта речь была составлена для внутреннего употребления. Ее целью было показать, что Клавдий сравнялся с Божественным Августом, удерживая Парфию в покорности. Мы уже видели, чего стоила эта мнимая покорность: в лучшем случае римляне извлекали пользу из внутренних неурядиц могущественного соседа, но, как следует представленная под славными сводами курии, она придавала блеска славе императора.

Обращения к сенату также позволяли принцепсу напомнить ему принесенную клятву в верности и ткнуть носом в его оплошности. Так было после неудавшегося путча Скрибониана, когда в 42 году Клавдий побудил сенат дать седьмому и одиннадцатому легионам прозвания «Клавдиевых, Верных и Любящих отчизну» в награду за то, что они не пошли за военачальником-изменником. Хотя выглядело это как любезность, многим сенаторам, видимо, было тяжело голосовать за это предложение в то время, когда приход к власти Клавдия еще оставался открытой раной. Прося собрание даровать то, что он мог бы предоставить и сам как император, Клавдий наступал на больную мозоль. На самом деле он преподал урок и сделал предупреждение тем, кто еще воображал себе, будто аристократия как социальный страт может опереться на армию: солдаты образовывали другой страт, который знал только императора. Они смогут свергнуть его и не преминут это сделать в будущем, но только если им будет выгодно заменить его своим военачальником, а вовсе не чтобы угодить сенату.

* * *

В 47–48 году, когда отношения с сенатом нормализовались, Клавдий решил вновь принять должность цензора, чтобы провести в собрании перестановки. Изначально два цензора были

временно действующими магистратами, которые каждые пять лет в течение восемнадцати месяцев проводили *censio* и *lectio senatus*. Первая операция заключалась в переписи граждан; на сей раз их насчитали 5 984 072 (эту цифру приводит Тацит в «Анналах») — подразумевается, что это римские граждане в собственном смысле слова, а не всё население Империи, которое составляло примерно 50 миллионов человек. Целью второй операции было обновить список сенаторов и всадников. В более общем плане цензоры проверяли всё сенаторское сословие и всаднические сословие. Не каждый член сенаторского сословия был сенатором: чтобы заседать в сенате, требовалось побыть хотя бы претором. Проводя очередную проверку, цензоры клеймили позором (*ignominia)* особ, повинных в нравственных или юридических проступках, и исключали их из сената, сенаторского сословия или всаднического сословия. В последнем веке до новой эры эти обязанности исполнялись уже нерегулярно из-за кризиса, в котором умирала Республика, и после 63 года до н. э. цензоров просто-напросто забывали избирать. Между 50 и 22 годами до н. э. Цезарь и триумвиры сами формировали сенат в условиях гражданской войны и чистки. Только в 28 году до н. э. Октавиан, наделенный цензорскими полномочиями (но не званием цензора), произвел резкое сокращение численности сенаторов, достигшей тысячи человек. Потом, став Августом, он будет проводить новые чистки начиная с 19 года до н. э. (Тогда Октавиан предпочел называться «префектом нравов» — эта должность не соответствовала ни одной из традиционных магистратур.)

С тех пор никаких проверок цензорского типа более не проводилось, разве что изредка. Клавдий, возможно, пошел на политический риск, взявшись за новую *lectio,* да еще и в звании цензора, которое не принимал ни один из его предшественников. Это доказывает, что он считал свое положение прочным. Правда и то, что его вступление в должность произошло в тот момент, когда конфликт с сенатом утих, а завоевание Британии подходило к концу. Всё прошло довольно хорошо. Самой большой сложностью было исключить неугодных сенаторов, не унизив их лично, что могло бы вызвать защитную реакцию со стороны всего сословия. Вот почему Клавдий мудро прибегнул к методу, уже испробованному Августом. Он по одному вызывал сенаторов, которым грозило подвергнуться исключению из рядов путем цензорской «ноты», и советовал им самим рассмотреть свое положение. Если они считали, что уже не обладают нужными качествами, чтобы оставаться сенаторами, то могли добровольно заявить о своем выходе из сословия, чтобы избежать публичного

унижения в виде «ноты». Чаще всего речь шла об обедневших людях, уже не дотягивавших до сенаторского имущественного ценза в миллион сестерциев, или о скомпрометировавших себя бесчестными поступками.

Пауперизация (обнищание) многочисленных аристократических семейств была не новым явлением. В обществе, где семейное имущество было официальным иерархическим критерием, безденежье деклассировало людей и могло лишить государства талантливых граждан. Разоренный аристократ или всадник скатывался в низший социальный класс и одновременно лишался возможности стать государственным чиновником или магистратом. Август, а затем Тиберий часто поддерживали за счет государственных средств разоренных, но честных представителей знати или всадников. В источниках мало говорится о деятельности Клавдия в этой области, и это позволяет предположить, что он, вероятно, был прижимист. Однако он стремился сохранить состояние сенаторов другим способом — оберегая их сыновей от налоговых служб и нещепетильных кредиторов. Сыновья почти всегда получали небольшие денежные накопления от отца. Но де-юре эти деньги по-прежнему принадлежали *paterfamilias* (отцу семейства), так что кредиторы, в том числе сборщики налогов, могли забрать их у сына. Клавдий своим постановлением отделил это пособие от достояния отца, чтобы сборщики налогов уже не могли на него претендовать. С другой стороны, многие сыновья брали деньги взаймы под проценты, подлежащие выплате по смерти их отца. Эти проценты часто бывали высоки, и если отец все никак не умирал, их сумма принимала угрожающие размеры. Клавдий вмешался во второй раз, чтобы запретить эту практику[55].

Вместо ушедших нужно было повысить «новых людей» *(homines novi)*. То есть назначать сенаторов, но и вводить в сенаторское сословие людей из всаднического сословия. Всадник мог перейти в сенаторское сословие при соблюдении трех основополагающих условий: быть римским гражданином, обладать миллионом сестерциев и послужить квестором. Кроме того, его требовалось внести в списки сословия, а это уже зависело от цензоров республиканской эпохи, а затем от принцепса, наделенного цензорскими полномочиями при Империи. Калигула поощрял переход всадников в высшее сословие. До этого, как мы уже говорили, им требовалось отправлять магистратуры вплоть до квестуры, которая служила ключом одновременно к сенаторскому сословию и к сенату. Отныне император мог вводить в сенаторское сословие всадников, которые не исполняли никакой должности, так что

квестура была только пропуском в сенат.

Клавдий пошел еще дальше. Император разрешил себе вводить непосредственно в сенат новых людей согласно процедуре, получившей название *adlectio.* Причину этой реформы легко понять. Самые высокие гражданские и военные посты предназначались сенаторам, уже побывавшим высшими магистратами — консулами или преторами, а потому всадники де-факто на эти посты претендовать не могли. Им были уготованы только некоторые важные должности, например префектура Египта или префектура претория. Однако многие из них уже проявили себя как всаднические чиновники, например прокураторы, но не могли стать наместниками, потому что по статусу не имели права на консульство или префектуру. Теперь же прямое введение в сенат позволяло им без этого обойтись. Императору было достаточно вписать всадника в сенаторский альбум на соответствующем уровне иерархии. Мы уже говорили, что сенаторы классифицировались в зависимости от магистратур, которые они исполняли. Вот эта классификация в порядке уменьшения: бывшие консулы (*consulares*), бывшие преторы *(praetorii*), бывшие курульные эдилы (*aediles curules),* бывшие квесторы (*quaestorii*), бывшие трибуны (*tribunicii*). Если всадник был, в соответствии с принятой формулировкой, *adlectus inter consulares* или *inter praetorios* (допущен в число консулариев или преторианцев), де-юре считалось, что он исполнял соответствующую магистратуру, и перед ним открывалась высшая административная карьера. Конечно же, его могли включить и в низшую категорию, например квесториев. В этом случае доступные ему гражданские посты были не столь высоки, однако новый сенатор мог надеяться на лучшее при условии, что справится с претурой.

Из эпиграфики нам известно, что Клавдий ввел процедуру *adlectio.* В самом деле, первые формулировки *«adlectus inter…»* относятся ко времени его принципата и будут встречаться всё чаще с конца I века при Флавиях. Тем не менее не все стремились попасть в сенат и даже в сенаторское сословие. Существовали знаменитые прецеденты: Меценат, друг и советник Августа, предпочел остаться всадником. Ему не нужны были ни сенат, ни аристократия: он обладал реальной властью в тени принцепса. Но такое поведение редко дозволялось. Для нормального функционирования Империи требовалось сосредоточить не только богатства, но и талантливых людей в сенаторском сословии, поскольку государство брало своих слуг оттуда. Не случайно сенаторское сословие называли высшим. Кроме того, когда Клавдий пришел к власти, в курии, вероятно,

насчитывалось менее шестисот законных членов: сутяжничество, обуявшее сенаторов в царствование Тиберия, унесло четыре десятка из них[56], а потом конфликт с Калигулой, хотя и менее убийственный, тоже заставил их ряды поредеть.

Вот почему император редко соглашался с отказом и вычеркивал из всаднического сословия «уклонистов». Если он испытывал особую симпатию к какому-нибудь упрямцу, то вежливо, но достаточно твердо посылал за ним, чтобы тот понял, что это не обсуждается. Так произошло с неким Сурдинием Таллом, который поспешил уехать в Карфаген, когда его собрались послать в сенат. Ему очень быстро пришлось вернуться в Рим по прочтении послания, в котором Клавдий говорил ему, что прикует его золотыми цепями. Это была обычная формулировка, которой императоры давали понять высокопоставленным людям, что требуют от них верности и сотрудничества.

Клавдий также ожидал возросшей активности от сената, где было много прогульщиков, — это свойственно не только нашим современным парламентам. Правда, разрешения на отсутствие выдавало само собрание, которое, возможно, не приходилось упрашивать. В 45 году император отнял у сената это право и присвоил его себе отдельным сенатусконсультом. И поскольку закон сам по себе ничто, если он не исполняется, на следующий год он воспользовался своей должностью цензора, чтобы пометить не соблюдавших его сенаторов.

Наш император воспользовался должностью цензора и для того, чтобы нарушить кое-какие табу. Для начала он ввел в сенат сына вольноотпущенника, хотя, придя к власти, пообещал допускать туда только римских граждан в четвертом колене. Сознавая, чем это грозит, Клавдий потребовал, чтобы перед введением в сенат этот человек сделался приемным сыном всадника. Де-юре это не было невозможно. Вольноотпущенник, то есть освобожденный раб, приобретал юридический статус бывшего хозяина. Если тот был римским гражданином, вольноотпущенник тоже им становился. В этом плане освобождение было сродни натурализации. Однако его права оставались ограниченными. В частности, что нас особенно интересует, бывший раб не обладал *jus honorum,* то есть не мог избираться магистратом, а следовательно, никак не мог попасть в сенат. Зато начиная с третьего поколения, а потом и со второго, его потомки пользовались всеми гражданскими правами. Таким образом, *adlectio* сына вольноотпущенника было законным, но с ним все равно так просто не смирились бы. Во все времена

сенаторы относились к «новым людям» с презрением, как во Франции родовая знать к получившим дворянство буржуа. Можно представить себе их реакцию, когда к ним явился простой плебей, да еще и сын бывшего раба! Пускай перед *adlectio* его «загримировали» под всадника путем фиктивного усыновления, их отношение от этого не изменилось. Столкнувшись с оппозицией, Клавдий счел себя обязанным обосновать свой выбор, сославшись на прецедент 312 года до н. э.: уже в том году его предок Аппий Клавдий Цек воспользовался своей должностью цензора, чтобы ввести в курию сыновей вольноотпущенников.

Благодаря Светонию мы знаем ответ сената на аргументы принцепса. Он довольно любопытен, но, чтобы его понять, нужно знать точный юридический смысл двух латинских терминов. Римляне использовали два слова для обозначения вольноотпущенника: *libertus* и *libertinus*. Слово *libertus* относилось к гражданскому праву и означало вольноотпущенника в его частных отношениях с хозяином. *Libertinus* принадлежало к публичному праву, и нас здесь интересует только оно. Это слово отличало вольноотпущенника от свободнорожденного, в частности в плане гражданских прав. Но в эпоху, когда сын вольноотпущенника не получал всех гражданских прав, слово *libertus* означало собственно вольноотпущенника, а *libertinus* (буквально: «маленький вольноотпущенник») — сына *libertus*. Понятно, что во времена Клавдия это второе различие между *libertus* и *libertinus* устарело, поскольку всей полнотой гражданских прав наделяли уже второе поколение. Поэтому император использовал слово *libertinus* в современном значении — единственном, какое тогда использовалось, то есть «вольноотпущенник», а не «свободнорожденный». Сенат ответил ему, основываясь на старинном значении. Это правда, возразили императору, Аппий ввел в сенат сыновей *libertini* (множественное число от *libertinus),* но поскольку *libertinus* тогда означало «сын libertus'а», на самом деле они были внуками *liberti* (множественное число от *libertus),* а этот, нынешний, — сын. Короче, Клавдию не удалось опереться на прецедент Аппия, поскольку тот сделал сенаторами внуков вольноотпущенников, он же предоставил эту честь сыну вольноотпущенника. Теперь, когда мы понимаем, в чем тут дело, можно только восхититься этим ответом — шедевром изворотливости! На самом деле цензор Аппий поступил в точности как цензор Клавдий, поскольку в его время только внуки вольноотпущенников получали все гражданские права. Оба заставляли знать смириться с введением в сенат потомков вольноотпущенников, которых та не хотела принять, хотя все было законно.

Клавдий не уступил, подражая далекому предку. Семьи вольноотпущенников формировали по всей Империи новую буржуазию, зачастую очень богатую, которая умела рисковать, в частности, занимаясь морской торговлей. Рим очень быстро научился делать из бывших рабов полноценных граждан. Только классовые предрассудки мешали им быстро интегрироваться в высшие сословия. Случай с сыном вольноотпущенника, который вошел в сенат, оставался исключением, однако получал большое символическое значение. Клавдий подал сигнал высшим классам, особенно сенаторскому сословию: имперская монархия подразумевает, что аристократия — это не горстка семейств, а совокупность достойных людей разного происхождения.

В том числе уроженцев провинций, в частности Галлии, что было вторым табу, нарушенным цензором. Об этом мы знаем из двух источников: эпиграфического документа «Лионская таблица» и «Анналов» Тацита. В 48 году союзный совет Трех Галлий направил в Рим просьбу о предоставлении *jus honorum* знатным людям из этих провинций, являющихся римскими гражданами. Три Галлии — это Белгика, Аквитания и Лугдунская Галлия. Римляне обычно называли их «Косматой (Волосатой) Галлией» (*Gallia Comata)* в противоположность Нарбоннской (Цизальпинской) Галлии, которая к тому времени больше романизировалась, а потому ее называли «Галлия в тоге» (*Gallia Togata)*. В данном случае речь о знати из «Косматой Галлии» — ее аристократии, самых богатых и влиятельных людях, отправлявших местные магистратуры. Они имели римское гражданство, но без *jus honorum,* что запрещало им доступ к римским магистратурам и, соответственно, в сенат. Клавдий сначала рассмотрел их просьбу в своем совете, где были высказаны возражения. Сенаторы, разумеется, отрицательно относились к конкуренции со стороны провинциалов вообще и галлов в частности. В качестве аргументов они напомнили о неприятностях, которые те причинили Риму, тесня Цезаря при Алезии, и еще раньше, когда явились с мечом к подножию Капитолия (390 год до н. э.). Но вся эта пыль веков прикрывала, возможно, самую болезненную причину — богатство этих претендентов, превосходившее состояние многих сенаторских семейств в Лациуме и даже во всей Италии: «Но какие почести останутся после этого для нашей еще сохранившейся в небольшом числе родовой знати или для какого-нибудь небогатого сенатора из Лация? Всё заполнят те богачи, чьи деды и прадеды, будучи вождями враждебных народов, истребляли наши войска мечом…»

Давая ответ, Клавдий в очередной раз обратился к истории.

Он легко доказал, что сенат уже давно не состоит исключительно из коренных римлян: на протяжении веков он вбирал в себя людей из соседних городов — Альбы, откуда происходят Юлии, Тускула, потом Этрурии и всей Италии вплоть до Альп; он открыл свои двери также для испанцев, галлов из Нарбоннской Галлии, чья любовь к общей родине ни в чем не уступает патриотизму римлян. Сила Рима — как раз в его способности не относиться к побежденным как к чужакам. Именно в этом его превосходство над лакедемонянами и афинянами, которые не сумели переступить эту черту и умерли в политическом отношении, продолжал Клавдий. Закончил же он великолепным рассуждением, хотя Тацит, вероятно, и подредактировал его, как это было принято. В нем выражена мысль Клавдия о необходимой эволюции институтов власти, а кроме того, раскрывается секрет прекрасного здания, каким была Римская империя и какого нам, увы, так и не удалось построить.

«Пришельцы властвовали над нами; детям вольноотпущенников поручается отправление магистратур не с недавних пор, как многие ошибочно полагают, но не раз так поступал народ и в давние времена. <…> Пусть же связанные с нами общностью нравов, сходством жизненных правил, родством они [галлы] лучше принесут к нам свое золото и богатство, чем владеют ими раздельно от нас! Всё, отцы сенаторы, что теперь почитается очень старым, было когда-то новым; магистраты-плебеи появились после магистратов-патрициев, магистраты-латиняне — после магистратов-плебеев, магистраты из всех прочих народов Италии — после магистратов-латинян. Устареет и это, и то, что мы сегодня подкрепляем примерами, также когда-нибудь станет примером».

«За речью принцепса последовало сенатское постановление, в силу которого эдуи первыми получили право становиться сенаторами», — уточняет Тацит. Сжатость изложения не позволяет понять, предоставил ли сенатус-консульт это право только эдуям, или же эдуи первые им воспользовались. В первом случае это означало бы, что оппозиция настояла на предоставлении *jus honorum* только привилегированным эдуям, поскольку те именовались «братьями римского народа». Не важно. Предоставление доступа в сенат галлам и сыновьям вольноотпущенников — принципиальная победа, точнее, победа принципа, согласно которому все жители Империи равны в гражданских правах. Клавдий, кстати, в своей речи проводит параллель между правами для галлов и сыновей вольноотпущенников, потому что они равны по своему значению и цели. Надо полагать, немного галлов из «Косматой Галлии»

вошли в сенат. Просопография[57] насчитывает двух в правление династии Юлиев — Клавдиев (это Юлий Виндекс и Марк Апер) против четырнадцати уроженцев Нарбоннской Галлии. Возможно, было и больше, но в очередной раз принцип важнее количества. Постановление сената, принятое в 47 году, ускорило процесс, который в 242 году приведет к дарованию римского гражданства всем уроженцам Империи. Когда Каракалла примет эту меру, он всего лишь облечет в юридическую форму существующее положение вещей, которое складывалось поэтапно, охватывая всё новые города.

Интересно также отметить, что порой Клавдий без всяких комплексов благоволил сенаторам-провинциалам. Выше мы уже говорили, что он требовал от сенаторов испрашивать его разрешение, чтобы выехать из Рима. Так вот, сицилийских парламентариев, желавших посетить свои земли, он от этого избавил, а в 47 году распространил исключение из правила на цизальпинских галлов — «ввиду того, что Нарбоннская Галлия неизменно оказывала сенату беспрекословное повиновение». Возможно, его решение объясняется удаленностью этих двух провинций, но аргумент, основанный на лояльности галлов, должно быть, задел сердечные струны многих жителей Италии…

* * *

Как и три его предшественника, Клавдий контролировал доступ к магистратурам, в частности к консульству и претуре. Со времен Августа согласно официальной процедуре коллегия из десяти центурий сенаторов и всадников (Тиберий довел их число до пятнадцати) выносила на голосование в центуриатных комициях (вид народного собрания) кандидатов на исполнение высших магистратур. Теоретически на этом этапе, называемом *destinatio,* император никакой роли не играл. Но поскольку перед коллегией сенаторов и всадников представали только утвержденные им кандидаты, всё это было проформой, тем более что император пользовался правом *commendatio,* то есть мог рекомендовать тех, кого считал достойными.

Высшие магистратуры оставались главным звеном в механизме принципата. Для аристократа они были удачным завершением карьеры, а императору позволяли отбирать лучших, чтобы потом наделять их высшими гражданскими и военными должностями. Они также позволяли ему продвигать по службе новых людей, даже «непрезентабельного» происхождения, как Квинт Курций Руф, которого считали сыном гладиатора, но Тацит

без дополнительных уточнений утверждает, что истина была еще хуже. Он стал квестором при Тиберии, который говорил, что он «сын своих дел». Эта фраза пережила века, применяясь к людям, сделавшим себя сами. Клавдий помог Квинту Курцию Руфу сделать карьеру. Руф уже встречался нам в Верхней Германии в должности губернатора, а окончит он свои дни проконсулом Африки — провинции, где делал первые шаги.

Вообще император был обязан делать консулами как можно большее количество знатных людей, чтобы у него было как можно меньше врагов. Уже Цезарь оставлял в должности двух консулов, избранных на год, не более нескольких месяцев, заменяя их парами консулов-суффектов.

Август и Тиберий тоже так поступали, и сами старались не слишком часто становиться консулами, чтобы не монополизировать эту магистратуру. Клавдий продолжил практику предшественников, хотя и был консулом два срока подряд — в 42 и 43 годах. Это объясняется его недостаточной *auctoritas* во время прихода к власти: вспомним о том, какой бедной была его политическая карьера, ограничивавшаяся двухмесячным консульством в 37 году в паре с Калигулой. Но впоследствии он становился консулом лишь два раза — в 47 и 51 годах, и то еще нужно уточнить, что в 47-м он заменил скончавшегося консула. Зато по сравнению с тремя предыдущими правлениями увеличилось количество консулов-суффектов, особенно во второй половине года. Эта новая тенденция свидетельствует о стремлении ускорить карьеру перспективных новых людей, приберегая более почетную первую половину года для уже проверенных магистратов. Именно так, например, будущий император Веспасиан стал консулом-суффектом в два последних месяца 51 года.

Мы видели, как заботило Клавдия обеднение знатных семейств и как он оберегал деньги, предназначенные сыновьям. Он также ограничил финансовые выплаты, которыми облагались магистраты. Благодаря ему квесторы перестали оплачивать из своего кармана мощение дорог в обмен на ежегодную организацию боя гладиаторов. В данном конкретном случае так получалось гораздо дешевле. Хотя обычно магистратам дороже всего обходилось устройство зрелищ разного рода для плебса. Часто бывало, что некоторые представления приходилось начинать сначала из-за несоблюдения каких-нибудь обрядов. Это было чистое разорение, потому что игры продолжались несколько дней. Такие ошибки организаторы порой делали намеренно, чтобы вытрясти из магистратов побольше денег. Клавдий повелел, чтобы повторы длились не больше одного дня, а то и

попросту запрещал их, и отказался вообще от боев гладиаторов в свою честь. Правда и то, что такие игры «с повторами» били по карману не только магистратов. Император тоже должен был вносить свою долю, а потому, наверное, постарался обезопасить собственные финансы.

Как великий понтифик император был главным отправителем традиционного римского культа. В этой области Клавдий проявлял добропорядочный консерватизм, придерживаясь практики Августа и Тиберия, и тем угодил сенаторскому сословию. Как все полиадические религии, традиционная римская религия не интересовалась человеком как индивидуумом. Она ограничивалась установлением и поддержанием хороших отношений между божествами и группой граждан. Чтобы исполнить эту политическую роль, она подчинялась строгим ритуалам, исполняемым также политиками, которых при Империи отбирал первый среди них — принцепс. Однако люди начали испытывать скепсис по отношению к богам, слишком равнодушным к страданиям человечества, и это сказывалось на ритуале. Зато публика становилась восприимчива к религиям с таинствами, поскольку в них были любящие боги-спасители, а в обрядах присутствовало больше сердечной теплоты. Тем не менее Клавдий уделял большое внимание тому, чтобы традиционные церемонии, обязательные по закону, исполнялись регулярно. Как все культурные люди, Клавдий, вероятно, уже не верил в древних божеств. Он лично наверняка склонялся к генотеизму, проповедуемому греческой философией, но как главный магистрат был обязан уважать и поддерживать уважение к обычаям, еще не утратившим общественной пользы. В особенности он интересовался гаруспиками[58], применявшими этрусскую технику гаданий. Государство советовалось с ними веками, особенно когда дела шли плохо, и они оставались самыми почтенными защитниками гражданской религии. Клавдий настоял на сохранении этого братства, но, наверное, с него требовалось смахнуть пыль времен. Поэтому император добился постановления сената, который поручил понтификам провести своего рода аудит, чтобы затем предложить необходимые реформы.

Недоверие, с которым Клавдий, похоже, относился к религиям, чуждым римской традиции, не помешало ему, по словам Светония, перенести в Рим знаменитые Элевсинские мистерии, посвященные богине Деметре. Правда, о них уже давно отзывались положительно: Цицерон говорил, что это лучшее из наследия Афин, а среди посвященных насчитывалось много

знатных римлян. Нет полной уверенности в том, что Клавдий действительно собирался осуществить этот проект. Его намерением, вероятно, было переключить на Деметру потребность в божественной любви, которая толкала римлян к культам, считавшимся политически опасными, например культу Осириса и Исиды, и которые власти стремились удалить от столицы.

* * *

Из историографии трудно составить себе ясное представление об отношениях Клавдия со всадническим сословием. Мы не думаем, что надлежит делать поспешные выводы из цифр, приводимых Светонием и Сенекой, — двухсот или трехсот всадников, казненных в его правление. Мало того что эти цифры, возможно, завышены, они возвращают нас, как и 35 сенаторов, к конфликту в начале царствования, о котором мы уже знаем, что он уладился.

Зато Клавдий провел военную реформу в пользу всадников. Чтобы понять ее, нужно сначала познакомиться со структурой и системой званий в римской армии. Легионом командовал легат в ранге сенатора. Ему помогал трибун, называвшийся «латиклавий», потому что его тунику украшала широкая пурпурная кайма, указывавшая на то, что он также принадлежит к сенаторскому сословию. На третьей позиции стоял префект лагеря, отвечавший за укрепления и артиллерию; эту техническую должность обычно поручали бывшему центуриону элитных частей, который через это повышение попадал во всадническое сословие. Далее шли «трибуны ангустиклавии», носившие тунику с узкой каймой, потому что принадлежали ко всадническому сословию; они командовали двумя из десяти когорт пехоты, то есть двенадцатью центуриями. Наконец, в самом низу иерархии стояли центурионы, выслужившиеся из рядовых, командовавшие центурией или манипулой (группой из двух центурий).

Легион опирался на вспомогательные войска. Конницу делили на алы под командованием аристократов без опыта, в звании префекта или трибуна, в зависимости от того, насчитывает их подразделение 500 или 1000 человек. Пехоту делили на когорты, которыми командовали центурионы, повышенные до префектов или трибунов согласно тому же численному критерию. При такой системе всадники могли командовать только когортами легионеров, поскольку остальные

части были уготованы либо молодым аристократам, либо старым служакам. Тут-то Клавдий и провел реформу. Она изменила послужной список всадника, доверив под его командование сначала когорту вспомогательных войск, потом алу (то есть подразделения, на которые он раньше не мог претендовать) и, наконец, когорту легионеров. Таким образом, всадник набирался опыта, поскольку, прежде чем принять командование двумя когортами легионеров, получал боевое крещение во главе пехотинцев и кавалеристов из вспомогательных войск. Цель ясна: улучшить военные кадры и сформировать основу командования из всадников. Эта реформа переживет Клавдия, поскольку Флавии внесут лишь внешние изменения, не коснувшись принципа (поменяют порядок двух последних этапов: сначала когорта вспомогательных войск, потом когорта легионеров и ала).

XII. Администрация

Римская империя была не просто монархической надстройкой на основании старых республиканских институтов. Она была прежде всего разветвленной административной системой, доходившей до самых дальних провинций. Эту систему создал Август, как создал и принципат, — прагматично, используя старые, но модернизированные инструменты, которые полностью контролировал. Прежде всего нужно было порвать с республиканской системой, поощрявшей разграбление провинций. Нельзя сказать, что все прежние наместники занимались исключительно набиванием собственных карманов. Но эти люди были сначала политиками, а уже потом администраторами. А заниматься политикой в Риме стоило больших денег. Вы скажете: в наших современных демократиях то же самое. Да, но с той лишь разницей, что римский политик строил карьеру на собственные деньги, а не на деньги партии, государства или «спонсоров» (модное сейчас латинское слово). А потому старался использовать краткое пребывание в какой-либо провинции, чтобы собрать денег перед грядущими выборами, а по возможности извлечь еще и личную выгоду.

Реформы Августа в общих чертах состояли в превращении правителей в чиновников с твердым окладом, чтобы у губернатора больше не было причин обирать население. Если же тот не мог бороться с соблазном, несмотря на достойное жалованье, ему было труднее совершать злоупотребления, поскольку рядом с ним находились имперские прокураторы по вопросам финансов и налогов, подотчетные принцепсу. Мы еще вернемся к этим людям, но и так понятно, что их присутствие обеспечивало большую строгость и порядочность. При этом любой администратор вне зависимости от ранга отныне мог подвергнуться преследованиям за взяточничество. Короче, идеала достичь не удалось, но можно хотя бы сказать без преувеличения, что эксплуатация провинций превратилась в управление ими. Август провел множество реформ и в центре, в частности, создав несколько управлений под руководством надежных людей, подчинявшихся непосредственно ему.

Клавдий ничего нового не изобрел. Но сильно улучшил функционирование административного аппарата на всех уровнях, постоянно радея об общественном благе, даже если при этом надо было потеснить правящее сословие. Вот почему его реформы в этой области остаются одним из важнейших аспектов его правления.

Начнем с римского Казначейства, что требует предварительных пояснений по поводу государственной казны. У Империи было две казны: эрарий (*Aerarium*) и фиск (*Fiscus*). Эрарий был исторической казной Республики. По традиции, она хранилась в храме Сатурна вместе с архивами и бухгалтерией магистратов, и поэтому ее называли *Aerarium Saturni* (Сокровищница Сатурна). В эпоху Империи эрарий был сведен до уровня римской городской казны, но это всё еще были значительные средства. А главное — он сохранял большой престиж из-за своего почтенного возраста и того факта, что по-прежнему находился под контролем сената и под управлением магистратов. Вторая государственная казна с говорящим названием фиск («корзина», «денежный ящик») была создана в эпоху Августа для сбора налогов, выплачиваемых имперскими провинциями, и финансирования государственных нужд.

Займемся сначала эрарием. Он прошел через несколько реформ. В республиканскую эпоху им управляли квесторы. С установлением принципата начались перемены. Август испробовал несколько формул администрирования. В первое время сенату дозволили избирать управляющих, получавших звание префекта. Однако, как объясняет Тацит, «во избежание злоупотреблений при голосовании их стали избирать жребием из числа преторов», но, увы, «жребий нередко впадал в заблуждение и благоволил к людям малопригодным». В 42 году Клавдий заинтересовался казначейством вследствие выдвинутого против одного из преторов обвинения в злоупотреблениях. Судебных преследований не предприняли, но император лично проследил за распродажей и сдачей в аренду имущества казны, а затем поручил трем бывшим преторам обеспечить возвращение долгов. Но великая реформа произошла два года спустя, в 44-м. Она состояла в том, чтобы снова передать эрарий квесторам, как при Республике, но с двумя отличиями. С одной стороны, они оставались в должности три года, что нарушало правило о годичном сроке магистратур. А с другой — по истечении этого периода они сразу становились преторами, минуя стадию эдилов.

Глядя на новую систему в целом, становится понятно, каким образом она уменьшала риск нечистоплотности и халатности. Она зиждилась на трех «китах»: назначение императором, трехлетний мандат, молодость квесторов, которые в случае беспорочной службы быстрее делали карьеру. Благодаря назначению императором исключались «договорные» выборы в сенате и случайность жребия. Это явно был первый шаг к высочайшему контролю. Конечно, официально сенат признавался компетентным в этом вопросе, но после того как принцепс

просмотрел его счета в 42 году, он стал сам назначать управляющих из числа квесторов.

То же касается трехлетнего срока полномочий. Годичность была основополагающим принципом магистратуры. В данном случае квестор, официально поставленный императором во главе учреждения на три года, начинал походить на имперского агента, а его служба — на администрацию. Можно даже сказать, что эти квесторы были мутантами, юридическими гибридами — наполовину магистратами, наполовину чиновниками, так же как и эрарий, который стал походить на фиск. Клавдий положил начало эволюции, которая в конечном итоге приведет к фактическому слиянию двух казначейств.

Возврат к квестуре, на наш взгляд, свидетельствовал о любви к традициям. Для Клавдия это был способ испытать молодых перспективных людей и за три года обучить их руководству финансами. Наверное, это было долго и нудно, однако затем они сразу становились преторами, не побывав эдилами. Принцепс давал себе таким образом способ мотивировать квесторов-финансистов и улучшить качество их работы.

В 56 году Нерон дополнит реформу эрария, поручив руководство им преторианцам, то есть бывшим преторам. Тацит дает понять, что квесторам недоставало *auctoritas*.

Правда, он использует не этот термин, а выражение *aetatis robur* (зрелость лет). Это весьма возможно[59], но мы думаем, что молодость была лишь предлогом, чтобы больше не поручать эрарий магистратам, кем бы они ни были. Финансовые квесторы Клавдия хотя и назначались по выбору императора, все-таки входили в коллегию магистратов, то есть выборных лиц. Заменившие их бывшие преторы уже не были магистратами. Это более не гибриды; кстати, они будут называться префектами (административная должность). В конечном итоге Нерон лишь сделает еще один шаг по пути, проложенному Клавдием, — установления власти императора над эрарием.

В правление Клавдия имперская администрация вышла на новый этап своего развития; в частности, прокураторам предоставили больше полномочий. Прежде чем перейти к этой теме, надлежит снова вернуться к имперской казне. Помимо уже знакомых нам эрария и фиска существовала личная казна Цезарей. Мы уже подчеркивали, что со времен Августа принцепс обладал самым большим состоянием в Империи, передача которого по наследству и определяла преемника власти. При смене династии новый императорский дом, конечно же, конфискует это состояние, которое систематически будет

переходить к новому императору. Де-юре эту личную казну нельзя назвать «имуществом короны», поскольку императорский пурпур официально не передавался по наследству, но де-факто это почти то же самое, поскольку глава государства мог распоряжаться этими средствами для нужд государства.

Огромная величина и комплексность казны Цезарей и фиска с самого начала потребовали большого числа управляющих — *procuratores Augusti* (прокураторов императора). Этимологически *procurator* означает «распоряжающийся за другого». Под этот довольно расплывчатый термин подпадали различные должности разной значимости. Одни управляли недвижимым имуществом императора, например рудниками или пахотными землями, собирая с них доход. Другие сообща занимались фиском. Мы говорим «сообща», потому что их задачи порой выходили за эти рамки. Если схематизировать, то агенты фиска могли играть чисто финансовую роль. В лучшем случае они были кем-то вроде современных департаментских главных казначеев — главами финансовой администрации имперской или сенатской провинции; состоявшие в менее высоком чине исполняли ограниченную и специализированную должность типа сбора определенного налога. Но прокураторы могли быть и правителями небольших провинций вроде Иудеи. (Тацит перечисляет пять прокураторских провинций по состоянию на 69 год: обе Мавретании, Ретия, Норика, Фракия, уточняя, что этот список неполон.) В этом случае помимо финансовых они наделялись более важными полномочиями, в том числе военным командованием. Однако такие прокураторы находились под контролем более высокопоставленного губернатора. Прагматики-римляне классифицировали этих «чиновников» по величине оклада: были *procuratores sexagenarii* (которым платили 60 тысяч сестерциев), *procuratores centenarii* (100 тысяч сестерциев) и *procuratores ducenarii* (200 тысяч сестерциев).

В принципе прокуратор не обладал судебной властью, если только не был губернатором, и то еще в определенных пределах. Если возникал конфликт, его выносили на рассмотрение губернатора провинции с надзорными полномочиями или претора — в Риме. Реформа, проведенная Клавдием в 53 году, заключалась в наделении прокураторов расширенными судебными полномочиями. Скажем сразу: текст Тацита и в еще большей степени Светония слишком неточен, чтобы понять, что именно подпадало под это расширение или на каких прокураторов оно распространялось. Словесные и письменные баталии ученых на эту тему так и не привели к абсолютной ясности. А жаль, потому что закон, изданный Клавдием, был

«пространным и обстоятельным», как уверяет Тацит.

Не вдаваясь в споры ученых, скажем, что прокураторы, вероятно, смогли вершить суд в областях, подпадавших под их компетенцию. Конкретнее это означает, что споры, связанные с фиском, передавались на рассмотрение прокураторов — финансистов или губернаторов. Теперь они сами разбирали такие дела, не передавая их судье. Подавать апелляцию на их решения можно было только императору. Прочие специализированные коллегии прокураторов, например управлявшие казной Цезарей, получали право суда.

Клавдий так дорожил этой реформой, что провел ее через постановление сената. Понятно, что сенаторы не голосовали за него с легкой душой. Действительно, больше всего от него проигрывали именно представители сенаторского сословия — проконсулы сенатских провинций или легаты-пропреторы имперских провинций. Все они как минимум теряли контроль над фиском, поскольку суд первой инстанции теперь состоял из прокураторов, а апелляции разбирал император. Но, возможно, это не вошло в систему[60].

Ограничимся этим, запомнив две вещи. Во-первых, умножив полномочия прокураторов, император увеличил и собственные. А во-вторых, он упростил судебную процедуру: закон 53 года в большей степени подменял «ординарную процедуру» *(ordo judicorum privatorum),* используемую республиканскими магистратами, «экстраординарной». Новое процедурное право, используемое имперской администрацией, было более быстрым, менее формалистским и предоставляло больше власти судье, чтобы обеспечить явку сторон и привести приговор в исполнение. Наверное, реформу Клавдия надо рассматривать и как стремление модернизировать право.

Помимо полномочий Клавдий увеличил и число самих прокураторов. Только в Риме он учредил две новые кураторы: одну по вопросам водоснабжения, а другую по обустройству берегов Тибра. В обоих случаях уже существовали сенатские комиссии: первая была создана Августом, чтобы управлять сетью водопроводов, построенной его другом Агриппой; возглавлял ее сенатор в ранге консула, носивший звание «водного куратора» *(curator aquarum* — смотритель водопроводов). По утверждению Секста Юлия Фронтона, некоторые смотрители не слишком интересовались своей работой. Наверное, именно поэтому Клавдий, не отменяя должности куратора, приставил к нему прокуратора, избранного из числа его вольноотпущенников. Именно он исправлял данную должность, имея под своим началом 460 рабов вместо 240, которыми располагал бывший

начальник. Вторую комиссию создал Тиберий, чтобы попытаться укротить Тибр, катастрофические разливы которого порой затопляли большую часть Рима. Тут тоже результаты были неудовлетворительными. Та же причина — те же следствия: Клавдий сохранил комиссию из пяти сенаторов, но поручил реальное исполнение должности прокуратору-всаднику.

Вот два прекрасных примера того, что мы сегодня назвали бы «теневым руководством». Кураторов сохранили для формы, потому что от них нельзя было избавиться, не вызвав неудовольствия сената, однако они передали бразды правления прокураторам, то есть своим подчиненным. Это и два прекрасных примера реформы по-римски: фасад остался прежним, а внутри всё переиначили. В общем, сенат официально руководил видимостью курател, а имперские прокураторы делали дело.

* * *

Древние авторы подчеркивали влияние императорских вольноотпущенников в правление Клавдия. Светоний резюмирует их мнение, упрекая императора за то, что тот позволял помыкать собой вольноотпущенникам и своим женам. Во дворце и вправду было много вольноотпущенников. Они занимали там должности всякого рода, в частности канцелярские, но нам важны ближние советники принцепса. Мы уже знакомы с Каллистом, начинавшим свою карьеру при Калигуле, Нарциссом, Паллантом, Полибием, Феликсом, которому Клавдий доверил Иудею под конец своего царствования. В историографии остались также имена евнуха Гарпократа и Посида — без уточнения их должностей. Нам еще доведется снова встретиться с некоторыми из этих людей. В данный момент нас интересует, действительно ли они составляли орган центрального управления при принцепсе или — почему бы нет — отдельно от него.

Сначала нужно уточнить, что Клавдий не изобрел практику, состоявшую в передаче важных постов вольноотпущенникам, даже рабам, просто-напросто потому, что она существовала в Риме всегда и на всех уровнях. Перед принятием важного решения магистрат, полководец, отец семейства советовался с ближними, каким бы ни был их социальный статус. Одной из основ римского общества была *familia,* то есть, в широком смысле этого слова, не только семья в нашем современном понимании, но и все домочадцы, слуги и вольноотпущенники. Кстати, слово *familia* восходит к тому же корню, что и *famulus* — «слуга», «раб». Что касается вольноотпущенников, то за редким исключением

они оставались служить своему хозяину, которому должны были выказывать *obsequium,* то есть уважение и покорность. Как минимум вольноотпущенник должен был отработать определенное количество дней. Но чаще всего он предпочитал постоянную работу у своего хозяина. Так надежнее, особенно если он стар и нищ. Вообразите себе раба-земледельца, уже немолодого и только что обретшего свободу. Куда он пойдет? Лучше уж сделаться управляющим имением, получив власть над бывшими товарищами, чем отправляться на все четыре стороны. Если он не наделает глупостей, то получит гарантированное трудоустройство, приличное жалованье и, что для нас особенно важно, — доверие хозяина, который будет интересоваться его мнением в делах, входящих в сферу его, хозяина, компетенции.

Власть императорских вольноотпущенников проистекала именно из системы *familia.* Когда Августу потребовалось заложить основы центральной администрации, он естественным образом поручил *scrinia* (канцелярию) своим *familiares*, то есть домочадцам, в точности как любой *paterfamilias* поступал в своих частных делах. Так родились секретариаты, отвечающие за переписку (*ab epistulis),* финансы (*a rationibus*), апелляции, поданные на имя императора (*a cognitionibus),* архивы *(a studiis)* и ходатайства *(a libellis)*.

Похоже, что при Клавдии эта специализация стала более четкой, судя по уточнениям, которые сообщает нам Светоний по поводу обязанностей некоторых вольноотпущенников. Паллант был секретарем *a rationibus* и как будто главенствовал в команде, если верить Тациту, который говорит, что он распоряжался финансами «как полновластный хозяин». Официально он заведовал казной Цезарей, но, должно быть, осуществлял надзор также над эрарием, поскольку, как мы видели, Клавдий присвоил себе право следить за этой казной. Благодаря этой роли Паллант, возможно, стал правой рукой принцепса. Полибий был секретарем *a studiis,* а Нарцисс — *ab epistulis.* Современные историки часто задавались вопросом: составляли ли эти люди нечто вроде правительства или Высшего совета, возглавляли ли специализированные департаменты? Избавимся сразу от всяких анахронизмов: императорские вольноотпущенники не были министрами в нашем понимании, поскольку не составляли коллегиального органа, разделяющего общую ответственность; главным была двусторонняя связь каждого из них с принцепсом. Не составляли они в то время и постоянный совещательный орган общего назначения, как Совет принцепса (*consilium principis*) начиная с правления Северов (193–217 годы). Это не мешало Клавдию собирать их при случае, как в тот раз, когда ему надо

было найти себе жену после смерти Мессалины. Зато развитие и специализация канцелярий (*scrinia*) превращают их в нечто начинающее напоминать центральную администрацию в современном смысле слова, чем они станут, кстати, в правление Адриана. Хотя вольноотпущенники не министры и не советники, они сродни генеральным директорам.

Короче говоря, Паллант, Нарцисс и иже с ними были облеченными доверием слугами, повышенными до ранга смотрителей, чтобы удовлетворять возрастающие административные потребности. В этом качестве они давали советы императору в делах, находящихся в их ведении, а иногда и в других, если потребуется. В общем, центральная администрация рационализировалась — как и эрарий с назначением квесторов или налоговая и местная администрация с прокураторами. Естественно, это не нравилось традиционному политическому классу. Губернаторы-сенаторы или всадники без большого удовольствия получали инструкции (*mandata)* от вольноотпущенника *ab epistulis*; они с горечью взирали на то, что дела, которые они разбирали в первой инстанции, теперь изучает вольноотпущенник *a congnitionibus,* прежде чем вынести их на суд императора; наверное, им было не по душе, что вольноотпущенник *a libellis* рассматривает ходатайства, поданные императору частными лицами по административным или личным вопросам.

Полномочия, которыми наделили бывших рабов, сами по себе раздражали аристократов и всадников. Но это еще не всё. Их колоссальное состояние, нарочито пышный образ жизни, воздаваемые им почести воспринимались знатью как унижение, особенно если аристократы уже не могли поддерживать образ жизни, соответствующий их рангу. Светоний приводит несколько примеров успеха: Посид получил *hasta pura* — почетное копье, которое вручали участникам сражений; уже встречавшийся нам Феликс стал правителем Иудеи и женился на царице; Гарпократ получил право передвигаться в носилках; Полибий часто прогуливался в обществе обоих консулов, а Нарцисс получил знаки квесторского достоинства. Все, конечно же, были очень богаты, так что в одной шутке Клавдию даже советовали пойти в товарищи к своим вольноотпущенникам, чтобы поправить свои денежные дела… Но все рекорды в этой области побил Паллант, судя по раздражению, которое он вызывает у древних авторов. По словам Тацита, этот человек владел тремястами миллионами сестерциев. Чтобы представить себе, сколько это, надо знать, что самые крупные состояния колебались в пределах тридцати-шестидесяти миллионов, редко больше, а 30 миллионов были

устойчивой формулой для обозначения богатства. Нарцисс, например, имел только… 40 миллионов (10 миллионов драхм, о которых говорит Дион Кассий, и есть 40 миллионов сестерциев), что кажется почти умеренным. Но даже если наши авторы немного преувеличивают, Паллант совершенно точно возглавлял бы рейтинг Who's who того времени. Это не помешало сенату выступить однажды с предложением, чтобы выплатить ему еще 15 миллионов за счет государства в награду за внесенный им законопроект. Паллант великодушно отказался. Он принял только преторские знаки отличия, благодаря которым попадал в сенаторское сословие. Возмущенный Тацит иронично заключает: «И вот, начертанный на медной доске, был вывешен сенатский указ, в котором вольноотпущенник, обладатель трехсот миллионов сестерциев, превозносился восхвалениями за старинную неприхотливость и довольство малым».

Паллант, однако, очень гордился тем, что сэкономил эрарию 15 миллионов, — так гордился, что велел высечь надпись об этом подвиге в виде своей эпитафии. Эти сведения нам сообщает Плиний Младший, обнаруживший эту надпись на надгробии во время случайной прогулки: «Ему сенат за верность и почтение к патронам постановил дать преторские знаки и пятнадцать миллионов сестерций, каковою честью он остался доволен»[61]. Плиния это покоробило, так что он рассказал об этой истории в письме другу, завершив рассказ язвительной моралью: сколько комедии и глупости в почестях, которые порой роняют в эту грязь, эту мерзость, осыпая ими таких людей, как этот висельник, имевший наглость присудить их себе и отказаться от них, да еще и выставив себя образцом умеренности для потомков! Позднее Плиний возвращается к этой теме. Заинтригованный, он отправился в архив, чтобы отыскать постановление сената, осыпавшего своими милостями Палланта. Он глазам своим не поверил — и было отчего, поскольку сенат, искушенный в искусстве лести, превзошел сам себя. Плиний приводит целые пассажи из этого текста. Ограничимся одним отрывком, но письмо стоит того, чтобы прочесть его целиком: «Дабы Паллант, коему все они признают себя предельно обязанными, заслуженнейшим образом получил награду за свою исключительную верность и за исключительное усердие <…> для щедрости сената и римского народа не может представиться более удобного случая, чем возможность увеличить средства бескорыстнейшего и вернейшего стража императорского имущества». Короче, как говорит сам Плиний, рядом с этим постановлением эпитафия выглядит простой и скромной.

Если присмотреться, то в отношении сената к Палланту нет

ничего поразительного. Напротив, оно вполне соответствует его общей линии поведения в рамках принципата. Давайте вспомним. С одной стороны, сенат больше не хочет править. Он предоставляет эту обязанность принцепсу и даже соглашается обходиться с ним как с царем, хотя он сам ведет себя по отношению к сенату как республиканский магистрат, которым официально считается. С другой стороны, сенат отказывается и играть роль правительственного советника, также сознательно предоставив ее *familiares Augusti.* Отсюда эта лицемерная лесть императору и его домочадцам, хороши ли отношения между ними и сенатом или нет. Если они хороши, перед господином лебезят, чтобы он продолжал хорошо себя вести и чтобы добиться от него желаемого; если они плохи, перед ним лебезят еще больше, чтобы продемонстрировать свои добрые намерения, пока подспудно плетутся заговоры. По необходимости льстят и вольноотпущенникам, если те влиятельны и в чести у государя. В этом плане случай с Паллантом символичен. Почему сенаторы принялись вдруг превозносить вольноотпущенника? Просто потому, что Клавдий указал: внесенный им законопроект был разработан Паллантом. Большего и не требовалось, чтобы сенат присвоил тому преторские знаки и премию в 15 миллионов. Кстати, сам Клавдий и ответил, что его сотрудник примет первые, но отказывается от второй. В общем, не будем заблуждаться. Сенаторам не было никакого дела до Палланта. Пышные почести, которыми они хотели его наделить, на самом деле были ясным сигналом императору, который можно расшифровать следующим образом: «Ты прекрасно управляешь страной вместе с превосходными советниками, ты видишь, что мы тебе для этого не нужны, продолжай в том же духе, и мы проголосуем за любые постановления, какие захочешь…»

В возмущении древних авторов положением вольноотпущенников и поведением сената тоже нет ничего странного. Эти труды были написаны людьми из сенаторского или всаднического сословия, а потому отражают реакцию класса на преуспеяние бывших рабов. Тот факт, что эти высокопоставленные вольноотпущенники были греками, на что указывают их имена, только усугубляет положение, задевая «староримскую» струну в сердце авторов. Что до подобострастия сената, то эта тема часто встречается в текстах. Авторы его беспрестанно осуждают, но знают, что оно входило в правила игры, и зачастую сами ведут себя подобострастно. Возьмем Плиния. Это очень храбрый и щепетильный человек, но и он ловко наводит глянец, обращаясь к Траяну. В своих письмах он то и дело называет его «государем» — титулом, который вошел в

употребление позже, при Адриане, а Юлии — Клавдии от него отказывались. Свой «Панегирик императору Траяну» Плиний нашпиговал преувеличениями, без которых вполне мог бы обойтись, даже если избранный им жанр и располагает к лести. Расхваливая военные таланты императора, он восклицает: «Женщины только тогда познали истинное счастье материнства, когда они увидели, какому принцепсу они родили граждан, какому полководцу солдат!» Ниже, благодаря Траяна за содержание на государственный счет бедных детей, Плиний превосходит сам себя: «При твоем управлении и легко и хочется принимать на себя воспитание детей. <…> Веским побуждением к воспитанию детей является надежда на поддержку от государства, на подарки, но еще более того, уверенность в свободе и безопасности. <…> Они содержатся на общественный счет в качестве запасного войска на случай войны и в качестве украшения государства в дни мира и приучаются любить родину не только как родину, но и как кормилицу. Из их числа будут пополняться лагеря и трибы, от них будут рождаться дети, которым уже не потребуется пособия. <…> Они же рождаются ради тебя». Другими словами, нам остается лишь удовольствие делать детей, поскольку кормить их будешь ты! А еще нам выпала радость отправлять их на убой в твои легионы, которыми ты так хорошо командуешь! В этом их долг перед тобой: разве они родились не благодаря твоим пособиям? Неужели, пресмыкаясь, надо было пасть так низко? А ведь Плиний — сенатор…

При всём том надо признать, что он последователен в своих мыслях и ловко пользуется своим панегириком, чтобы сообщить свое мнение о рамках, которые император должен установить для своих вольноотпущенников. Такого рода речи произносят для того, чтобы попутно вставить кое-какие предложения и укоры, замаскированные под похвалы. Так, наш панегирист начинает главу о *liberti,* упрекая прежних принцепсов за то, что они были рабами своих рабов, а после радуется тому, что Траян знает: «слишком возвеличенные отпущенники свидетельствуют о не слишком великом государе». И тут же подчеркивает: «Прежде всего, ты пользуешься услугами только тех, кто любезен тебе самому, или кто был уже близок твоему отцу и вообще может быть близок к каждому доброму государю, а затем ты все время направляешь их неизменно и каждодневно так, что они привыкают оценивать свое достоинство не по твоей судьбе, а по своим заслугам». Понятно, что Плиний описывает здесь желаемую и рекомендуемую ситуацию, а не реальное положение дел. Потому что команда Траяна, конечно, не более и не менее даровита и богата, чем команда Клавдия. Зато она гораздо

могущественнее, потому что стоит во главе администрации, которая за 50 лет стала более развитой и слаженной.

Не будем же доверять классовым предрассудкам и зависти, рупором которых становятся древние авторы. Аристократы, как мы уже сказали, с трудом переносили, что дворцовые вольноотпущенники надзирают за ними и контролируют их действия по управлению провинциями. Всадники же видели в них непосредственных соперников за обладание постами, на которые могло претендовать всаднические сословие. Это относилось, конечно же, к прокурателам, но также к пресловутым канцеляриям, которые во времена Клавдия были закреплены за *familiares Augusti*. Позднее Адриан передаст эти должности всадникам, например Светонию, которого сделает секретарем *ab epistulis*. Разумеется, не стоило ожидать, чтобы тот чрезмерно расхваливал своих предшественников-вольноотпущенников.

А ведь среди них были достойные люди. Конечно, не без недостатков, включая, возможно, алчность, но по большому счету они были не жаднее некоторых губернаторов из числа сенаторов или всадников, которые под конец своих полномочий шли под суд за стяжательство. Избранные за свои способности, они хотя бы служили преданно и разумно. Клавдий обрел в них «шерп» (доверенных лиц), которые разложили по полочкам или вдохновили крупные реформы, частично упомянутые в этой главе; позже мы поговорим и о других. Характерно в этом плане, что Сенека в своем «Отыквлении божественного Клавдия» говорит о радости юрисконсультов, когда объявили о смерти Клавдия.

Юрисконсульты были знатоками права и способствовали появлению в Риме юриспруденции, то есть знания законов и их практического применения. Они являлись одновременно консультантами, адвокатами, судьями, а также преподавателями, составлявшими учебники, — некоторые из них дошли до нашего времени. Теоретически их юриспруденция не имела никакого официального значения, но судьи и законодатель черпали идеи у лучших авторов. Август предоставил некоторым из них привилегию давать консультации «властью принцепса» *(ex auctoritate principis)*. Это не значит, что они выступали от имени императора, но император выдал им своего рода сертификат, знак качества. Понятно, что «патентованный» юрисконсульт приобретал больший престиж, и судье становилось труднее не считаться с его мнением.

Если верить Сенеке, именно эти люди утратили свое влияние в правление нашего императора: памфлетист говорит, что во время похорон они явились «бледные, изможденные, едва дыша, точно сейчас только ожили». Это позволяет предположить, что

команда Клавдия подменила собой юристов в роли консультантов. Возможно, им в вину ставили ссоры между разными школами и отсутствие новаторского духа.

В заключение предоставим слово Тациту. В той части «Анналов», где речь идет о 56 годе, он говорит: «Людей этого звания множество. Из них в большинстве состоят трибы [трибутные комиции — собрания по римским округам], декурии [служебный персонал в управлениях магистратов], из них набираются служащие у магистратов и жрецов, наконец городские когорты [пожарные и ночная стража]: и немало всадников, немало сенаторов ведет свою родословную не от кого другого, как от них; если обособить вольноотпущенников, станет очевидной малочисленность свободнорожденных». Тацит описывает здесь положение вещей с осуждением и преувеличением. Всадники вовсе не были в большинстве своем потомками рабов; среди сенаторов такие люди были исключением. Но в принципе он прав: *liberti* и *libertini* проникали во все слои населения, и это движение набирало ход, однако большая их часть относилась к плебсу. На сей раз Тацит вовсе не для красного словца утверждает, что их было множество в декуриях, канцеляриях магистратов и пожарной службе. В широком смысле они занимались самыми разными профессиями — от самых скромных до самых прибыльных.

Этой открытостью общества, связанной с постепенным распространением римского гражданства, во многом объясняется, что «в государстве царили мир и покой, в семье — благоденствие»; Тацит ставит это в заслугу имперскому режиму. Писатель в литературной форме выражает здесь римский универсализм — своего рода политический, социальный и культурный союз многочисленных и различных народов, сохранявших при этом свою самобытность. Европа утратила эту модель и теперь с трудом пытается возродить.

Не станем же задерживаться на презрении власть имущих и простых граждан к вольноотпущенникам и их сыновьям. Римское общество сумеет преодолеть предрассудки, за века в него интегрируются сотни тысяч рабов, потомки которых займут места на всех уровнях социальной иерархии. Это стало возможно благодаря существованию людей, подобных Меценату: «Нет! ты орлиный свой нос поднимать перед теми не любишь, / Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!» Имя автора этих строк, латинского поэта Горация, пережило века и известно на всех континентах. Те же слова применимы и к Клавдию, который делал вольноотпущенников прокураторами, ставил их во главе

канцелярий и открыл двери сената перед их сыновьями. Как и Меценат, Клавдий знал, что «слава стремит за блестящей своей колесницей / Низкого рода людей, как и знатных».

XIII. Рим и Италия

Пускай Рим построил империю, пускай он превратился в идею, пускай его именем для краткости стали называть всю Империю, а сам он превратился в *patria communis* (общее отечество) для многочисленных народов, он также оставался и городом. Но не абы каким — всем городам городом, историческим местом, началом и концом всему. Кроме того, он был средоточием императорской власти, не просто административной столицей, а домом императора. А император тогда воспринимался не так, как сегодня глава государства или правительства развитой страны. Мы, современные люди, смотрим на наших правителей как на людей, облеченных властью, которые не так важны, как временно исполняемая ими должность. Институт американского и французского президентства, федеральная канцелярия в Германии, правительство Ее Величества поглощают президента, канцлера и премьер-министра: учреждение главнее индивидуума. Напротив, в Древнем мире глава государства, как бы он ни именовался, был в равной степени и тем и другим. И так будет еще долго продолжаться потом — в старых европейских монархиях.

Природа Рима и природа императора — вот два параметра, которыми можно объяснить особенные связи, соединявшие их друг с другом. С народами, населявшими Империю, принцепс поддерживал обычные отношения властителя с подвластными ему людьми. Но вот с Римом выходило совсем иначе, потому что он был *Urbis sua* — «его городом», а еще *Urbis sacra* — «священным городом», то есть императорским, что одно и то же. Именно этой особой связью и объясняется, что Рим, где проживал всего один процент населения Империи, принял политическое значение, обратно пропорциональное своему демографическому весу.

Если конкретно, то это выражалось прежде всего в том, что император был единственным или самым главным эвергетом Города. Этимологически «эвергет» означает «благодетель», но в практическом плане эвергетизмом называлась практика, существовавшая в древних обществах, когда местные должностные лица осыпали свои города и их жителей различными подарками. Это далеко опережало нынешнюю деятельность, например, благотворительных фондов, основанных какими-нибудь миллиардерами. В общих чертах, за период между эллинистической эпохой и IV веком нашей эры, то есть более чем за 600 лет, большая часть общественных построек была возведена на деньги эвергетов. При этом надо уточнить, что термин

«общественные постройки» следует воспринимать в широком смысле: это не только театры или бани, но также храмы, акведуки, мощеные дороги и т. д. Эвергеты время от времени занимались раздачей денег и устройством разного рода зрелищ: состязаний колесниц, боев гладиаторов, театральных представлений, пантомим. Это всё равно как если бы сегодня новая Парижская Опера, стадион «Стад де Франс», собор в Эври, водопровод, окружная автодорога, кинотеатры и спортзалы были подарены городу местными капиталистами и политиками, и то же самое происходило бы во всех французских регионах.

В каждом городе Империи имелись свои эвергеты, император же был эвергетом Рима. Главной его заботой в этом качестве стало пропитание города, ибо столица обладала еще одной особенностью: это был единственный город, где некоторым жителям (примерно 150 тысячам) хлеб раздавали бесплатно, а все население пользовалось платной системой распределения хлеба, масла и мяса, называемой анноной. Важность снабжения города легко понять: голодные бунты в месте, где сосредоточена власть, могли привести к ее свержению. В 22 году до н. э. толпа потребовала от Октавиана (который еще не был Августом) стать диктатором, чтобы покончить с хлебным кризисом. Он отказался, но ему все равно пришлось лично заняться снабжением. Он перепробовал несколько административных решений, пока не нашел нужный под конец своего правления, учредив префектуру анноны, которой было уготовано большое будущее. В задачу этого учреждения входило запасать, выторговывать и распределять зерновые ресурсы, объем которых во времена Веспасиана будет доходить до 525 миллионов литров в год. Для руководства этим крайне важным аппаратом первый император выбрал префекта-всадника, отличившегося преданностью и компетентностью. В лице Туррания Август сделал столь хороший выбор, что в правление Клавдия тот еще находился на посту, хотя ему перевалило за девяносто. За некоторое время до этого, когда Калигула освободил его от обязанностей, старик так расстроился, что лег пластом и велел домочадцам оплакивать себя, точно покойника, пока его не восстановили в должности! Но какую бы важную роль ни играли префекты по снабжению продовольствием, по-настоящему за пропитание Рима отвечали императоры. Все они будут всячески стараться избегать голода, угроза которого периодически нависала над городом. Действительно, Рим много потреблял, но ничего не производил, а Италия производила слишком мало, чтобы прокормить его. Тиберий однажды с горькой иронией так описал положение дел сенату: «А ведь никто, к сожалению, не докладывает сенату, что

Италия постоянно нуждается в помощи со стороны, что жизнь римского народа всечасно зависит от превратностей моря и бурь и что, не поддерживай провинции своими излишками и господ, и рабов, и самые пашни, нам пришлось бы ожидать пропитания от своих увеселительных садов и вилл»[62]. Действительно, Рим полностью зависел от импорта, в частности из Египта, поставлявшего морем большую часть потребляемого зерна. Достаточно было неурожая или непогоды, нарушавшей навигацию, чтобы возник дефицит хлеба.

Вот с такой ситуацией и столкнулся Клавдий, придя к власти в 42 году. Несколько неурожайных лет сократили запасы провианта до количества, которого хватило бы на несколько дней[63]. Воспользовавшись тем, что новый принцепс находился на форуме, массы выразили свое недовольство. В Клавдия полетели оскорбления и хлебные корки, сопровождавшие его до самого дворца, куда он смог проникнуть лишь с черного хода и то с большим трудом. Гнев плебса побудил его немедленно задуматься об улучшении снабжения. Так родились меры, эффективность которых признают даже древние историки, недружелюбно настроенные к нашему императору.

Одной из причин повторяющегося дефицита была, как мы уже сказали, непростая навигация. В зимние месяцы море находилось «под замком», то есть морским путем пользовались редко во избежание кораблекрушений. Клавдий рассудил, что если заставить судовладельцев подвергнуться морским бурям, чтобы доставить хлеб в Италию, это поможет избежать народных бурь в Риме. Поэтому он принял три эффективные меры в этом направлении, которые будут применять и его преемники.

Для начала он решил компенсировать за свой счет убытки от кораблекрушений. На наш взгляд, это самое важное положение, поскольку оно означает, что со времени правления Клавдия принцепс станет страховщиком морских перевозок хлеба, предназначенного Риму. К полю императорского эвергетизма присоединили новую область, но это согласовалось с политической необходимостью, по которой император являлся единственным благодетелем столицы.

То есть страхованием рисков снабжения столицы занимался не эрарий, государственная казна Римской империи, а личная казна императора.

Затем Клавдий стал побуждать судовладельцев развивать торговые пути, ведущие в Рим. Если в течение шести лет для снабжения столицы они использовали судно минимальным водоизмещением 10 тысяч модиев[64], то получали существенные юридические льготы: те, на кого распространялось только

латинское право[65], приобретали римское гражданство; уже имевшие его более не подпадали под действие закона Папия Поппея, предусматривавшего санкции против холостяков и бездетных пар[66]; вольноотпущенницы наделялись теми же правами, что и вольноотпущенницы, родившие четверых детей, то есть избавлялись от опеки своего хозяина.

Третья мера состояла в осуществлении крупных строительных проектов — расширении порта в Остии и осушении Фуцинского озера. Через Остию проходили две трети грузов, предназначенных для снабжения Рима. Вести эти работы было крайне тяжело. Цезарь попробовал и бросил, и инженеры предупредили Клавдия, что проект выйдет очень дорогим. Однако император не отказался от своего решения и довел дело до конца. Мы можем представить себе новую гавань, с тех пор как ее остатки были обнаружены во время строительства аэропорта Фьюмичино. Это искусственный водоем в трех километрах от Остии, занимающий площадь 90 гектаров, глубиной пять метров, защищенный дамбой в 758 метров и молом в 600 метров, на которых стояли многочисленные склады. Гигантский корабль, на котором в правление Калигулы привезли Ватиканский обелиск, затопили у края дамбы, превратив в основание для маяка. Для охраны всего комплекса сооружений была сформирована когорта стражников (тогдашних пожарных). До сих пор портом Остии и доставкой хлеба в Рим руководил один квестор. Теперь же Клавдий поручил эти задачи прокуратору — в духе своей политики в области администрации. Одновременно стал не нужен другой квестор, занимавшийся портом Римини на Адриатике.

Император пристально следил за ходом работ. Он неоднократно ездил в Остию, чтобы заодно проследить за доставкой хлеба. Во время одной из таких инспекционных поездок он даже участвовал в спортивной рыбалке, которая чуть не окончилась бедой. С недавних пор в строящемся порту поселилась косатка, поедавшая звериные шкуры, которые там вымачивали. Клавдий велел перегородить выход сетью и сел вместе с преторианскими гвардейцами в одну из лодок, устремившихся на преследование животного, но зубатый кит отправил одну из них на дно.

Клавдий не доживет до завершения строительства нового порта, что произойдет лишь через два десятка лет. Траяну придется его перестроить в 100–112 годах, чтобы защитить суда от непогоды. Самая крупная катастрофа произошла в 62 году, когда страшная буря потопила в порту 200 судов одновременно с сотней других, шедших вверх по Тибру. Однако выбор Клавдия

был превосходен, и его преемники не станут ничего менять, продолжая развивать и порт, и сам город. Портовые инфраструктуры займут до десяти гектаров: там будут складировать разного рода провиант, сырье и готовые товары. И сегодня еще можно полюбоваться театром, построенным при Коммоде, и — довольно редкая вещь — увидеть мозаичные эмблемы торговых компаний из разных уголков Империи, открывших свои лавки в Остии. (Эти лавки располагались за колоннадой, а мозаики — на полу перед входом.)

Вторым крупным строительным проектом стало осушение Фуцинского озера в области Абруцци, которое тоже планировал Цезарь. И здесь целью была борьба с дефицитом хлеба: необходимость высвободить земли под сельское хозяйство на расстоянии менее 90 километров от Рима. Потребовалось 11 лет тяжелейшего труда тридцати тысяч человек, чтобы проект, состоявший в отводе воды из озера в реку Лирис, был осуществлен. Пришлось прорыть отводной канал длиной более 5,6 километра и шириной 2,44 метра с опорными стенами высотой около 2,9 метра. Это гигантское сооружение, которое Плиний Старший причисляет к самым «достопамятным», просуществовало, увы, недолго: с годами канал засорился, озеро снова наполнилось водой, так что в начале III века Дион Кассий писал, что все деньги были потрачены впустую. Должно быть, поддержание в рабочем состоянии столь длинного отводного канала в те времена было трудным делом. В общем, только в середине XIX века идею Клавдия подхватят и окончательно реализуют, что увеличит площадь сельскохозяйственных земель на 16 тысяч 600 гектаров.

Открытие канала в 52 году сопровождалось столь же масштабными увеселениями. Прежде чем отвести из озера воду, Клавдий велел устроить на нем навмахию — морской бой между родосцами и сицилийцами. Это было крупнейшее зрелище такого рода из всех, какие устраивали до тех пор. Несколько десятков трирем и квадрирем, которыми управляли 19 тысяч преступников, должны были сойтись в смертельной схватке. Во избежание бегства или бунта актеров поневоле озеро окружили палубными кораблями, на которых несли караул моряки, а также плотами с преторианскими гвардейцами и артиллерией. Берега и холмы, приспособленные ради такого случая под амфитеатр, были черны от бесчисленной публики, явившейся из Рима и соседних муниципиев. Облаченный в великолепный палудаментум, Клавдий распоряжался зрелищем, сидя рядом со своей новой супругой Агриппиной и Нероном (которые тоже были в расшитых золотом императорских мантиях). По его сигналу из

воды появился серебряный тритон, управляемый механизмом, и подал сигнал к началу боя, протрубив в трубу.

Источники по-разному рассказывают о поведении императора и перипетиях того дня. Тацит сообщает, что воины, хотя и были преступниками, сражались храбро, как доблестные солдаты, и Клавдий отблагодарил их за это, остановив смертоубийство через какое-то время. Согласно Диону Кассию, воинов заставляли сражаться под угрозой войск и артиллерии. Светоний, всегда склонный к юмору и пародии, пользуется случаем, чтобы выставить Клавдия кретином. Сцена начинается с ритуального приветствия, каким открывались зрелища боев: «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя». На что Клавдий отвечает: «А может и нет». Неуверенную фразу воины истолковали как помилование, избавляющее их от необходимости сражаться. Рассвирепев, Клавдий хотел сначала перебить их мечом и огнем артиллерии, но передумал, вскочил со своего места на берегу и заковылял, размахивая руками, выкрикивая угрозы и понуждения, выставил себя на посмешище, но все-таки уговорил их начать бой. Понятно, что Светоний передает в данном случае предание, порожденное антиклавдиевской пропагандой, которое ни в коем случае нельзя воспринимать буквально. Если поставить рядом три рассказа, можно представить, что же произошло на самом деле. Осужденных было 19 тысяч; вероятно, они не хотели сражаться, понимая, какую силу представляет собой их множество. Чтобы не применять войска, что, возможно, не обошлись бы без потерь, или попросту чтобы не портить зрелище, Клавдий пообещал помиловать уцелевших.

После навмахии приступили к отводу воды. Но оказалось, что канал лежит выше дна озера, то есть полностью осушить его нельзя. Пришлось возобновить земляные работы, чтобы углубить канал. Когда они завершились, состоялись новые увеселения, на сей раз в виде боя гладиаторов и пира. Конец был подпорчен из-за небрежности организаторов, разместивших пирующих слишком близко от стока. Когда пустили воду, она устремилась в канал столь мощным потоком, что грохот воды и сотрясение земли вызвали панику.

Третья серия крупных построек — акведуков — началась с переделки *Aqua Virgo*[67]. Это сооружение, преподнесенное Риму Марком Агриппой в 19 году до н. э., нуждалось в ремонте, который Клавдий произвел между 44 и 46 годами, добавив к акведуку новые пролеты. «Аква Вирго» действует до сих пор благодаря постоянному уходу и снабжает сегодня водой несколько римских фонтанов, в том числе известнейший фонтан

Треви. Но главными сооружениями являются *Aqua Claudia* и *Anio Novus,* начатые при Калигуле в 38 году, а законченные только в 52-м.

Первый акведук был длиной около 69 километров, из которых примерно 58 километров проходили под землей, и вбирал в себя несколько превосходных источников. Второй получил свое название «Новый Анио» из-за существования акведука «Анио», который теперь станут называть *Vetus* («Старый»), Он имел в длину 87 километров, из которых 73 приходились на подземные сооружения, и подавал мутную воду, для очистки которой пришлось построить отстойник. Оба акведука шли параллельно, а в 13 километрах от Рима соединялись: «Анио новус» шел поверх «Аква Клавдия», образуя сооружение высотой более 47 метров. Его и сегодня можно видеть над Главными воротами[68]. По мнению Фронтита, специалиста по гидравлике, оно «великолепно» и превосходит прочие акведуки, об истории и размерах которых он рассказывал прежде. Поддавшись своему порыву, он так завершает эту часть своей книги: «Разве можно сравнить бестолковые пирамиды или бесполезные, хотя и известные, строения греков с этими столь необходимыми сооружениями, проводящими так много воды?» Энциклопедист Плиний, его современник, считает, что земляные и строительные работы, охваченные расстояния, объем перегоняемой воды, количество обслуживаемых учреждений и людей превращают этот парный акведук в самое большое «чудо света». И то сказать, Клавдий на него не поскупился: выложил из собственного кармана 350 миллионов сестерциев за 14 лет, пока продолжалось строительство. Эксклюзивные эвергеты столицы, императоры брали на себя пропитание плебса и сооружение памятников. По крайней мере в этих двух областях никто не должен был с ними соперничать, иначе его заподозрят в претензиях на пурпур. Акведуки же, бывшие одновременно памятниками и водопроводом, являлись императорской монополией вдвойне. Император позволял магистратам заниматься только поддержанием их в рабочем состоянии, а крупные работы выпадали на его долю. Нам скажут, что «Аква Вирго» построил на свои деньги Марк Агриппа, но это было в самом начале Империи, в те времена, когда раздел эвергетизма еще не был прочно закреплен. Август являлся в равной мере главой партии и принцепсом, чем и объясняется, что его главный наместник позволил себе построить акведук и даже великолепный Пантеон, которым можно полюбоваться еще и сегодня. Такого больше не повторится. Один лишь сенат в принципе сохранял за собой право строить, но на деле он будет

возводить только памятники во славу императора или простые статуи.

Введение в строй новых акведуков дало Клавдию повод пересмотреть систему управления римским водоснабжением.

Именно тогда он назначил смотрителей водопроводов, о которых мы говорили в предыдущей главе, чтобы устранить последствия дилетантства сенатской комиссии. Комиссию, напомним, не распустили, но отстранили от дел, которыми отныне занималась новая структура, подотчетная императору.

После хлеба и воды — зрелища. Они были двух видов. С одной стороны, просто развлечения *(ludi),* объединявшие различные театральные представления и гонки колесниц, их организовывали на деньги магистратов. Из эрария им отпускали на эти цели определенную ежегодную сумму, но как эвергеты они были обязаны дополнять ее собственными средствами. Обходилось это в итоге так дорого, что кое-кто отказывался от должности, потому что она становилась ему не по карману: например, во время цирковых представлений устраивали до двадцати четырех состязаний колесниц в день. С другой стороны — бои гладиаторов *(gladiatorium munera*), травля хищников (*venationes*), навмахии были делом императора, который пользовался случаем, чтобы привести в исполнение смертные приговоры. Осужденные на смерть подвергались той или иной казни, которая, если так можно выразиться, была одним из номеров программы, или же погибали, участвуя в боях, как во время навмахии на Фуцинском озере. Магистратам, однако, разрешалось выставлять гладиаторов помимо зрелищ, входивших в их компетенцию.

В эпоху Клавдия на празднества уходило в целом более трех месяцев. Императоры присутствовали не на всех зрелищах, а лишь на тех, которые устраивали сами, или организованных в их честь. В иных случаях они были представлены знаками императорского достоинства, выставленными на виду в их ложе.

Исходя из этого легко понять, что зрелища в Риме приобретали политическое значение, а потому не шли ни в какое сравнение с теми, что устраивали в других городах. Император приглашал на них народ своего города, чтобы показаться ему, а народ отправлялся туда, чтобы увидеть государя и развлечься. В обществе, где выборы уже практически ничего не значили, цирк, театр или амфитеатр вновь ненадолго выводили на первый план суверенный народ времен Республики — или, по меньшей мере, ее плебейскую составляющую. Конечно, плебс отдавал почести принцепсу, желая ему доброго здоровья согласно обычаю, но

знал, что принцепс хочет ему понравиться, что зрелище устраивают для него, — короче, что это он здесь правит бал. А потому плебс пользовался случаем, чтобы выставить свои требования — непосредственно, попросив что-то конкретное или освистав представление. Со своей стороны императоры обходились с ним почтительно: Клавдий, обращаясь к зрителям, нарочито называл их «господа» или «хозяева» (*domini*) — титулом, предназначавшимся царям, от которого императоры еще официально отказывались. Публика очень этим забавлялась, потому что в этой утонченной учтивости заключалась добрая доля шутки, все равно как если бы сегодня к собранию посторонних людей обратились «государи мои» вместо «господа». Конечно, когда публика требовала добавки, принцепс, кто бы он ни был, делал всё, лишь бы ей угодить, и если это нельзя было исполнить прямо сейчас, обещал удовлетворить просьбу в будущем, сдобрив обещание шуткой. Однажды, когда зрители требовали гладиатора по имени Палумб, которого в тот день не было, Клавдий ответил, что предъявит его, «как только его изловят». Шутка основана на игре слов: *Palumbus* означает «голубь». Как видим, Клавдий умел общаться с народом. Во всяком случае, он отличался такими импровизированными диалогами с толпой, которые вел в фамильярном тоне. У него даже был талант ведущего, которому позавидовали бы многие нынешние телевизионщики. Например, награждая победителя в каком-нибудь состязании, он правой рукой медленно бросал ему на арену золотые монеты одну за другой, считая их вслух и на пальцах левой руки, вытянутой в сторону публики. Зрители подхватывали счет, вопили, и можно себе представить, как Клавдий делал вид, будто останавливается, чтобы спросить у «господ», продолжать ли дальше…

У императоров тоже были претензии, которые они адресовали «народу-публике». Одна из них довольно регулярно всплывала в связи с играми и прочими собраниями — рождаемость. Малая плодовитость италийцев тревожила политическое руководство уже много лет. Август как-то использовал представление, чтобы слегка разрекламировать многодетные семьи: в тот день он представил толпе своего внучатого племянника Германика в сопровождении кое-кого из своих девятерых детей. Клавдий оригинальным образом воспользовался его примером по случаю состязания гладиаторов. Он должен был отправить в отставку гладиатора-колесничего. Такие освобождения сопровождались небольшой церемонией: хозяин (в данном случае император) вручал гладиатору жезл, символизировавший власть ланисты (владельца школы

гладиаторов), которая отныне на него не распространялась. В данном конкретном случае, похоже, к церемонии тщательно подготовились. Четыре сына гладиатора явились просить Клавдия даровать эту милость их отцу, принцепс соизволил согласиться и вручил пресловутый жезл под гром аплодисментов. По трибунам тотчас стали передавать таблички, указывавшие народу, «как хорошо иметь детей, если даже гладиатор, как можно видеть, находит в них защитников и заступников».

Публика, разумеется, внимательно следила за поведением императора во время представлений. Он должен был проявлять к ним интерес — хотя бы для виду. Цезаря народ раскритиковал за то, что он работал в своей ложе, и Август тщательно этого избегал. Он предпочитал притворяться, будто любит представления. Говорил всем подряд, что ходит на них с охотой, и некоторые, возможно, действительно ценил. Присутствуя на представлении, следил за действием, ни на что не отвлекаясь, но уходил всегда, не дождавшись конца. Однако непременно извинялся за это перед зрителями и рекомендовал им магистрата, который займет его место. В общем, у него были хорошие манеры. Тиберий зрелища терпеть не мог и даже не старался скрывать свое отвращение. Однако ходил на них из чувства долга и уважения к организаторам, поскольку сам устраивал их крайне редко. Явственное отсутствие интереса отнюдь не способствовало популярности Тиберия в Риме, который он в конце концов покинул, поселившись на Капри. Калигула, пусть даже из враждебности к сенаторскому сословию, всячески старался ублажить римский народ — самую верную свою опору. Этим и объясняется, что он устроил множество зрелищ за свое краткое правление, отдавая предпочтение боям гладиаторов, находившимся в его компетенции. Новым в его поведении было то, что он отринул сдержанность своих предшественников. Он открыто «болел» за того или иного участника состязаний: за «зеленых» во время гонок колесниц, за фракийцев в боях гладиаторов — и даже порой огрызался на публику, если у той были иные фавориты.

Клавдий, похоже, вел себя в духе Калигулы, целиком погружаясь в демагогический мир зрелищ. Однако он не дошел до того, чтобы самому выступать на арене, как некоторые из его преемников, начиная с Нерона, хотя, более не ограничиваясь, как Август и Тиберий, ролью просто зрителя, он некоторым образом выходил на первый план и играл более активную роль. Например, мы только что видели, как он распространял таблички, агитирующие за увеличение рождаемости. Кстати, он взял в привычку (и людям это нравилось) общаться с народом

письменно, а не через глашатаев. Своей любезностью, шутливым и веселым тоном и своеобразной манерой награждать победителей он повышал свою популярность.

Как и его племянник, Клавдий устраивал множество зрелищ. Если считать пропорционально годам его правления, то, вероятно, даже больше. Так, он оплатил дюжину состязаний колесниц помимо тех, что устраивали магистраты. Он даже добавил к ним забег верблюдов. Но оригинальность этих состязаний заключалась в интермедиях: между сериями по пять забегов Клавдий вставлял травлю хищников, которая имела большой успех. Римляне в самом деле стали весьма охочи до *venationes,* на которых им показывали свирепых экзотических зверей. Август велел привезти 420 пантер, Помпей прежде него — 410 пантер и 600 львов. Клавдий выставил три сотни хищников из семейства кошачьих и столько же медведей; на одной такой травле приговоренный к смерти уцелел, набросив свой плащ на голову льва, который на него нападал. Ослепленный, хищник сразу присмирел. Кроме того, публику развлекали фессалийские всадники, гоняющиеся за дикими быками, — что-то вроде современных пикадоров.

Клавдий также регулярно устраивал бои гладиаторов, которые очень любил (еще одна общая черта с Калигулой). Племянник предпочитал фракийцев и недолюбливал мурмиллонов, повелев уменьшить их вооружение. Дядя же отдавал предпочтение бестиариям, сражавшимся с дикими зверями. Светоний утверждает, что ему так нравилось смотреть, как воины умирают на арене, что он велел перерезать горло всем упавшим, в частности ретиариям[69], потому что те сражались без шлема и, когда они умирали, можно было видеть их лица. Из кровожадности он присутствовал на всех «полуденных боях». Так называли бои, устраиваемые в обед; их особенностью было то, что в них сражались приговоренные к смерти, которых заставляли убивать друг друга без всякой защиты. Здесь не было никакого искусства фехтования, никаких щитов и шлемов — ничего, способного отдалить конец. Кинжал, кожа. Быстро проступает кровь, смерть не за горами. Побежденный и победитель погибают. Для таких зрелищ тоже находилась публика, которой эта резня заменяла обед. По словам Светония, там бывал и Клавдий. Не в силах насытиться, он якобы заставил сражаться смотрителей машин, когда не сработал какой-то механизм. Он дошел до того, что швырнул на арену своего номенклатора[70] в тоге. Ни один автор не подтверждает слова Светония, который, похоже, пересказывает досужие сплетни. Даже Сенека в «Отыквлении божественного Клавдия» ни словом не упоминает об этом

нездоровом пристрастии. Странная забывчивость со стороны самого злобного преследователя Клавдия, который к тому же обличает в письмах Луцилию жестокость «полуденных боев» и тех, кто на них присутствует: «Всё прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! <…> “Но он занимался разбоем, убил человека”. — Кто убил, сам заслужил того же. Но ты, несчастный, за какую вину должен смотреть на это?»[71]

Правда это или ложь, уверения Светония все же представляют интерес, поскольку указывают на то, каким должно было быть в то время пристойное поведение императора во время сражений гладиаторов. Биограф упрекает Клавдия не в том, что он велел приканчивать побежденных, а в том, что получал от этого удовольствие и не скрывал его, то есть опускался до уровня плебса. Такое поведение было тем более неподобающим, что в I веке еще не вошло в обычай систематически убивать побежденных, как это будет к концу следующего века. В интересующую нас эпоху гладиатор умирал либо от удара, полученного в бою, либо потому, что зрители отказывали ему в пощаде, когда он сам объявлял себя побежденным. Но этот отказ был наказанием за то, что он плохо сражался. Вот чем объясняется негодование Сенеки, которому бои гладиаторов кажутся проявлением милосердия по сравнению с беспощадными полуденными зрелищами.

Нравственность была не в том, чтобы осуждать гладиаторство как таковое из гуманных побуждений. Осуждавших эти бои людей было так же мало, как сегодня — обличителей бокса. К тому же вопреки распространенным представлениям гладиаторы по большей части были добровольцами. То есть нравственность преследовала две другие цели. В политическом плане предостерегала против обаяния насилия, под которое подпадали зрители. Примерно так же в наши дни нравственность осуждает жестокие и порнографические фильмы и видеоигры. В личностном же плане учила не злоупотреблять подобными развлечениями. «Нет ничего гибельнее для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки», — говорит Сенека, прежде чем привести в пример полуденные бои. Заметим попутно, что ему плевать на участь осужденных: они получили по заслугам. Тревожит его нечто совершенно личное: ему нужно остерегаться того, чтобы через грязные зрелища не замарать свою душу. Иными словами, если такие представления опасны для философа и порядочного человека вроде него, насколько же они опаснее для вульгарной черни!

Под таким углом зрения становится понятнее тяжесть обвинений против Клавдия. В самом деле, он провинился дважды: уклонился и от своего политического долга, предписывающего государю не приобщать народ к насилию, и от нравственного, что было бы не так страшно, если бы он не был императором и не должен был подавать положительный пример.

* * *

Борьба с пожарами служит еще одним примером особых отношений, связывавших императора с его городом. Огонь регулярно опустошал целые кварталы. Надо сказать, что перенаселение вызывало спекулятивную лихорадку, приводившую к возведению высоких и непрочных домов на несколько семей. Эти постройки, называемые *insulae* (островами), время от времени обрушивались, но еще чаще гибли в огне, который со страшной скоростью распространялся на соседние кварталы. Вполне понятно, что император ни в коем случае не должен был предоставлять другим заботу об организации борьбы с этими катастрофами. В этой области он должен был оставаться единственным эвергетом, иначе у него возникли бы опасные конкуренты типа Эгнация Руфа, задавшего забот Августу. Этот человек стал крайне популярен, когда исполнял должность эдила, потому что создал из собственных рабов эффективную противопожарную службу. Несколько лет спустя, в 19 году до н. э., воспользовавшись своей популярностью и отсутствием Августа, находившегося на Востоке, он счел себя вправе претендовать на вакантную должность консула без одобрения императора. Действующий консул заявил, что даже если Эгнация Руфа изберут, он не провозгласит его консулом, и разразились кровавые беспорядки. Короче, император вернулся и всех успокоил, Руфа казнили. Но в следующий большой пожар Август воспользовался идеей своего конкурента и создал постоянный отряд из семи тысяч стражников.

Клавдий, конечно же, знал об этом деле. И помнил о еще одном заговорщике — префекте претория Сеяне, благодаря бдительности и трудам которого в пожаре 22 года сгорел один лишь театр Помпея. Это здорово повысило его популярность, а сенат воздвиг ему статую. «Бдительность и труды» не означают, что префект сам командовал пожарными, просто он при этом присутствовал, а главное — уплатил добровольцам из собственного кармана. Именно это и сделал Клавдий, когда пожар охватил Эмилиево предместье. Для начала он усилил

пожарную охрану преторианцами и собственными рабами. Поскольку пожар не утихал, он поселился в дирибитории — просторном здании, где проводились выборы и подсчет голосов. Две ночи подряд он созывал добровольцев со всего города и тут же награждал их, зачерпывая деньги горстью из корзин.

Отныне безопасность Рима, его снабжение и наиважнейшие постройки зависели только от принцепса. И так будет, пока Рим останется городом императора. Когда он утратит этот статус в эпоху Византийской империи, настанет конец и эксклюзивности императорского эвергетизма.

В 49 году, как мы видели, Клавдий передвинул померий — священную границу Рима. Ему дало на это право расширение Империи благодаря завоеванию Британии. Более странно выглядят столетние игры, которые он даровал Городу двумя годами ранее. Сначала поясним в двух словах. Древние верили в чередование космических циклов, которые римляне применяли к собственной истории, деля ее на «века». Это представление о мире и времени в духе пифагорейцев смешивалось у них с учением этрусков, которые различали временные этапы, именуемые «столетиями». Тогда это был не устойчивый период в 100 лет, как сегодня, а цикл, завершавшийся со смертью последнего человека, родившегося в его начале. И примерно каждые 110 лет божественные знамения, которые еще надо было уметь истолковать, указывали на наступление нового столетия.

Однако текущее столетие началось в 17 году до н. э., в правление Августа, то есть всего за 64 года до того, как Клавдий собрался праздновать новое. К чему такая спешка, если он сам написал в одном из своих исторических трудов, что Август «после долгого перерыва восстановил точный срок, тщательно расчислив все протекшие годы»? Кстати, идея справлять праздник раньше времени вызвала насмешки при прохождении глашатая, созывавшего всех, по обычаю, на игры, «которых никто не видел и не увидит».

Причины, которыми руководствовался Клавдий, разумеется, были политическими, как в свое время и у Августа. Первый император использовал древнюю религиозную церемонию, чтобы отметить наступление новой эры, пришедшей с его царствованием. Он положил конец гражданской войне и анархии, с него начинался новый золотой век, возвещенный за несколько лет до этого Вергилием в «Энеиде». Иначе говоря, августовская пропаганда очень удачно соединила зарождение принципата с началом космического цикла в духе греческой философии и «столетия» этрусков и римлян. Знамений было предостаточно: в

17 году до н. э. пролетела комета — та самая, которая уже показалась в небе в 43 году до н. э. и в которой увидели доказательство апофеоза Юлия Цезаря, — в 20 году до н. э. родился Гай, внук принцепса, а парфяне вернули «орлов» Красса.

У нас мало сведений о том, как Клавдий обосновал с юридической и религиозной точек зрения свое новое столетие. Завоевание Британии наверняка было представлено как знамение, но глава «Анналов», в которой Тацит производит подсчет лет, увы, утрачена. Но столетние игры выглядят новым проявлением потребности в легитимации, ощущаемой Клавдием, наряду с многочисленными императорскими приветствиями и переносом померия. Не будем забывать, что правящее сословие по-прежнему считало его путчистом, а его положение в родословной Юлиев-Клавдиев было не блестящим. Но в 47 голу обстоятельства складывались удачно: усмирение Британии завершалось, отношения с сенатом налаживались. Клавдий достиг пятидесяти семи лет — преклонный возраст по тем временам, однако чувствовал себя хорошо и имел наследника в лице своего сына Британника. Тому было еще только пять лет, но если его отец проживет довольно, чтобы упрочить его позиции, он облачится в пурпур. Новое столетие можно будет представить как век рода Клавдиев. Такова, возможно, была политическая составляющая столетних игр 47 года.

Все эти усилия принесли Клавдию прочную популярность среди римского плебса, причем с самого начала его правления. Вскоре после его отъезда в Остию одно мероприятие чуть не обернулось бунтом, поскольку прошел слух, что Клавдия убили. Раздались выкрики против сенаторов и преторианцев, которых называли предателями и отцеубийцами. Умерщвление Калигулы еще не стерлось из памяти — знали, кого обвинять. Магистратам с величайшим трудом удалось успокоить толпу, и то лишь с помощью нескольких свидетелей, поднявшихся на ростру, чтобы подтвердить, что император жив и скоро вернется.

Любили ли его так же во всей Италии? По мере удаления от Рима проблема популярности императора теряла свою остроту или, вернее, не вставала так же остро. В Риме принцепсу любовь плебса была необходима, иначе ему пришлось бы уехать, как Тиберию. Нельзя же, в самом деле, остерегаться и сената, и римского народа. Опасность не столько в народном восстании: народ в любом случае предпочтет императора, каким бы он ни был, сенаторской олигархии, и его можно понять. Зато дурное отношение со стороны плебса поощряет и упрощает заговоры. Среди сенаторов, разумеется, которые и так плетут их регулярно.

Но также — и главным образом — в семье самого императора. Ибо всегда найдется один или несколько отпрысков хорошего рождения, на которых толпа перенесет свою любовь, более не испытываемую к своему господину. Императору бывает не сладить с такой «горячей народной преданностью». Тиберий спасся, забаррикадировавшись на Капри, откуда он руководил устранением Агриппины и ее старших сыновей, слишком уж популярных и торопившихся занять его место. Так бывают «недолговечны и несчастливы любимцы римского народа», — резюмирует Тацит.

Как видим, сосуществование императора и населения в столице требовало неусыпных забот. Вот почему Клавдий и другие столько времени тратили на безделицы типа игр, вот почему с таким неумеренным вниманием относились к городу, составлявшему лишь малую толику населения Империи.

Вне Рима за популярностью можно было не гоняться. Император просил только лояльности и соблюдения форм, необходимых для сохранения государства. Клавдий обиделся на жителей Остии, не выславших лодок, чтобы встретить его у входа в Тибр. Он укорял их за то, что они «разжаловали его в солдаты» — военное выражение, которое на латыни в переносном смысле означает «обращаться с презрением». Возможно, между этим городом и императором возник конфликт из-за строительства гавани, которым и объясняется такое невнимание, почти протест. Во всяком случае, Клавдий из-за этого страшно разгневался, что было ему свойственно, и Остии, то есть ее сенату, устроили головомойку. Тотчас последовало прощение, но эта история многое говорит о чувствительности императоров к своего рода этикету, который должны были соблюдать местные жители и местные власти в отношении их особы.

XIV. Судья и законодатель

Широкая публика обычно воспринимает римского императора как воина. Представляет его себе героем в доспехах, прекрасно сложенным, как на античных статуях или в голливудских фильмах. Воином император, конечно, был, но в равной мере являлся также судьей и законодателем, которого скульпторы изображали в тоге и со свитком в руке.

Клавдий, кстати, проводил гораздо меньше времени во главе армии, чем на форуме и в курии, поэтому отправимся с ним туда, чтобы составить себе полное представление о его правлении. Для начала посмотрим, как он справлялся со своими судебными обязанностями, о которых древние авторы говорят больше всего, — впрочем, зачастую чтобы его поддеть. Первое, что привлекает внимание, — его интерес к ремеслу судьи. Когда он правил суд, то заседал с утра до вечера, не отвлекаясь ни на что — ни на помолвку своей дочери Октавии, ни на народный праздник, ни даже на то обстоятельство, что это «заповедный» день, то есть работать вообще-то нельзя. Столь напряженная деятельность позволяет предположить, что императорское правосудие при Клавдии приобрело размах.

Чтобы лучше понять, о чем речь, нужно прежде всего отделить уголовные дела от гражданских. До сих пор императоры ограничивались надзором за судами по уголовным делам, то есть сенатом и постоянными следственными палатами *(quaestiones perpetuae)*. Август и Тиберий редко судили уголовных преступников этим занимались палаты, с тем лишь уточнением, что в большинстве случаев судили рабов и плебеев, дела которых уже разбирались высшими магистратами, трибунами или городским префектом. А когда дело было политическим, принцепсы предоставляли заниматься им сенату, который умел вынести желаемый приговор. Это не мешало им при случае присутствовать при прениях и принимать в них участие, если дело крайней важности. Так, Тиберий категорически отказался судить Пизона, обвиненного в убийстве Германика, но присутствовал на судебном разбирательстве в сенате. В провинциях губернатор обладал всей полнотой юрисдикции, но римские граждане могли апеллировать к императору.

При Клавдии эволюция выразилась в непосредственном вмешательстве императора в политические дела — те, где речь шла об оскорблении величия. Вспомним, что Азиатика судили *intra cubiculum,* то есть в личных покоях императора. Мы видели, что Мессалину и ее любовника Силия казнили по решению

Клавдия. Именно эти судилища вызывают больше всего критики со стороны древних авторов, поскольку обвиняемые не имели возможности защищаться. Например, Сенека в «Отыквлении божественного Клавдия» заставляет хор петь: «Оплачьте того, кому равного быть / На суде не могло / В разбирательстве дел: / Слушал сторону он / Всегда лишь одну, / А порой — ни одной»[72]. Действительно, если Азиатик хотя бы предстал перед императорским советом, в который входили два сенатора, с прочими разобрались еще быстрее. Напомним, что Аппия Силана официально казнили из-за сна Мессалины и Нарцисса, а по какой процедуре Клавдий решил судьбу Гнея Помпея и его родственников, по-настоящему неизвестно.

При этом какими бы шокирующими ни кажутся упомянутые случаи, надо признать, что обращение в сенат не изменило бы приговор: Азиатик, Силан, Мессалина, Силий были обречены на смерть еще до суда, каким бы ни был его состав. Сообщников Скрибониана судили в сенате под председательством консулов, как и обеих Юлий и Сенеку. И никто не уцелел, кроме Сенеки, которому Клавдий облегчил наказание, потому что тот играл не самую важную роль. На самом деле такие убийства по суду, как мы уже отмечали, — в самой природе принципата. Не важно, в каких стенах творится суд. Важнее подчеркнуть, что в вынесение решений сенаторами вмешивались императорские вольноотпущенники. Кстати, Нарцисс получил за это отповедь от одного из обвиняемых, тоже вольноотпущенника.

Однако при Клавдии количество таких процессов сильно сократилось. Это может показаться странным, но нужно рассматривать события в историческом контексте. Сначала вышел закон об оскорблении величия римского народа, разработанный в 104 году до н. э. народными трибунами, чтобы преодолеть сопротивление сената по поводу раздачи земель. Затем преступление, состоящее в оскорблении величия *(crimen laesae maiestatis),* получило новое определение от Суллы в 80 году до н. э. и теперь обозначало всякое покушение на действия правительства. Еще позже, в 12 году до н. э., Август пересмотрел это понятие в «Законе Юлия об оскорблении величия»: на сей раз преступлением считались мятеж, дезертирство, злоупотребление властью, препятствование магистратам в исполнении ими своих обязанностей и посягательство на их честь злонамеренными словами. Разумеется, вследствие монархической природы принципата величие римского народа очень скоро перешло на личность императора.

Само по себе это развитие было нормальным, но уже в следующее царствование оно привело к эксцессам, которые

далеко не все могут быть поставлены в вину Тиберию. Например, достаточно было справить нужду, имея при себе перстень или монету с изображением покойного Августа, или переодеться перед одной из его статуй, чтобы оказаться преступником. На самом деле оскорбление величия перестало быть всего лишь удобным оружием против людей, представлявших опасность для императора. Правящий класс присвоил его себе, чтобы направить против своих же членов. Как было дело? Прежде всего, следует знать, что римское право практически не разграничивало гражданскую процедуру с уголовной, а прокуратуры тогда не было вообще. В наши дни уголовное преследование возбуждает прокуратура — либо по собственной инициативе, либо на основании заявления, предварительно убедившись в его обоснованности. Наоборот, в Риме обвинение было делом частных лиц. Любой, кто считал себя жертвой уголовного преступления, начинал процесс, в котором выступал одновременно как потерпевший и как прокурор. Любой, не будучи жертвой чего бы то ни было, мог обвинить и преследовать по суду человека, которого считал виновным в нанесении вреда обществу, — в точности как современный прокурор. Чтобы побудить граждан выполнять эту задачу, закон отдавал обвинителю четверть имущества обвиняемого, если суд признает того виновным.

Разъяснив этот момент, вернемся к римскому политическому классу и его нравам — гораздо дальше, чем себе представляют, ушедшим от *fides* и *gravitas* (верности и достоинства), которые этот класс сделал своим девизом. Во все времена знать использовала суд для сведения личных счетов и удовлетворения своих амбиций. При Республике суд был местом поединка, где вершилась месть между родами, и ямой, в которую молодой честолюбец хотел столкнуть старшего, метя на его место. Цицерон приводит в пример Мария, обвинившего своего начальника Метелла в затягивании войны с Югуртой. Этим «ложным обвинением» (которое, впрочем, было не таким уж и ложным) Марий «изменил своему честному слову и справедливости» и «навлек ненависть на лучшего и достойнейшего гражданина». Так вот, обвинение в оскорблении величия открывало еще более широкое поле деятельности для утоления ненависти и амбиций. Техника заключалась в том, чтобы проследить за человеком, собрать доказательства его враждебности к императору, а потом обвинить его. Всё годилось: сказанное за столом, шутки, отбитая голова у статуи Августа, чтобы приладить на ее место голову Тиберия, изображение принцепса, перелитое в обычную серебряную посуду, и т. д. Как

говорит Сенека, страсть к обвинению перешла в исступление и обуяла всех поголовно; страшнее, чем все гражданские войны, она выкашивала людей в Риме в мирное время. Ловили слова пьяницы, невинные шутки. Любой предлог был хорош, чтобы проявить жестокость, а судьба обвиняемых никого не интересовала, поскольку была известна.

В случае успеха обвинителю доставалась четверть имущества осужденного, возможность получить от благодарного императора высшую магистратуру или высокий административный пост и, конечно же — физическое устранение вероятного соперника. Доносчики не щадили и людей, лишенных амбиций и способностей, с единственной целью обогатиться и выставить себя в выгодном свете. Тацит приводит прекрасный тому пример. Среди друзей сенатора Фирмия Ката был некий Либон — простодушный человек, главным достоинством которого было происхождение от Великого Помпея. Кат подталкивал его к совершению всякого рода глупостей, в том числе к занятиям колдовством, что очень не нравилось властям. Когда «дело» получилось уже достаточно пухлым, Либон предстал перед сенаторским судом и покончил с собой еще до вынесения приговора. Кату, однако, пришлось поделиться добычей с двумя другими доносчиками, которым удалось примазаться к этому доходному делу. Предав друга, этот интересный тип переключился на свою сестру, выдвинув против нее ложное обвинение. Но на сей раз он промахнулся, и его исключили из сената.

Потому что, разумеется, когда обвиняемый не был «заказан» принцепсом, желавшим устранить врага, дело заключало в себе определенный риск. Обвинитель мог превратиться в обвиняемого и умереть. Кстати, эта судебная лихорадка многим стоила жизни, тем более что Тиберий, в первой половине своего правления довольно часто вмешивавшийся, чтобы прекратить неправые судилища, в конце концов махнул на все рукой. Питая отвращение к аристократии и, верно, думая, что та заслуживает судьбы, которую сама себе уготовила, старый император не мешал ей истреблять саму себя. Свои потайные мысли он изложил письменно в конце жизни, во время очередного судебного процесса над сенатором, затеянного ему подобными по случаю злонамеренных слов, якобы произнесенных им о принцепсе: «Что вам писать, почтеннейшие отцы сенаторы, или как писать, или о чем в настоящее время совсем не писать? Если я это знаю, пусть боги и богини нашлют на меня еще более тягостные страдания, нежели те, которые я всякий день ощущаю и которые влекут меня к гибели». И завершал письмо словами о

том, что извращенные застольные речи не должны привести к смерти невинного.

Этот взгляд в прошлое был необходим, чтобы понять, почему и каким образом правящий класс, в особенности высокопоставленные сенаторы, занимался доносительством. Оно превратилось в способ повышения по службе, и первейшие сенаторы часто к нему прибегали, потому что именно так достигли высот и там удерживались. Поэтому мы рады узнать, что Клавдий положил конец обвинениям в оскорблении величия. Речь не об отмене закона в строгом смысле слова, а, скорее, о прекращении его неправого применения. По крайней мере, именно это следует из несколько путаных объяснений Диона Кассия, из которых достаточно процитировать вывод: «Он очень тщательно расследовал все случаи, чтобы те, кто совершил преступление, не были бы освобождены вместе с другими, кто был обвинен ложно, ни чтобы последние, с другой стороны, не погибли вместе с первыми». Иначе говоря, Клавдий по меньшей мере обуздал судебную тиранию, не принимая к рассмотрению коварные обвинения. Если бы она продолжала свирепствовать, как раньше, то Тацит, посвящавший этой теме целые главы в «Анналах», относящиеся к царствованию Тиберия, непременно упомянул бы о ней в главах о Клавдии. И не вызывает сомнений, что Сенека намекнул бы на это в своем памфлете.

В область гражданского права предшественники Клавдия, не желая подменять собой традиционных магистратов, облеченных этой юрисдикцией, вмешивались нечасто, и только в новых делах. При Клавдии императорское *cognitio,* то есть судебная компетенция принцепса, расширилось. Де-юре этому ничто не мешало: принцепс был высшим магистратом, а потому мог разбирать дела всякого рода. Тем не менее некоторые древние авторы укоряли его за это. Ничего удивительного: развитие императорских учреждений, будь то *congnitio,* прокурателы или канцелярии, о которых мы уже говорили, не нравилось писателям из сенаторского сословия. Конечно, они не оспаривали напрямую интерес Клавдия к правосудию, но пользовались случаем, чтобы выставить его легкомысленным, бестактным, а то и несправедливым. Порой это доходило до абсурда: однажды возник спор о том, должен ли ответчик выступать в тоге или в плаще, и Клавдий приказал ему менять одежду в зависимости от того, кто говорит: обвинитель или защитник. Это сильно смахивает на выдумку, как и история, которую Светоний начинает со слова «говорят»: якобы Клавдий написал вместо приговора: «Я поддерживаю тех, кто говорил правду!»

И все-таки эти острые стрелы зачастую метят в привлекательный образ, даже складывается впечатление, что Светоний предлагает нам читать между строк. Вот, например: «Сутяги так злоупотребляли его терпением, что когда он хотел сойти с судейского кресла, они не только призывали его вернуться, но и удерживали его, хватая за край тоги, а то и за ноги».

Здесь мы видим не дурака, а человека, внимательного к другим, лично занимающегося делами и даже вынужденного терпеть приставания невеж. Как укорять его за смягчение строгих законов, чтобы справедливость возобладала над целеустремленностью? Истцам, которые были правы, но требовали слишком много, а потому проиграли дело, Клавдий разрешил обратиться в суд повторно. Но Светоний тотчас исправляет благоприятное впечатление, оставленное этой информацией, добавляя, что принцепс мог и ужесточить вынесенный приговор. Это возможно. Клавдий, как и все, не был лишен недостатков, и предвзятость историографов — не повод отбрасывать все их критические замечания. Суд по справедливости, а не по закону чреват большими ошибками, если фактов для принятия решения недостаточно. Вот почему, кстати, прислушиваться на суде к голосу сердца запрещено в принципе.

Клавдий, похоже, вообще вольно обходился с судебной процедурой, разрешая, например, выслушивать в качестве свидетелей проституток, что было запрещено. Кстати, подсудимый, придя в ярость от того, что суд выслушивает показания этих дамочек, якобы швырнул в лицо императору грифель и дощечку. В Риме судебные процессы были настоящими спектаклями, часто под открытым небом, и подсудимые, адвокаты, судьи охотно осыпали друг друга бранью к вящему удовольствию публики. Однако мы сильно сомневаемся в правдивости этой истории, тем более что в ней не говорится, каким было наказание за этот поступок, ведь Клавдию сильно оцарапало щеку. Зато вполне возможно, что вспыльчивый подсудимый метил в неугодных свидетелей…

В предыдущей главе мы намекали на утрату влияния юрисконсультов, испытывавших конкуренцию со стороны императорских вольноотпущенников. Возможно, это стало новым проявлением гибкости Клавдия в отношении права. Его юридическая концепция, во всяком случае, стояла ближе к позиции адвокатов, толкующих закон исходя из фактов, а не к юрисконсультам, приверженным букве. Отсюда эта сцена, показанная Сенекой в «Отыквлении божественного Клавдия»: юрисконсульты наконец-то вышли из тени после смерти

принцепса, а адвокаты оплакивают его кончину.

Как законодатель Клавдий вел себя не менее активно, чем судья. Мы уже упоминали о некоторых его крупных реформах: предоставление права галлам из «Косматой Галлии» заседать в сенате, увеличение судебных полномочий прокураторов, права для судовладельцев, идущих на риск ради снабжения Рима, и т. д. Подробное исследование Клавдиевых законов заняло бы много страниц и вышло бы за рамки данной книги. Извлечем из них самые характерные.

Первая серия законов касается управления системой правосудия. Клавдий тратил на заседания столько времени, что это наверняка навело его на кое-какие умные мысли об улучшении процедуры. Традиционно суды не заседали весной и осенью, что увеличивало сроки разбирательств. Клавдий сократил эти длинные судебные каникулы до одной только зимы, обязав при этом судей продолжить на отдыхе изучение начатых дел. (Об этом нам известно из папируса с отрывками из двух речей Клавдия в сенате.) Другой причиной проволочек были, как и сегодня, ухищрения обеих сторон по затягиванию процесса. Одно из них заключалось в том, что истец подавал жалобу, а в суд не являлся. В одной из речей Клавдия, записанной на папирусе, говорится, что император потребовал от магистратов выносить приговор против обвинителя, отсутствующего без уважительной причины. Кстати, по словам Светония, император и сам так поступал, когда вершил суд. Но, разумеется, поскольку Клавдий не может поступать правильно, историограф тотчас уточняет, что этот лоботряс и не пытался узнать причину отсутствия…

Еще одно положение, относящееся к функционированию системы правосудия, — установление верхнего предела для вознаграждения адвокатов. Злоупотребления явно зашкаливали — с легкой руки некоторых стряпчих, например Суллия, который выступал в роли обвинителя на нескольких громких судебных процессах, в том числе над Азиатиком. Именно Суллий и вызвал скандал, после которого произошли эти перемены. Он был то обвинителем, то защитником; взял 400 тысяч сестерциев с одного всадника за его защиту, а потом выяснилось, что он в сговоре с противной стороной. Начались протесты, и в итоге консул внес законопроект. Оказалось, что по старому закону 204 года до н. э. (*lex Cincia)* адвокатам запрещалось принимать деньги в дар. Несмотря на свое усиление в 17 году до н. э., этот закон больше не применялся, потому что не подходил под сложившиеся обстоятельства. Изначально некоторые из ораторов, происходивших из знатных аристократических или всаднических

родов, могли выступать безвозмездно, и таких оказывалось достаточно. Важных дел было мало, а слава, которую они могли снискать своими речами, гораздо больше способствовала их карьере, чем вознаграждение. Но с увеличением числа дел должность адвоката превратилась в ремесло, которым жили люди из народа. Однако именно этот устаревший закон сенат и консул хотели возродить, обрекая нарушавших его на наказание, предусмотренное за взяточничество.

Такой важный вопрос нельзя было решить без принцепса. Клавдий выслушал оба мнения. Сторонники закона Цинция напоминали о бескорыстии великих адвокатов прошлого и настаивали на том, что если за ораторский дар платить, судебные процессы будут множиться. Противники утверждали, что только богатые могут работать бесплатно, потому что «кто берет на себя чужие дела, тот уделяет меньше заботы своим». Кроме того, богатых не хватит для защиты интересов тяжущихся, отныне этим занимаются люди небогатые, но одаренные: «Пусть принцепс подумает и о плебеях, чтобы и они могли отличиться на этом поприще: если не вознаграждать тех, кто проявляет усердие, от их усердия ничего не останется». Для решения вопроса надо было выбрать золотую середину, что Клавдий и сделал, определив «потолок» вознаграждения в 10 тысяч сестерциев, который останется неизменным весь период ранней Римской империи.

Вторая серия реформ касается частного права. В них речь идет о многих вещах, из которых самыми интересными представляются две: правоспособность женщин и права рабов. Для начала развенчаем кое-какие мифы. В интересующую нас эпоху римлянка уже давно не была недееспособной и полностью зависящей от своего супруга, какой ее принято изображать. Хотя брак *cum manu,* предоставлявший все полномочия мужу в гражданских делах, еще существовал официально, но практически уже отошел в прошлое, уступив место браку *sine manu.* При этом, куда более благоприятном, режиме супруга юридически по-прежнему принадлежала к своей родной семье, а потому муж был над ней не властен. Если конкретно, то она сохраняла за собой свое имущество, за исключением приданого, и распоряжалась им. И то еще супруг мог только управлять имуществом, полученным в приданое; в случае развода он должен был возвратить его или отвечать по суду. Зато женщина, вышедшая замуж *sine manu,* освободившись от опеки супруга, оставалась под властью законного опекуна, выбранного среди ее родственников по мужской линии. Но на деле такая родственная опека была чисто формальной уже в I веке до н. э. Если опекун вздумает отнестись к своей роли серьезно, женщина без труда

добивалась, чтобы его заменили другим. Таким образом, эволюция нравов свела родственную опеку к фикции. Клавдий попросту отменил ее законом, получившим название *lex Claudia.* Отныне только отец, предоставивший дочери юридическую дееспособность, оставался ее опекуном, чтобы она не составила завещание в пользу кого-либо другого[73]. При этом надо уточнить, что еще со времен Августа матери троих детей избавлялись от всякой опеки.

Еще один большой шаг вперед: Клавдий позволил матери наследовать своим детям, умершим, не оставив завещания. В случае отсутствия завещания и тогда, и сегодня порядок наследования определялся законом. До Клавдия мать не всегда наследовала своим детям[74]. Клавдий принял важное решение, сделав ее законной наследницей своих детей (хотя нам и неизвестно, наследницей какой очереди). Любопытно, что он обосновал свое решение необходимостью утешить мать, потерявшую дорогих людей, тогда как истинный мотив заключался в желании покончить с несправедливостью. Возможно, император хотел замаскировать революционный характер своей реформы. Как бы то ни было, она была упрочена 60 лет спустя: женщину возведут в ранг родственников по мужской линии, поставив наравне с сестрами покойного. Однако для этого она должна была иметь троих детей (или четверых в случае вольноотпущенницы), так что этот закон вводит больше ограничений, чем реформа Клавдия.

Юридическое освобождение женщины внушало опасения по поводу того, как она распорядится своим имуществом. Когда Август отменил опеку над матерями троих детей, он заодно запретил им выступать поручителями своих мужей. Клавдий логичным образом распространил это положение на супруг, которых вывел из-под опеки родственников-мужчин. Идея каждый раз заключалась в том, чтобы вывести жену из-под влияния мужа. Но сенатусконсульт Веллея, принятый в правление Клавдия или Нерона, запретил это всем женщинам вообще — замужним и незамужним. Отныне они не могли выступать поручителями долга, кому бы он ни принадлежал. Законодатель, не доверяя юридическим способностям дам и, вероятно, считая их более подверженными влиянию, чем это было на самом деле, хотел защитить их от нечистоплотных должников. По крайней мере он хотел как лучше…

Клавдий также интересовался судьбой рабов. И тут тоже следует разрушить кое-какие стереотипы. Рабство вовсе не было наихудшим из возможных состояний для человека. Не вдаваясь в подробности, скажем, что рабы были разные. Чем быть жалким

свободнорожденным, представителем того, что Тацит называл *plebs sordida* (грязной чернью), вынужденным заниматься поденной работой ради пропитания, лучше быть образованным рабом, воспитателем детей своего хозяина; доверенным рабом, управляющим поместьем, или императорским рабом, руководящим административной службой. По меньшей мере такие люди ели вдоволь и могли надеяться на освобождение с «выходным пособием», на которое можно было неплохо устроиться. Некоторые, кстати, преуспевали в жизни и порой сколачивали колоссальное состояние. Вольноотпущенник зачастую предпочитал остаться в услужении у своего хозяина и по-прежнему выполнять привычную работу: что плохого в стабильном трудоустройстве… Свободнорожденные охотно сделались бы рабами богатого человека, чтобы обеспечить себя и свою семью. Конечно, в жизни множества рабов не было ничего завидного, особенно в сельской местности. Но нельзя забывать, что «качество жизни» зависело не только от социального статуса свободного человека. Свободы без хлеба не существует — ни сегодня, ни вчера.

Вот только раб, юридически уподобляемый вещи, мог быть убит или брошен своим хозяином, если становился для него бесполезен. В самом Риме больных или не способных к труду рабов «выставляли» (*expositio*) на острове Эскулапа (ныне остров Тиберина). Смысл *expositio* заключался в том, что человека, ранее полностью находившегося в чьей-то власти, покидали в общественном месте, чтобы при желании его мог кто-нибудь подобрать. Не признанные отцами новорожденные подвергались той же участи. Клавдий издал эдикт, в котором заявил о своем решении: любой выставленный таким образом раб обретает свободу и в случае выздоровления уже не считается собственностью бывшего хозяина. С другой стороны, если владелец вздумает убить больного раба, его будут судить за убийство. Это второе положение, наверное, самое важное: впервые умерщвление раба хозяином расценивалось как преступление. И в этот раз реформа, проведенная нашим императором, прекрасно вписывалась в эволюцию нравов. На протяжении почти целого столетия положение рабов улучшалось — если не де-юре, то де-факто — под влиянием философии, считавшей филантропию первым долгом человека. Сенека красноречиво говорит об этом в 47-м письме Луцилию, полностью посвященном отношениям между хозяином и рабом. Свою мысль он выражает такой фразой: «Обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обходились стоящие выше». Благодаря Клавдию началась наконец и эволюция права. Она уже не

остановится: Нерон позволит рабу подавать жалобу на несправедливость со стороны хозяина, Адриан отнимет у хозяина право убить своего раба, а Антонин Благочестивый разрешит уголовное преследование за убийство.

Разумеется, у эволюции нравов в отношении женщин и рабов были свои границы. При всей широте взглядов на сексуальность половая связь свободной женщины с чужим рабом вызывала негодование. Именно с чужим, поскольку своих рабов госпожа, как и господин, могла использовать как пожелает. Кстати, удовлетворять господина, госпожу или обоих сразу входило в обычные обязанности прислуги. В «Сатириконе» Петрония богатейший вольноотпущенник Трималхион рассказывает, что во времена рабства 14 лет был «женщиной» своего хозяина. А что, обычное дело: «Ничего тут постыдного нет — хозяйский приказ». Одновременно он был еще и любовником хозяйки: «И хозяйку ублаготворял тоже. Понимаете, что я хочу сказать». Наказание в данном случае было чисто домашним, если только хозяин не обижался на шашни своей жены со своим эфебом: «Помереть мне на этом месте, если я в свое время не игрывал с хозяйкой, да так, что “сам” заподозрил и отправил меня в деревню».

И если домашние заигрывания оставались без последствий, то совсем другое дело, когда свободная женщина приставала к рабу соседа. Социальные отношения, воспринимаемые здесь как соотношение сил, менялись на противоположные: теперь уже не хозяйка приказывала рабу, а раб повелевал свободной женщиной, вместо того чтобы служить своему хозяину. Клавдий отреагировал на подобное безобразие постановлением сената от 52 года: женщина, повинная в такой связи, сама становилась рабой. На первый взгляд эта мера кажется слишком строгой. Но если приглядеться, то заметно: законодатель грозит пальцем, но не более того. Чтобы женщина утратила свободу, владелец раба должен был трижды воспротивиться этой связи, а магистрат — издать после этого декрет, отдающий провинившуюся владельцу. Понятно, что такое случалось крайне редко, а может и никогда. Кроме того, владельцу, который действительно хотел оборвать роман, вовсе не требовалось обращаться в суд: достаточно было поколотить раба или услать его в деревню, как поступил хозяин с Трималхионом.

На самом деле этот закон, на наш взгляд, относится к арсеналу мер, направленных на сохранение семьи, против роскоши, против восточных культов, против любви представителей высшего сословия к актерам и возничим… Такие законы принимали регулярно и во множестве, но применяли редко, а то и никогда. На самом деле это были заклинания в

форме принуждения, произносимые с единственной целью: напомнить о *mos majorum* — старых принципах, традиционно составлявших нравственную основу римского общества. Но теперь правящее сословие им более не следовало и, вопреки тому, что можно было бы подумать, мучилось от этого угрызениями совести. Поэтому издавало законы против собственных упущений, но не питая никаких иллюзий. Просто для успокоения совести и чтобы напомнить себе, что оно, правящее сословие, обязано сохранять традиции и нравственность.

Данный сенатусконсульт — прекрасный тому пример. Староримскую мораль шокировали женщины, особенно из приличного общества, появляющиеся на людях рядом с рабами. Постановление сената целило в дам из высших сословий, хотя в нем об этом и не говорится, потому что, разумеется, только они привлекали к себе внимание и имели значение; полагаем, что поведение плебеек, даже свободных, мало интересовало законодателя. А вот матроны как раз распустились и уже давно без зазрения совести распутничали с людьми низкого происхождения. Август в свое время отреагировал на эти вольности, создававшие неприглядный образ аристократии: приговорил к смерти одного из своих любимых вольноотпущенников за многочисленные прелюбодейства со знатными дамами; в другой раз велел высечь кнутом знаменитого актера, потому что на одной из вечеринок ему прислуживала аристократка, причесанная под мальчика… Но всё напрасно. Даже пример императора, убившего своего вольноотпущенника за сексуальную распущенность, не побуждал отцов семейств хотя бы препятствовать тому, чтобы их рабы навещали матрон. Отсюда причина, по которой другой император притворился суровым: предоставил право тем же отцам семейств подавать в суд на распутную жену. Но он знал, что они этого делать не станут, потому что жены им совершенно безразличны. Да он и не хотел, чтобы они это делали, а потому обставил судебную процедуру отпугивающими условиями. Дело сделано, *mos majorum* сохранены: в Риме свободная женщина не может спать с чужим рабом, иначе сама попадет в рабство.

В завершение этого буйного законотворчества приведем документы о праве наследования вольноотпущенников. Здесь тоже полезно вернуться чуть-чуть назад, чтобы поместить закон Клавдия в исторический контекст. До последнего века Республики вольноотпущенник римского гражданина, сам ставший римским гражданином, был волен передавать свое имущество кому захочет. Хозяин не имел никакого законного права ни на какую часть наследства своего *libertus*. Только в

исключительном случае — если вольноотпущенник умирал, не оставив ни завещания, ни наследника, — ему наследовал бывший хозяин. То есть наследственное право было в пользу вольноотпущенника, пока увеличение количества «вольных» и их возрастающее богатство не побудили законодателя ужесточить закон. В самом деле, возмутительно, что хозяин не может воспользоваться порой огромным состоянием своих вольноотпущенников, хотя сам более или менее поспособствовал его возникновению, выплатив выходное пособие. Вот почему к концу II века до н. э. закон предоставил хозяину половину имущества при отсутствии у *libertus* прямых кровных потомков. Затем Август упрочил права хозяина на имущество самых богатых вольноотпущенников: если *libertus* оставлял после себя не менее 100 тысяч сестерциев, его хозяин наследовал половину или греть — в зависимости оттого, приходилось ли ему делиться с одним или двумя детьми. Однако если у вольноотпущенника было трое детей, его хозяин не получал ничего — это правило диктовала демографическая политика.

Август главным образом пытался повлиять на пагубное последствие массовых освобождений рабов — автоматическое получение римского гражданства вольноотпущенниками, чьи хозяева были римскими гражданами. Тогда, как и теперь, было нежелательно предоставлять гражданство плохо интегрировавшимся в общество людям. Император принял меры для предотвращения массового освобождения. Во-первых, хозяева могли отпускать на волю только рабов в возрасте от восемнадцати до тридцати лет. Во-вторых, поскольку богатые часто освобождали своих людей через завещание, было установлено соотношение между общим количеством рабов, принадлежащих одному человеку, и отпускаемыми на волю: последних не должно было быть больше ста. Ничего не вышло: рабов продолжали отпускать на волю незаконно, и поделать с этим ничего было нельзя. Август принял это к сведению. Официально он не отменил два первых закона, но создал новую социальную категорию, стоящую ниже римских граждан, в которую попадали все, отпущенные на волю противозаконно.

Их называли *Latini Iuniani* — «колонисты Юния»: по Юниеву закону они получали гражданские права, как у жителей римских колоний, но не как у римских граждан, а римское гражданство предоставлялось им при выполнении определенных условий. Закон не позволял им ни завещать свое имущество, ни оставлять его для распределения без завещания — оно переходило к хозяину, отсюда формулировка: «Колонист Юния живет свободным, но умирает рабом». Кстати, хозяин получал

имущество такого человека не по наследственному праву *(jure successions),* а по праву на пособие *(jure peculii),* словно имущество покойного состояло только из выходного пособия, выданного ему хозяином, который оставался владельцем этого имущества. Последнее уточнение: всё в тех же демографических целях Юниев закон не применялся к родителям троих детей.

Таково было положение с наследованием имущества вольноотпущенников к моменту прихода к власти Клавдия. Он лишь уточнил права хозяев на имущество вольноотпущенников. Ларгианский сенатусконсульт (названный так, вероятно, по имени Цецины Ларга, бывшего консулом в 42 году) пересматривал очередность наследников, имевших право на имущество колонистов Юния. До сих пор хозяин мог передать его кому угодно по завещанию. Отныне его дети становились наследниками первой очереди, что бы ни значилось в завещании. Другой сенатусконсульт — Осторианский (вероятно, по имени Осторий Скапулы) — позволил хозяину выбирать одного или нескольких из своих детей, которые получат имущество его вольноотпущенников. Этот закон применялся ко всем *liberty,* гражданам, колонистам Юния или дедитициям (самой низшей категории вольноотпущенников). Намерения законодателя ясно видны, хотя и не выражены в дошедших до нас документах: упрочить права близких родственников хозяина на имущество покойного вольноотпущенника, потому что источником благосостояния бывших рабов была семья их владельца.

Наконец, Клавдий принял меры против неблагодарных вольноотпущенников, снова обращая их в рабство. Светоний, сообщающий нам эту информацию, тем и ограничивается, но похоже, что тяжб между хозяевами и *liberti* становилось всё больше. Дион Кассий рассказывает, что однажды Клавдий был шокирован тем, как один вольноотпущенник не только вызвал своего хозяина на суд народных трибунов, но и добился, чтобы того отвел туда ликтор. Император вмешался, наказал истца и тех, кто ему помогал, «и одновременно запретил, чтобы кто-нибудь в будущем оказывал содействие лицам подобного рода против их бывших хозяев под угрозой лишения права выступать с исками против других». Принял ли этот запрет форму официального закона после данного дела? Дион Кассий выражается слишком уклончиво, и мы не можем быть в этом уверены. Возможно, это было просто правило, установленное *декретом.* Декретами называли приговоры императора. В принципе они применялись только к конкретным случаям, но их престиж был настолько высок, что они получали силу прецедента, особенно если повторялись. А Клавдий как раз рассудил

несколько дел такого рода и всегда с одинаковых позиций, что, возможно, придало его запрету силу, почти равную силе закона[75].

Закон это был или декрет, но здесь вновь проявилось желание Клавдия сохранить тесную связь между вольноотпущенником и хозяином. А в более общем плане столь суровая позиция в отношении тяжущихся *liberti* была продиктована, как нам кажется, его стремлением обуздать судебные эксцессы — в области как уголовного, так и гражданского права.

Этот набор законодательных актов опровергает миф о глупости Клавдия. Перед нами предстает государственный деятель, следящий за развитием общества, способный принимать взвешенные решения, не лишенный доброты. Короче — государь, стремящийся поступать хорошо. Те же соображения применимы и к его судейской деятельности, хотя на его решениях порой сказывалась (не лучшим образом) привычка судить по справедливости, а не по закону. Качество работы императора — лишнее доказательство компетентности его советников, в первых рядах которых стояли вольноотпущенники, столь возмущавшие писателей из сенаторского сословия.

Эпилог

Во дворце Агриппина продолжала укреплять свои позиции — и позиции своего сына. В 54 году она повела наступление на Домицию Лепиду, мать Мессалины. А ведь императрица была многим обязана этой даме, приходившейся ей бывшей золовкой. Напомним: перед тем как отправиться в изгнание, Агриппина поручила ей своего сына, а впоследствии добрые отношения между ними защищали ее от Мессалины. По словам Тацита, теперь императрица была недовольна тем, что Лепида имеет большое влияние на ее сына Нерона. Но нет ли более простого мотива? Лепида была не только теткой Нерона, но и прежде всего бабкой Британника, причем можно предположить, что она предпочитала внука и теперь поддерживала его в борьбе за императорский пурпур.

Какова бы ни была истинная причина враждебности между двумя женщинами, Лепида войну проиграла. Ее обвинили в наведении порчи на Августу и в том, что банда принадлежавших ей рабов разорила Калабрию, и приговорили к смерти. Нерон лично выступил как свидетель обвинения против своей тетки, подтвердив утверждение о попытке наведения порчи. Несмотря на активное противодействие со стороны Нарцисса, Лепиде не удалось избежать казни.

Вольноотпущенник никогда не любил Агриппину, а теперь опасался ее все больше и больше. Есть все основания предполагать, что он пытался изменить ситуацию в пользу Британника с помощью Лепиды. Но Нарцисс, вероятно, лишился доверия при дворе. Падение Мессалины, устроенное его стараниями, ослабило Клавдия и повредило его имиджу. И потом, ему вменили в вину трудности, с которыми пришлось столкнуться при осушении Фуцинского озера, ведь руководил этими работами Нарцисс. Агриппина воспользовалась пресловутым инцидентом во время второго спуска воды, чтобы обвинить Нарцисса в алчности и воровстве. То есть вольноотпущенник похитил часть денег, выделенных на проведение работ. Нарцисс был не робкого десятка и в ответ заговорил о непомерном честолюбии Агриппины. Нужно быть редкостным нахалом, чтобы резать правду-матку в глаза хищной птице столь высокого полета! Впрочем, Нарцисс не питал иллюзий по поводу того, что его ждет: он якобы сказал своим близким, что его не пощадит ни Британник, ни Нерон, когда кто-либо из них придет к власти. Это правда: после того как он погубил мать первого и стал врагом матери второго, его шансы

выжить сделались призрачными.

Однако Нарцисс до последнего делал ставку на Британника и чуть не выиграл партию. Ибо Клавдию Агриппина тоже поднадоела, и он уже давал это понять. Однажды вечером, хватив лишнего, он заявил, что его судьба — терпеть мерзости своих жен, а потом наказывать их. Порой угрожающие намеки сыпались и без вина: своим вольноотпущенникам, расхваливавшим его за приговор, вынесенный прелюбодейке, он ответил, что ему тоже было суждено иметь бесстыжих жен, но они не остались безнаказанными. При этом император все более явно намекал на свое намерение передать власть Британнику. По словам Светония, однажды он сказал своему сыну, целуя и обнимая его: «Расти, и примешь от меня отчет во всех моих делах», — и добавил греческий стих: «Ранивший исцелит». А когда его сына собирались облечь в тогу совершеннолетнего, Клавдий воскликнул: «Пусть наконец у римского народа будет настоящий Цезарь!»

Собирался ли Клавдий в самом деле сменить наследника? Светоний даже утверждает, что он «вскоре затем» составил завещание, скрепив его печатями всех должностных лиц, намекая тем самым, что принцепс назначал Британника своим преемником. Трудно узнать истинные намерения императора в конце жизни. Тацит и Светоний заявляют об угрожающих намеках, которые он то и дело отпускал Агриппине, а Дион Кассий даже говорит, что Клавдий намеревался отлучить ее от трона, а затем назначить своим преемником Британника. Зато Тацит, в противоположность двум своим собратьям, не говорит об изменении порядка наследования. Однако если Клавдий действительно решил избавиться от своей жены, то наверняка не собирался сохранять распоряжения о преемнике в пользу Нерона.

Точно одно: в 54 году отношения между Клавдием и Агриппиной испортились. А поскольку единственным серьезным мотивом их ссоры оставалось наследование власти, можно прийти к выводу, что Клавдий ставил под вопрос права Нерона. Но как далеко заходили его намерения? Покончить с этими правами, как утверждает Дион Кассий и намекает Светоний, что подразумевало физическое устранение матери и сына? Или же Клавдий просто хотел поставить Британника наравне с Нероном, предоставляя ему те же почести, какие получил Нерон в 51 году вместе с мужской тогой? Выяснить это невозможно, настолько неточны или противоречивы источники. Заглянем в Светония. В начале, как мы уже видели, он приводит детали, наводящие на мысль о том, что под конец жизни Клавдий, отстранив Нерона, решил в пользу Британника. Затем утверждает, что во время

своего последнего появления в сенате принцепс «всячески увещевал сыновей жить меж собою в согласии и с мольбою просил сенаторов позаботиться о их молодости», а это означает, что он еще не сделал свой выбор или не желал выбирать.

Так что мы никогда не узнаем, что именно было в голове у Клавдия, когда его настигла смерть — по официальным данным, 13 октября 54 года, между полуднем и часом дня[76]. Не узнаем мы никогда и точных обстоятельств его смерти. Древние авторы сходятся в том, что императора отравили, но приводят настолько противоречивые детали, что некоторые современные историки начинают сомневаться в убийстве. Правда, Клавдий был болен незадолго до свадьбы Нерона в 53 году, а в 54-м Рим поразила эпидемия, унесшая, помимо императора, пятерых магистратов за несколько месяцев. Нарцисс тоже прихворнул и отправился на воды в Синуэссу в Лациуме (лечиться от подагры). То есть Клавдий в свои 64 года вполне мог умереть своей смертью, тем более что его организм был изношен из-за чревоугодия и пристрастия к вину.

Тем не менее отравление остается наиболее вероятной гипотезой. Древние утверждают это в один голос; оно также является, если можно так сказать, логическим следствием ссоры императорской четы: один из двух должен был убить другого. Агриппина, как всегда, оказалась проворнее.

По словам Тацита, императрица уже давно задумала убийство и теперь боялась, что супруг разгадает ее происки. Она воспользовалась отсутствием Нарцисса, который обычно не спускал с нее глаз, и ускорила события. Чтобы заставить поверить в естественную смерть, прибегли к медленно действующему яду. Состав изготовила отравительница по имени Локуста, а дегустатор Голат впрыснул его в белый гриб. Бедный Клавдий, обожавший грибы, охотно его съел, но действие яда все никак не проявлялось. Обычно процесс начинался с помутнения рассудка, но, поскольку наш герой по своему обыкновению задремал под воздействием вина, ничего не было заметно. Кроме того, он принял рвотное, с которым, возможно, и вышел яд. Агриппина встревожилась и позвала врача Ксенофонта, которого сделала своим сообщником. Под предлогом вызывания рвоты эскулап засунул в горло Клавдия отравленное перо, которое и довершило дело. Дион Кассий приводит почти такую же версию, но без вмешательства Ксенофонта, в котором Тацит, кстати, не уверен. Светоний предлагает несколько других версий, отличающихся местом рокового пира и способом, которым действовал яд.

Клавдий, вероятно, скончался в ночь на 13 октября. В последующие часы его смерть держали в тайне, чтобы

подготовить восшествие на трон Нерона. Всем руководила Агриппина. По ее наущению консулы созвали сенат и вместе с жрецами вознесли мольбы о здоровье принцепса. Одновременно Агриппина выпускала одну за другой ободряющие сводки о его здоровье и в своем стремлении к достоверности дошла до того, что вызвала актеров — развлечь своего мужа. Но главное, она заперла дворец: никто не мог ни выйти оттуда, ни войти без ее разрешения. Нужно было пресечь любую попытку передачи власти Британнику, но без насилия над ним, чтобы приход к власти Нерона не выглядел тем, чем был на самом деле — государственным переворотом. Еще не настало время избавиться от третьего лишнего, поэтому Агриппина осыпала Британника и его сестер Антонию и Октавию знаками притворной любви.

Со своей стороны префект гвардии Бурр готовился выйти на сцену. Он был обязан своей должностью Агриппине. Она могла на него рассчитывать. Около полудня двери дворца раскрылись, и Нерон с Бурром вышли к когорте преторианцев, столпившихся перед зданием. Префект представил молодого человека солдатам, которые тотчас приветствовали его и отнесли в лагерь в носилках. В этот момент кое-кто все-таки осведомился о Британнике, но это не вызвало никакого ответного порыва, о мальчике словно забыли. Ничего удивительного: вспомним, что Агриппина добилась перевода трибунов и центурионов, заподозренных в симпатии к сыну Клавдия. Командиры, начиная с префекта, были преданы Нерону, а это значило, что гвардия на его стороне. Всякий знает, что в армии начальство играет большую роль, чем в любом другом учреждении. Короче, в лагере Нерона провозгласили императором при собрании всех когорт. В очередной раз армия высказалась прежде сената, которому оставалось только утвердить выбор военных.

Клавдию устроили пышные похороны. Новый принцепс произнес с ростры элегантный панегирик, сочиненный Сенекой. Пока речь шла о большой начитанности покойного и успехах его внешней политики, публика не возражала. Но когда, по словам Тацита, оратор добрался до его мудрости и проницательности, раздались смешки. Отлично. Исторический образ кретина начал формироваться уже в день похорон. Тем не менее интересно отметить, что современная публика судила о Клавдии неоднозначно. Во всяком случае, ее суждение было лучше, чем впечатление, остающееся после поверхностного чтения историографии. Это тем более примечательно, что аудитория, конечно же, состояла из сенаторов, то есть людей, мало расположенных к его особе.

Несмотря на смешные стороны Клавдия, сенат причислил его к сонму богов, как прежде Августа. Ему посвятили храм на одном из семи римских холмов — Целии, но выбор места был сделан с умыслом. Похоже, что это решение стало проявлением лукавства сенаторов, словно «отцы» хотели сыграть шутку с новым богом. Известно пристрастие Клавдия к этрускологии. Так вот, согласно более или менее легендарной этимологии, название «Целий» происходит от имени этрусского вождя Целеса Вибенны, которого поселил там один из этрусских царей Рима, если не сам Ромул. Оказывается, Клавдий хорошо знал эту легенду и совершенно иначе истолковал ее в своей речи, произнесенной в 48 году, — о допуске галлов в сенат. По его мнению, Целее на самом деле был собратом по оружию царя Сервия Туллия, и тот назвал именем друга этот холм, когда завладел им. Клавдий хотел таким образом приукрасить образ Сервия Туллия, приписав ему включение холма в черту Рима.

У него имелся для этого мотив, который обнаружил историк Робер Тюркан. В самом деле, историческая традиция приписывает этому царю деление римлян на центурии согласно их богатству и на классы. То есть Сервий Туллий стал своего рода цензором еще до создания этой должности, которую в момент произнесения речи исполнял сам Клавдий. Таким образом, учредить культ Клавдия у столь любимых им этрусков, вероятно, было для сенаторов чем-то вроде посмертной насмешки.

Насмешка переходит в издевательство, если представить себе Целий в то время. Удаленный от исторического и политического центра, этот квартал не был самым престижным в столице. Как говорит Робер Тюркан, «сразу складывается впечатление, что Клавдия “освятили” вне священных мест Города, словно на отшибе». Помимо этого холм славился в основном своим обжорным рынком и борделями: Клавдий, большой любитель женщин и хорошей еды, попал в свою стихию… Можно представить, как потешались сенаторы, когда отправляли новоиспеченного бога на этрусский холм к торговкам рыбой и шлюхам! Ничего себе Олимп! Не говоря уже о хохоте, каким, должно быть, встретил его прибытие плебс… Великолепная месть аристократии уродливому узурпатору-заике, которого она терпела 14 лет! Плиний Младший скажет в «Панегирике Траяну», что «Нерон причислил Клавдия к небожителям, чтобы насмеяться над ним». Это ложь: молодому императору было необходимо обожествить своего приемного отца, чтобы укрепить собственные позиции. (Жанр панегирика часто требовал очернить предшественников, чтобы возвеличить героя произведения. Траян же предоставил апофеоз своему приемному отцу Нерве

совершенно искренне.) Но правда и то, что с годами Нерон не будет выказывать почтения к культу и храму своего предшественника: после смерти Агриппины он уже не отправлял культ, а храм убрал, чтобы устроить фонтан на *Aqua Claudia*. Только в правление Веспасиана здание будет отстроено заново, а культ восстановлен.

Так наш император вошел в сонм Бессмертных и в историю таким же осмеянным, как и при появлении на свет. Каждый оттачивал на нем свое остроумие, начиная с Нерона, отличившегося труднопереводимым каламбуром: «Клавдий перестал (бла)жить среди людей» *(morari eum inter rivos)*. В латинском глаголе *morari* (оставаться) первый слог краткий, а второй длинный. Но Нерон произносил оба слога длинными, и тогда это слово означало «быть глупцом»: становилось понятно, что «Клавдий перестал валять дурака среди людей». Нерону также приписывают привычку называть белые грибы по греческой поговорке «пищей богов». Намек на отравление слишком явен, чтобы Нерон позволял себе такое, но как знать. Брат Сенеки Юний Галлион в шутку говорил, что Клавдия втащили на небо крюком, намекая на способ втаскивать трупы казненных на ступени Гемонии.

Однако самым жестоким оказался сам Сенека со своим памфлетом «Отыквление божественного Клавдия». В литературном плане этот опус относится к Менипповой сатире, то есть римскому сатирическому жанру, в котором смешаны проза и стихи. Если коротко, то в памфлете Клавдий высмеивается за физические недостатки; боги считают его преступником и не хотят видеть рядом с собой; Клавдия отправляют в преисподнюю, где его встречают его жертвы; судья Эак, зная о страсти Клавдия к игре в кости, осуждает его на бесконечную игру с бездонным стаканчиком, но Калигула забирает его к себе в рабы. Впрочем, он очень скоро захотел от него отделаться и вернул обратно Эаку. Тот, не зная, куда девать Клавдия, отдал его своему вольноотпущеннику, чтобы разбирать судебные дела. Клавдий, посвятивший много времени отправлению правосудия и способствовавший карьере своих вольноотпущенников, Клавдий, верховный судья на земле, стал рабом вольноотпущенника судьи из преисподней!..

Сенека сводит тут личные счеты за восемь лет ссылки на Корсику, где ему, кстати, совсем не понравилось. Но его опус преследовал и политическую цель: выразить суть претензий со стороны сенаторского сословия к политике Клавдия, в частности, его открытости к уроженцам провинций и вольноотпущенникам, его судебной практике… «Отыквление божественного Клавдия»

стало вкладом в историографию «дурного императора», и с этой точки зрения данное произведение — весьма удачный пропагандистский ход. Наконец, как говорит Пьер Грималь, целью было «дать понять, что юный Нерон станет другим, еще более великим Августом», который положит конец заблуждениям Клавдия.

Правда и то, что у традиционного политического класса были причины для недовольства этим нежданным императором, над которым он смеялся порой сквозь слезы. Только подумайте! Доверить высокие посты в администрации бывшим рабам, предпочтительно домочадцам! А эта идея ввести провинциалов в сенат, пусть хотя бы местную элиту! Вот что было совершенно невыносимо, и Сенека превосходно выразил настроение себе подобных, издеваясь над этим кретином, который «решил увидеть в тогах всех — греков, и галлов, и испанцев, и британцев». Ничего себе шпилька от стоика! Впрочем, столь же странен и весь памфлет. С чего бы вообще так зло смеяться над мерой, проникнутой духом стоицизма? Разве не считали последователи этого учения, что все люди — члены одной мировой республики, единой ойкумены? Разве человеческое стадо не пасется на «общем пастбище» (*sunnomos*), столь дорогом сердцу Зенона Китийского — основателя школы? Да и сам Луций Анней Сенека разве не родом из Испании, из Кордовы? И хотя теперь он сенатор, принадлежит к первейшему сословию, он все равно *homo novus* — новый человек, выходец из семейства всадников. Тогда почему он отказывает другим в том, что получили его собственная семья и он сам? Просто потому, что человеку свойственно цепляться за свои привилегии, даже если он является или называется философом. А новые привилегированные зачастую хуже старых. С этой точки зрения у него много общего с Цицероном — еще одним всадником, сделавшимся олигархом покруче прежних…

И все-таки прав был Клавдий, когда говорил, в отношении и вопреки всей этой ограниченной аристократии, что подобно тому как нынешние исторические примеры были вчерашними новшествами, так и нынешние нововведения завтра станут примерами. Высказываясь о галлах из «Косматой Галлии», которых хотел ввести в сенат, он мог бы привести в пример цизальпинских галлов. В его время они были римскими гражданами. Но во времена Цезаря, когда тот сделал кое-кого из этих галлов сенаторами, над ними потешались, рассказывая, что они сменили штаны на латиклаву и спрашивали у прохожих, как пройти в курию…

Отметим, что те же связи со стоицизмом прослеживаются и в

других делах Клавдия, отмеченных печатью филантропии, например в законах в пользу рабов и женщин. Именно филантропией объясняется и пристрастие Клавдия лично выносить приговоры, осмеянное многими древними авторами.

В целом итоги правления скорее положительные: на границах — мир и безопасность, система управления в центре и на местах улучшилась, судебная процедура ускорилась, законодательство приведено в соответствие с эпохой, ведутся крупные строительные работы, государственные финансы оздоровлены. Можно ли сказать то же самое о завоевании Британии? Мы все-таки думаем, что приобретение новой провинции было рентабельным в экономическом плане, но сильно повредило общей стратегии Империи. В то время как Британия сама по себе не представляла никакой опасности, на острове придется постоянно держать войска — хотя бы для защиты завоеванных территорий от угрозы со стороны пиктов и скоттов с Севера. Силы, затраченные на оккупацию, можно было бросить на расширение буферной зоны за Рейном, что принесло бы гораздо больше пользы: Клавдий явно упустил возможность навести порядок в Германии, хотя возвращение фризов под власть Рима следует зачесть ему в актив.

Главной драмой Клавдия было то, что он не мог держать в узде своих жен, хотя древние авторы и многое присочинили на эту тему. Почему этот человек, показавший себя сильным перед лицом нескольких заговоров, оказался столь слабым перед женщинами? Возможно, это от недостатка любви, испытанного в детстве инвалидом, презираемым своим окружением. Во всяком случае, он сильно бы выиграл, если бы давал женам поменьше воли: избежал бы мерзких дворцовых интриг, ослабивших его власть и очернивших его образ. Пример Мессалины должен был научить его остерегаться чересчур большого влияния императрицы, однако он позволил Агриппине получить еще больший вес, наградив ее титулом Августы. Конечно, ему очень нужна была политическая поддержка этой женщины, но это не оправдывает его полностью. Август, Тиберий и Калигула тоже настрадались — пусть не от своих супруг, но от принцесс императорской крови. Однако они сумели вовремя спохватиться и остаться хозяевами в своем доме. Но не Клавдий. Мессалина, весьма вероятно, не покушалась на его жизнь, но ее поведение ослабило его позиции. Он избавился от нее, когда зло уже было совершено, и женился на самке богомола, которая, судя по всему, его и убила.

Убили Клавдия дважды, поскольку в историю его образ вошел в искаженном и извращенном виде. Широкие массы о нем забыли или в лучшем случае представляют его себе «славным парнем», которого дурачили жены. В самом деле, знаменитейшие Мессалина и Агриппина сыграли с ним злые шутки, и самая злая из них в том, что они затмили его собой в памяти потомков…

Основные даты жизни и деятельности Клавдия

10 до н. э., 1 августа — рождение Клавдия.

28 н. э. — женитьба на Элии Петине.

30 — рождение дочери Клавдии Антонии.

38–39 — женитьба на Мессалине.

40 — рождение Октавии, дочери Клавдия и Мессалины.

41 — Клавдий приходит к власти. Возвращение изгнанников, в том числе Агриппины. Изгнание Ливиллы и Сенеки. Рождение Британника. Агриппа получает царство Ирода Великого.

42 — принял звание Отец Отечества. Казнь Аппия Силана. Бунт Камилла Скрибониана.

43 — аннексия Ликии. Завоевание Британии; Клавдий празднует свой триумф. Реорганизация квестуры и претуры. Смерть Агриппы I; Иудеей управляет наместник-всадник.

45–46 — аннексия Фракии.

47 — суд над Валерием Азиатиком и его смерть. Столетние игры. Конец наместничества Плавтия в Британии; овация Плавтия. П. Осторий Скапула сменил Плавтия. Гней Домиций Корбулон отказывается от похода в Германию.

48 — «свадьба» Мессалины и Г. Силия; казнь обоих.

49 — женитьба Клавдия на Агриппине. Самоубийство Л. Силана, жениха Октавии. Сенека возвращается с Корсики.

50 — усыновление Нерона. Агриппина получила титул Августы. Агриппа II стал царем Халкиды.

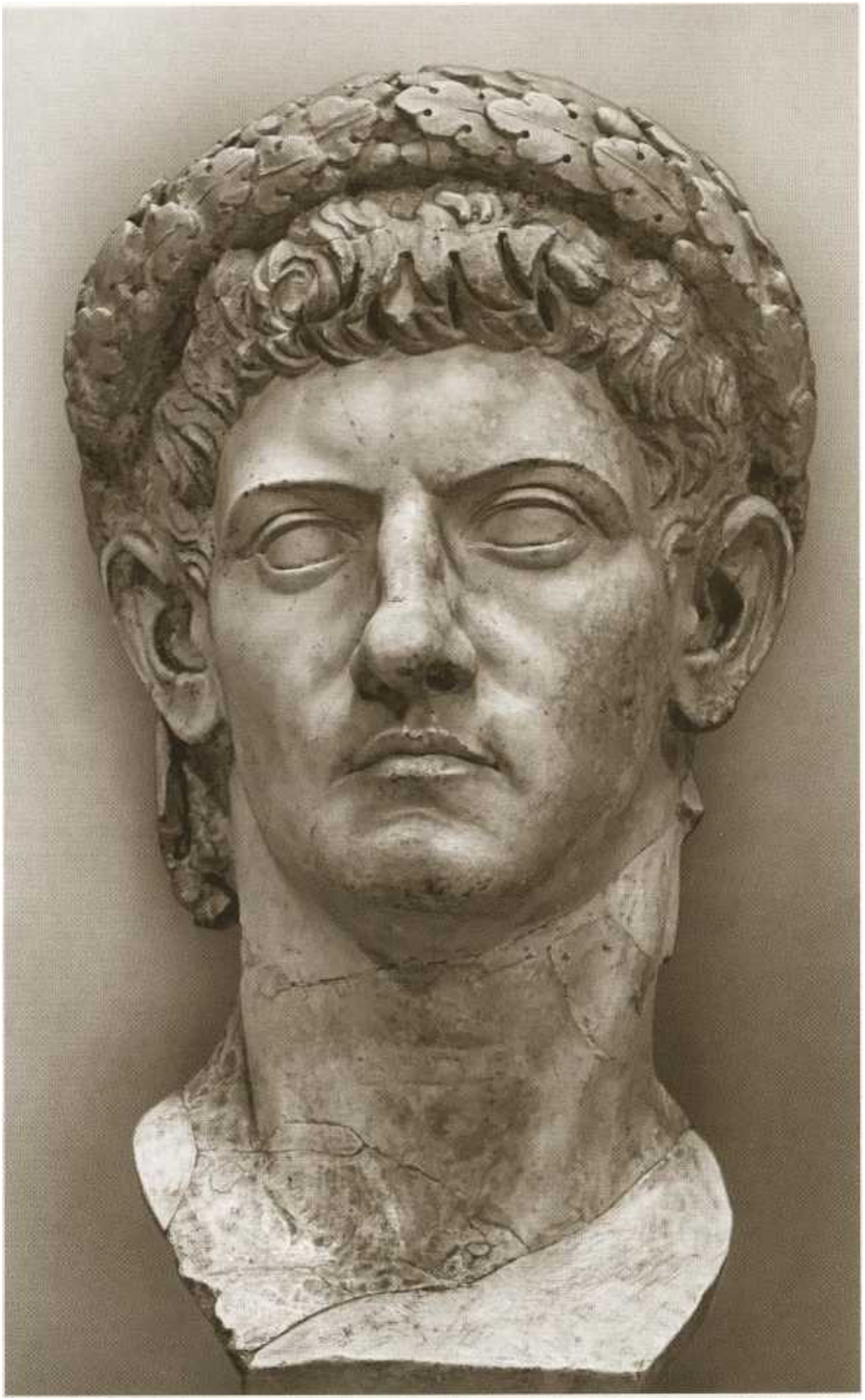
51 — Афраний Бурр — префект претория. Нехватка хлеба в Риме. Празднование пленения Каратака в Британии. Смерть Скапулы; его сменил Дидий Галл. Нерон облачился в мужскую тогу.

52 — Паллант удостоен почестей за предложение запретить браки свободных женщин с рабами. Отвод воды из Фуцинского озера.

53 — женитьба Нерона на Октавии.

54 — смерть Клавдия и приход к власти Нерона.

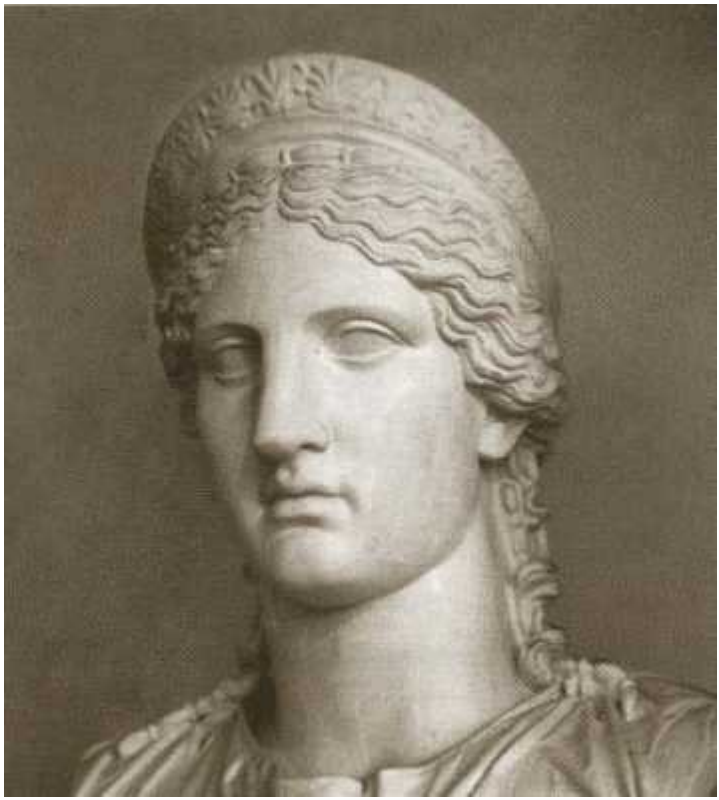
Иллюстрации

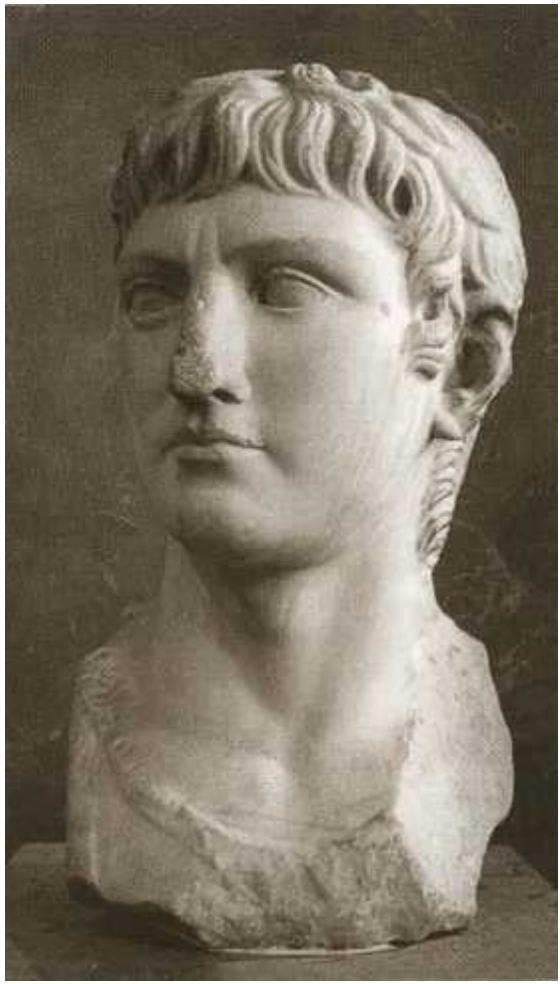
Император Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик

Друз Старший, отец Клавдия

Антония Младшая, мать Клавдия

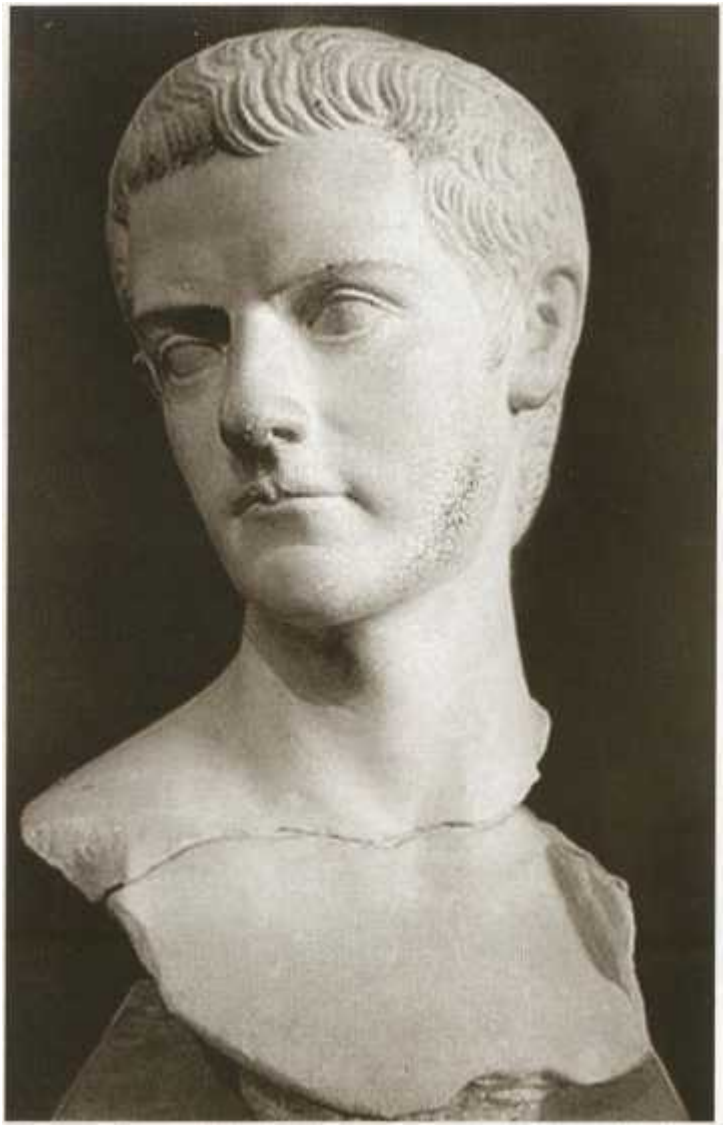
Германик, брат Клавдия

Император Тиберий

Капри, вилла Юпитера — одна из императорских вилл времен Тиберия. Реконструкция

Гай Цезарь Германик Калигула (12–41), римский император в 37–41 годах

Убийство Калигулы

Плавтия Ургуланилла, первая жена Клавдия

Изображение Клавдия на древнеримской монете

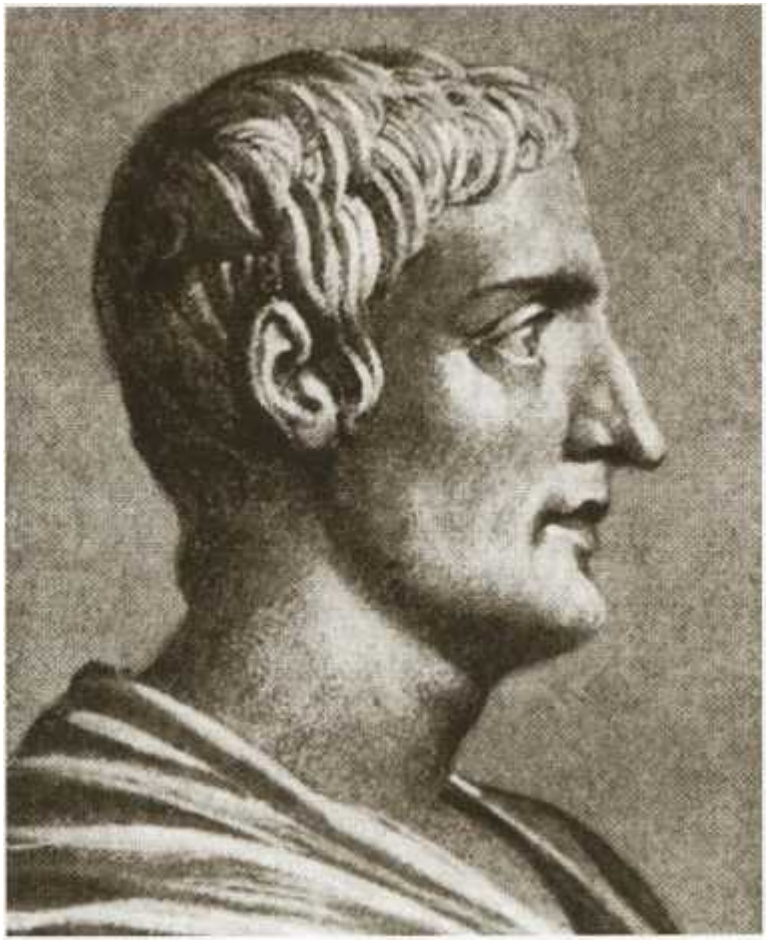
Элия Петина, вторая жена Клавдия

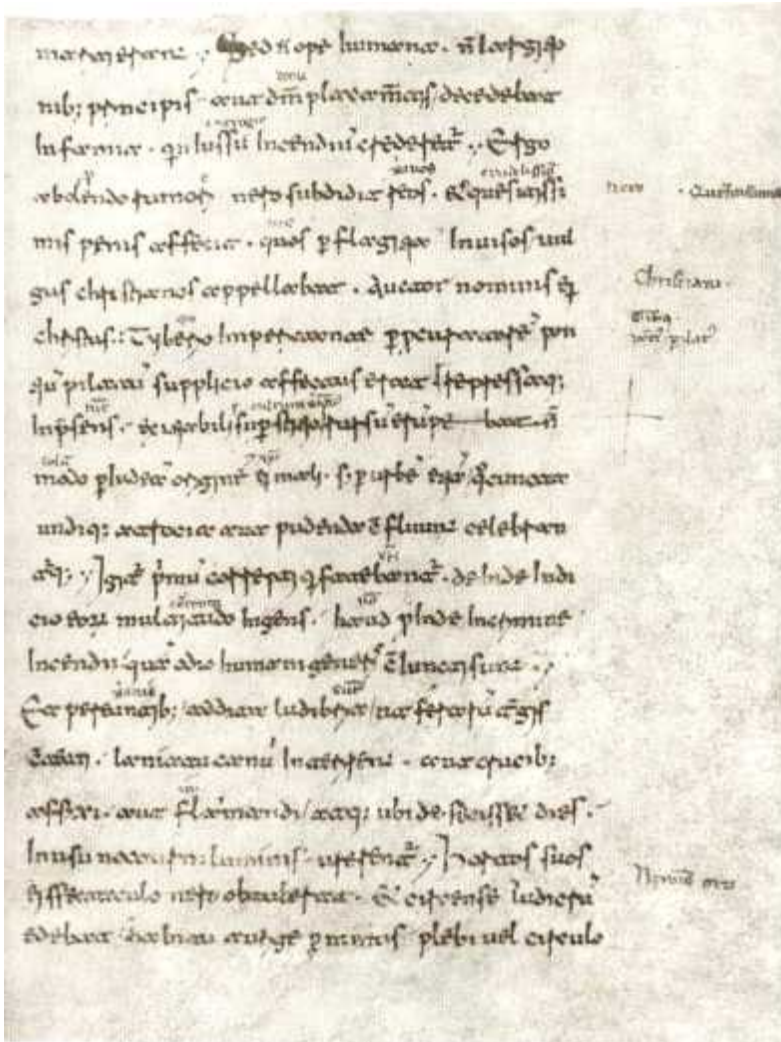
Клавдия Антония, дочь императора и Элии Петины

Грат провозглашает Клавдия императором. Фрагмент картины Л. Альма-Тадемы

Публий Корнелий Тацит (в представлении художника начала XX века)

Страница из рукописи «Медицейская II», включающей книги XI–XVI «Анналов» и книги I–V «Историй» Тацита

Император Клавдий в образе Юпитера

Мессалина, третья жена Клавдия, с сыном Британником

Камея с изображением Мессалины с Клавдией Октавией и Британником

Монета с изображением Британника, сына Клавдия и Мессалины

Клавдия Октавия, дочь императора и Мессалины

Агриппина Младшая, последняя жена Клавдия, мать Нерона

Агриппина с сыном

Аква Клавдия. Надземная часть сооружения

Городские ворота Порта Маджоре, над которыми проходили акведуки Аква Клавдия и Анио Новус

Аква Вирго

Типы гладиаторов: велит, фракиец, ретиарий, мурмиллон, секутор

Гладиаторы на мозаике в Злитене (Ливия): побежденный ретиарий, секутор, фракиец, мурмиллон, гопломах, второй мурмиллон, судья

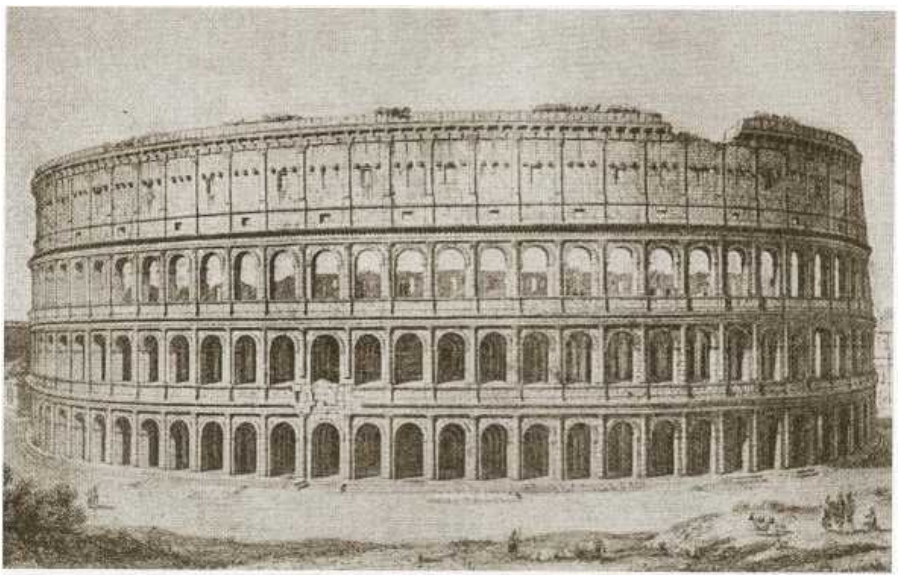
«Pollice verso» («Пальцы вниз»). Картина Ж. Л. Жерома. 1872. Фрагмент

Гладиаторские бои. *Мозаика. Галерея Боргезе, Рим*

Бой ретиария и секутора. Мозаика

Колизей (амфитеатр Флавиев) — самая большая арена для гладиаторских боев

Бронзовый шлем гладиатора

Мавзолей Августа, куда был помещен прах императора Клавдия

Обожествленный как Зевс Клавдий

notes

Примечания

1

Цензор был магистратом, избираемым среди бывших консулов для проведения переписи граждан. Занимаясь этой работой, он выносил порицания магистратам, сенаторам или всадникам, провинившимся при исполнении своих обязанностей или запятнавшим достоинство своего сословия необузданностью в личной жизни. Конкретно это выражалось в примечании к цензорским спискам (*nota)* против имени соответствующих лиц. Заклейменные позором (*ignominia*), они подлежали исключению из своего сословия: провинившегося сенатора вычеркивали из сенаторского *альбума,* а всадника — из списков всаднического сословия. — *Здесь и далее, за исключением оговоренных случав, примечания автора.*

2

Диктатор был чрезвычайным магистратом, наделенным всей полнотой власти на срок до полугода в случае крайней опасности.

3

Триумф получал полководец, одержавший решающую победу. Приветствуемый как «император», в день этой церемонии он уподоблялся Юпитеру и приносил ему в жертву быка на Капитолийском холме. Овация была малым триумфом и называется так потому, что полководец приносил в жертву не быка, а овцу (*ovis*).

4

Мать Октавиана и Октавии звали Атия; она была дочерью Юлии — сестры Юлия Цезаря.

5

Здесь и далее цит. по: *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. Книга пятая. Божественный Клавдий /Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. — *Прим. пер.*

6

Латиклава — туника с широкой пурпурной полосой, которую носили члены сенаторского сословия. Всадники могли носить только *ангустиклаву* — тунику с узкой пурпурной полосой.

7

Сатурналии были празднествами в честь Сатурна и проходили в декабре. На них обменивались подарками и веселились. С рабами обращались наравне с их хозяевами, которым они больше не прислуживали и пировали в своей компании. Потом наступали сигилларии, которые называются так потому, что все дарили друг другу статуэтки — *sigilla*.

8

Они были консулами-суффектами. Существовало два вида консулов: обычные консулы (их было двое), которых называли также эпонимами, потому что они вступали в должность 1 января и давали свое имя году, и консулы-суффекты (их количество варьировалось), в республиканский период заменявшие первых в течение года. При империи принцепс будет назначать всё большее число консулов-суффектов в качестве поощрения для как можно большего количества сенаторов.

9

Иосиф Флавий. Иудейские древности /Пер. Г. Генкеля. Библиотека «Вехи», 2002.

10

В «Утешении к Полибию» Сенека пишет, что «изгнанники… не дрожат и не ожидают каждый час меча и не содрогаются от страха при виде каждого корабля». Он говорит о самом себе, поскольку Ливилле не так повезло. Значит, он знал, что его не казнят.

11

Это была самая древняя коллегия жрецов, ее название происходит от слова *arva* («пахотные земли»). По традиции, братья-арвалы представляли семью кормилицы Ромула и совершали древние обряды, чтобы урожай был добрым.

12

Здесь и далее цит. по: *Тацит К.* Сочинения: В 2 т. /Пер. А. С. Бобовича. М.: Ладомир, 1993. Т. I. Анналы. Малые произведения. — *Прим. пер.*

13

Светоний упоминает о двух покушениях, одно из которых якобы было предотвращено отцом будущего императора Отона. Тацит говорит о еще одном покушении, которое произошло после дела Азиатика. Дион Кассий также упоминает об одном покушении в 47 году, причем неизвестно, входит ли оно в число тех трех, о которых говорят Светоний и Тацит.

14

В «Дигестах» Юстиниана (48, 5, 43) сказано, что в Законах двенадцати таблиц предусматривались некоторые формы, определяющие развод, но этот текст не является неоспоримым. Цицерон также намекает на нечто подобное в «Филиппиках» (2, 69).

15

Существовало два вида усыновления: *adrogatio* — когда один *sui juris* (совершеннолетний) усыновлял другого *sui juris*; и усыновление в прямом смысле слова, касавшееся *alieni juris* и принимавшее форму своего рода акта купли-продажи, называвшегося *mancipatio*.

16

Октавия не принадлежала к роду Юлиев в прямом смысле слова, поскольку Юлий Цезарь не удочерил ее, в отличие от ее брата. Она принадлежала к Юлиям лишь в том смысле, что входила в семью Августа.

17

Доносчик, осведомитель о преступлениях, влекших за собой имущественное взыскание. Определенные люди во времена римских императоров занимались такими доносами как доходным ремеслом, так как получали определенную часть взыскиваемых с виновного средств.

18

В военной иерархии трибун стоял на ступень выше центуриона.

19

Были еще Мизенский и Равеннский флоты, но они не могли действовать на суше и находились вдали от Рима. Что же до противопожарной стражи и ночных дозорных, они не обладали той же боеспособностью, что и преторианцы. Это все равно что бросить наряды патрульно-постовой службы на отряды ВДВ.

20

Теоретически легион состоял из пяти тысяч легионеров и такого же числа вспомогательных сил, то есть всего 10 тысяч солдат.

21

Плавтий прибыл из Паннонии, где был легатом; Гета только что усмирил бунт мавров; Веспасиан в качестве командира легиона участвовал в недавних походах против германцев.

22

Ведомство *ab epistulis (лат.* секретарь) занималось перепиской с наместниками провинций. Через него император получал информацию о положении в провинциях и давал инструкции наместникам.

23

Легионеров никогда не набирали из числа рабов, разве что в исключительном случае, когда требовалось срочно отразить неминуемую опасность.

24

Позднее христиане будут называть тем же словом приверженцев древней религии — язычников; в русском языке — «поганых».

25

Только легионер в собственном смысле слова, составлявший ядро легиона, являлся римским гражданином. Солдаты вспомогательных частей, набранные из жителей провинций, которым еще не предоставили гражданства по закону, а то и из чужеземных племен, не могли быть гражданами Рима.

26

Возможно, в Рутупии (Ричборо), Дубрисе (Дувр) и Леманисе (Лимпн).

27

Дион Кассий говорит о германцах, не уточняя племени. С большой долей уверенности можно считать, что это были батавы, известные как превосходные пловцы. Германик уже использовал их во время своих германских походов для форсирования рек и проведения диверсионных операций на противоположном берегу.

28

Из Остии Клавдий морем отправился в Марсель. Сильный мистраль вызвал два шторма, корабль чуть не затонул у берегов Лигурии, а потом вблизи Йерских островов. Из Марселя император ехал по суше и по рекам, завершив путь, возможно, по Сене: известно, что она уже тогда использовалась для галло-британской торговли.

29

Глев расположен в эстуарии Северна у подножия гор в стране силуров. Вироконий находится дальше к северу на берегах той же реки, против земель силуров, ордовиков и декангов.

30

Сенека, впрочем, утверждает, что расширение померия дозволялось только после завоевания территории в Италии Может быть, это и правда, но ко времени Клавдия Италия давно была завоевана, и можно допустить, что это строгое правило уже не имело смысла.

31

Тацит утверждает, что другим исключением был Август Но современные историки в один голос говорят, что он ошибается.

32

У Тацита (Анналы. Книга XI, 18) сказано «галльский берег» без дальнейших уточнений. Маловероятно, чтобы хавки, проживавшие между устьем Эмса и устьем Везера, ушли дальше берегов белгов.

33

Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии /Пер. А. С. Бобовича. Л.: Наука, 1969. Этот труд был написан полвека спустя после эпохи Клавдия, но специалисты единодушно признают, что он в большей степени описывает положение в этой стране во времена Клавдия и Нерона.

34

Дакия примерно соответствует современной Румынии. Бастарны были германцами, поселившимися между верховьями Вислы и низовьями Дуная. В районе устья Дуная жили скифы.

35

Поппей Сабин был наместником в Мёзии с 12 года. Впоследствии Тиберий передал под его управление две другие провинции.

36

Имя полководца, руководившего военными действиями против Эдемона, неизвестно. Мы только знаем от Светония, что Красс Фруги тоже получил знаки триумфа — вероятно, по той же причине. Эта почесть была бы обоснованна, если бы он служил во времена Калигулы, но источники этого не подтверждают. Поэтому нельзя утверждать наверняка, что он сыграл решающую роль; не надо забывать, что в начале правления Клавдия его осыпали милостями.

37

Неизвестно, где находился этот город. Мы также не знаем, чему соответствует река Панда, которую пришлось пересечь, чтобы добраться до него.

38

Легион состоял из десяти когорт.

39

Иберия — древнее царство на территории исторической области Грузии Картли.

40

Иосиф Флавий ничего не говорит об Артабане IV, упоминая лишь о Вардане, но это не означает, что Артабан не мог править какое-то время.

41

Гиркания была парфянской провинцией, расположенной к юго-востоку от Каспийского моря; дахи населяли долину Яксартеса (Сырдарья) к востоку от Аральского моря.

42

Бывшее греческое царство, ставшее парфянской провинцией; занимало территорию, соответствующую югу современных Узбекистана и Таджикистана и северо-западу Афганистана.

Вспомогательные когорты были двух типов: по шесть центурий, которыми командовал префект, и по десять центурий под командованием трибуна.

44

Батанея находится на юге нынешней Сирии к востоку от Голанских высот и называется аль-Батания. Трахонитида сегодня называется Аль-Леджа и находится к югу от Дамаска. Авранитида — пограничная область с нынешней Иорданией, к востоку от Генисаретского озера, ныне называется Хауран.

45

Галилея — северная область Палестины. Перея находится к востоку от реки Иордан и простирается от Пеллы на севере до Мертвого моря на юге.

46

Иудея — южная часть Палестины, ограниченная рекой Иордан и Мертвым морем на востоке, Средиземным морем на западе, Самарией на севере и Идумеей на юге. Самария находится между Иудеей и Галилеей.

47

Башня Антония получила свое название в честь Марка Антония, которому Ирод был другом.

48

В «Деяниях апостолов» (глава 24) святой Павел, которого старейшины Храма обвиняют в подстрекательстве к беспорядкам, говорит Феликсу в свою защиту, что не производил никакого возмущения, и объясняет ему, что на самом деле его противники преследуют его за новое толкование учения о воскресении мертвых. Судя по «Деяниям», Феликс хорошо знал это учение.

49

Здесь и далее цитируется по изложению папирусов Жозефом Мелез-Моджеевским.

50

Слово «ойкумена» обладает одновременно философским и политическим значением и обозначает «обитаемую землю», «человеческое сообщество», а в более конкретном смысле — Римскую империю.

51

Дион Кассий говорит, что Клавдий запретил им собираться вместе, чтобы жить по обычаю своих отцов, что подразумевает закрытие синагог.

52

Об изгнании также упоминается в «Деяниях апостолов»: некий иудей по имени Акила пришел в Коринф, где познакомился со святым Павлом, «потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима».

53

До 339 года до н. э. сенат ратифицировал законы и итоги выборов в народном собрании. После этой даты он давал предварительное разрешение, так что народное собрание знало о мнении сената еще до голосования, что помогало избегать конфликтов.

В честь этого события Агриппа велел отчеканить монету, на которой выбиты слова о «клятве великого царя Агриппы Августу Цезарю [Клавдию] и сенату»

55

Светоний приписывает аналогичную меру Веспасиану, она соответствует так называемому «македонскому сенатусконсульту», который приводится в «Дигестах» (14,6). Но в «Дигестах» не уточняются ни дата издания закона, ни издавший его правитель. Однако между утверждениями Тацита и Светония нет противоречия. Похоже, что меры Веспасиана дополнили собой меры, пришлые Клавдием, расширив запрет на беспроцентные займы и запретив кредиторам предпринимать какие-либо действия по возвращению долга после смерти отца.

56

По подсчетам некоторых современных историков — 39, включая самоубийства.

57

Специальная историческая дисциплина, изучающая биографии исторических лиц, относящихся к определенной эпохе или местности, имевших общие политические, социальные или этнические черты, занимавших определенную должность. — *Прим. ред.*

58

Жрецы в Древней Этрурии, позже — в Древнем Риме, гадавшие по внутренностям жертвенных животных.

Например, в 15 году преторы из Казначейства сумели победить в споре с сенатором, который требовал возмещения убытка за его дом, снесенный, чтобы проложить дорогу и акведук. Но это были преторы. Молодым квесторам Клавдия наверняка было бы гораздо сложнее заставить себя уважать.

60

«Дигесты» (1, 16, 8) рекомендуют проконсулам не вмешиваться в судебные дела, связанные с фиском, и относящиеся к компетенции прокураторов. Это как будто означает, что они всегда могли передать дело в суд первой инстанции, если считали необходимым.

61

Здесь и далее цит. по: Письма Плиния Младшего / Пер., прим. В. С. Соколова. М.: Наука, 1984. — *Прим. пер.*

62

Цит. по: *Тацит К.* Сочинения: В 2 т. /Пер. А. С. Бобовича. М.: Ладомир, 1993. Т. I. Анналы. Малые произведения. — *Прим. пер.*

63

Сенека («О скоротечности жизни») говорит, что запасов оставалось на семь дней; Дион Кассий ставит дефицит в вину Калигуле, реквизировавшему слишком много кораблей, чтобы соорудить временный мост между городами Байи и Пуццоли; Виктор Аврелий также упоминает о реквизиции, проведенной этим императором.

64

Модий — мера объема сыпучих тел, использовавшаяся в основном для зерна. 1 модий = 8,75 л.

«Латинский» юридический статус стоял ниже римского гражданства. В интересующую нас эпоху латинское право распространялось только на провинциальные города, еще не достигшие ранга муниципиев, где жили римские граждане.

Этот закон, принятый Августом в 9 году до н. э., подтверждал положения предшествующего ему «Закона Юлия о порядке брака», однако смягчал их для супружеских пар, неспособных иметь детей по естественным причинам.

67

Aqua Virgo означает «Вода девы». Согласно Фронтину, такое название было дано источнику, потому что в древние времена одна девочка указала его солдатам, искавшим воду. Плиний Старший ссылается на другую легенду: этот источник, соседствующий с другим, называвшимся «Вода Геркулеса», отдалялся от него, словно убегал, за что и получил название «Вода девственницы».

68

Порта-Маджоре («Большие ворота») — монументальные въездные ворота с двойной аркой, построенные для того, чтобы водопровод и канализация шли поверх Пренестинской и Лабиканской дорог. Отсюда их первоначальное название — Порта Пренестина Лабикана. Впоследствии их назвали Порта-Маджоре из-за расположенной неподалеку церкви Санта-Мария-Маджоре.

69

Типы гладиаторов: фракийцы сражались в шлемах и с маленьким щитом, их оружием был фракийский изогнутый меч; мурмиллоны — в шлемах со стилизованной рыбой на гребне (от латинского *murmillos* — «морская рыба»), с коротким мечом и большим прямоугольным щитом; бестиарии были вооружены дротиком или кинжалом; ретиарии («бойцы с сетью») — трезубцем, кинжалом и сетью. — *Прим. ред.*

Специальный раб или вольноотпущенник, в обязанности которого входило подсказывать своему господину имена приветствовавших его на улице господ, имена рабов, слуг и т. д. — *Прим. ред.*

Здесь и далее цит по: *Луций Анней Сенека.* Нравственные письма к Луцилию/Пер. С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977. — *Прим. пер.*

Здесь и далее цит. по: Римская сатира/Пер. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1989. — *Прим. пер.*

73

Не получившая дееспособности дочь оставалась под властью отца. Кстати, рабыни-вольноотпущенницы оставались под опекой своего хозяина.

Существовало два варианта: если женщина вышла замуж *cum manu*, она входила в семью своего мужа и в плане гражданских прав уподоблялась его дочери. Следовательно, она считалась сестрой собственных детей, которым могла наследовать. При заключении брака *sine manu* она оставалась чужой семье супруга, а потому и не считалась родственницей своих детей и не могла наследовать им при отсутствии завещания. Поскольку брак *sine manu* был наиболее распространенным, такое положение становилось несправедливым. Преторианский закон подправил его, предоставив матери преимущественное право наследовать кровным родственникам, но этого было мало.

В «Дигестах» (37, 14, 5) приводится пример одного из таких дел: принцепс вновь обратил в рабство вольноотпущенника, который сговорился с обвинителем, чтобы вчинить иск своему хозяину.

76

Официальное, но неверное время приводит Сенека в «Отыквлении божественного Клавдия»: «…случилось это так часу в шестом, в седьмом», что в октябре соответствует времени между 12 и 13 часами.